

АНТИСОВЕТСКАЯ
ИНТЕРВЕНЦИЯ
И ЕЕ КРАХ

1917
1918
1919

ПОЛИТЕХНАТ

АНТИСОВЕТСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ И ЕЕ КРАХ

1917-
1922

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
1987

ББК 63.3(2)712

А72

Авторский коллектив:

Ю. А. ПОЛЯКОВ, В. А. ШИШКИН, Ю. В. МУХАЧЕВ,
Л. М. СПИРИН, Ф. Д. ВОЛКОВ

Редакционная коллегия:

Ю. В. МУХАЧЕВ, Ю. А. ПОЛЯКОВ,
С. С. ХРОМОВ

А72   **Антисоветская интервенция и ее крах. 1917 —
1922.— М.: Политиздат, 1987.— 208 с.**

В книге разоблачаются агрессивные действия мирового империализма против Советского государства в 1917—1922 гг., показывается, как империалисты проводили военную интервенцию в Советской России, вооружали белогвардейские армии, организовывали мятежи и диверсии, совершали террористические акты против руководителей нашей партии. Факты, приводимые в книге, свидетельствуют, что подлинными организаторами и вдохновителями государственного терроризма являлись империалистические государства, которые и спустя десятилетия продолжают оставаться его приверженцами.

А $\frac{0505030102-029}{079(02)-87}$ 115—86

ББК 63.3(2)712

© ПОЛИТИЗДАТ, 1987 г.

ВВЕДЕНИЕ

18 февраля 1918 г. германские и австро-венгерские войска на огромном пространстве от Рижского залива до устья Дуная двинулись на позиции русской армии. Цель наступления — захватить Москву, Петроград, Киев.

Меньше чем через три недели на севере Советской России началась высадка войск другой империалистической группировки — Антанты. 9 марта английский десант сошел с борта военного корабля «Глори» и занял Мурманск. За англичанами на севере появились отряды французов, американцев и других интервентов. Еще менее чем через месяц, 5 апреля, в далеком Владивостоке высадились японские и английские морские пехотинцы. Позднее к ним присоединились американцы. В дальнейшем с каждым месяцем масштабы действий иностранных войск расширялись, они захватывали все новые районы Советской страны.

Эти исторические факты хронологически очень близки. Но они имеют не только временную, но и внутреннюю, причинную связь.

У тех, кто посылал этих одетых в разные мундиры солдат в Россию, была общая цель. Когда В. И. Ленин, поднимая советский народ против нападения австро-германских войск, подписал 21 февраля 1918 г. знаменитый декрет «Социалистическое отечество в опасности!», он ясно определил эту общую цель врага: «Выполняя поручение капиталистов всех стран, германский милитаризм *хочет задушить русских и украинских рабочих и крестьян, вернуть земли помещикам, фабрики и заводы — банкирам, власть — монархии*»¹.

Такую же цель преследовали империалисты Америки, Англии, Франции, Японии. Во имя ее осуществлялась открытая империалистическая антисоветская вооруженная

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 357.

интервенция. Потому-то между событиями на западе, севере и востоке страны была прямая и очевидная связь, несмотря на то что между Антантой и австро-германским блоком в то время шла кровопролитная война. Интервенция была классовым ответом мирового империализма на победу Великого Октября.

Эта Октябрьская революция, выражавшая интересы подавляющего большинства населения страны, была глубоко закономерной, исторически обусловленной. Свергнув прогнивший буржуазно-помещичий строй, революция спасла страну от национальной катастрофы, открыла перед народами России путь к подъему экономики и культуры, к всестороннему прогрессу.

В Программе КПСС говорится: «**Великая Октябрьская социалистическая революция стала переломным событием всемирной истории, определила генеральное направление и основные тенденции мирового развития, положила начало необратимому процессу — смене капитализма новой, коммунистической общественно-экономической формацией.**

Впервые в истории возникло и утвердилось государство диктатуры пролетариата. Рабочий класс, объединяя вокруг себя всех трудящихся, приступил к решению сложнейших задач переходного от капитализма к социализму периода, к созданию основ нового общества»¹.

Отжившие, реакционные силы внутри России, лишённые политической власти, экономического могущества, множества привилегий, развернули ожесточенную борьбу против власти рабочих и крестьян. Это была эгоистическая, своекорыстная позиция, когда старые, реакционные элементы выступали против нового, прогрессивного строя, отвечавшего чаяниям и устремлениям народа.

Однако эти силы не могли добиться успеха. Быстрый разгром первых попыток контрреволюции развязать гражданскую войну (разгром Керенского — Краснова под Петроградом, Дутова на Южном Урале, Каледина на Дону) убедительно показал, что Советская власть, опирающаяся на поддержку подавляющего большинства населения, имеет неизмеримое превосходство над внутренней контрреволюцией.

Тогда на помощь ей выступил международный империализм, открыто вмешавшийся во внутренние дела су-

---

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986, с. 124.

веренной страны. Это широкомасштабное, осуществлявшееся в различных формах вооруженное нападение на Советское государство с целью ликвидации завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции, расчленения России, порабощения ее народов и вошло в историю как антисоветская империалистическая интервенция. Сначала кайзеровская Германия захватила всю Прибалтику, Украину, Белоруссию и ряд других районов страны. Практически одновременно без объявления войны США, Англия, Франция, Япония и другие в значительной степени зависевшие от них государства начали вторжение в Советскую Россию, еще недавно союзную с ними державу, лишь потому, что им не нравилась форма правления, установленная ее рабочими и крестьянами, и они опасались, что «русский пример» усилит революционное движение в их странах. Будучи неспровоцированным, безосновательным нападением на суверенную страну, интервенция являлась грубейшим нарушением международного права.

Таким образом, империалистическая антисоветская интервенция с самого начала носила четко выраженный классовый характер. Конечно, вряд ли кто-нибудь из лидеров капиталистического мира мог тогда представить в полной мере всемирно-историческое значение социалистической революции в России, осознать, что с победой Октября началась новая эпоха мировой истории — эпоха перехода всего человечества к социализму. Однако большинство лидеров капитализма прекрасно отдавали себе отчет в социальной, классовой сущности событий, происходивших в России. Империалистические державы, развязывая антисоветскую войну, руководствовались прежде всего стремлением ликвидировать завоевания революции, восстановить в России буржуазно-помещичий строй. Чувство классовой общности со свергнутыми, лишенными доходов и привилегий российскими помещиками, капиталистами, ненависть к «черни», ставшей у государственного руля, неразрывно связывались у правящих кругов буржуазных государств с защитой собственных интересов.

Они опасались, что успешное развитие революции в России послужит мощным стимулом для нарастания революционного движения в их странах. Революционный подъем в Европе, Америке, Азии, вызванный победой Великого Октября, убедительно показывал, насколько обоснованны были их опасения. Задушить революцию

в России означало нанести тяжелейший удар по мировому революционному движению, лишить трудящихся всего мира вдохновляющего примера, утвердить мысль о незыблемости существующего капиталистического строя.

Немалое значение имели и планы империалистов использовать помощь российской контрреволюции для расширения своей экспансии в России. Каждая из империалистических держав намеревалась захватить те или иные территории бывшей Российской империи, превратить их в свои колонии. Многочисленные документы свидетельствуют не только об экспансионистских планах Англии, Франции, Германии, США, Японии, но и о наличии определенной договоренности между ними о разделе «сферы влияния» в России.

Не только крупные страны — участницы интервенции (Англия, Франция, США, Германия, Япония) преследовали свои корыстные цели, но и правящие круги пограничных с Советской Россией небольших государств, в которых тогда сохранялся капиталистический строй, также стремились к захвату советских территорий и частично добились этого (захват Румынией Бессарабии, никогда не признававшийся советским правительством; включение в состав Польши в 1921 г. Западной Украины и Западной Белоруссии).

Советская республика буквально с первого дня своего существования в знаменитом ленинском Декрете о мире предложила мир всем народам и государствам и в дальнейшем десятки раз обращалась к правительствам капиталистических стран с конкретными предложениями о прекращении военных действий, последовательно отстаивая идею мирного сосуществования государств с различными социальными системами.

Что касается революционного движения в капиталистических странах, то оно развивалось независимо от воли советских людей и угрожало не этим странам, не их национальным интересам, а капиталистическому строю. Разумеется, пример рабочих и крестьян России, впервые в истории свергнувших господство эксплуататоров, оказывал вдохновляющее воздействие на трудящихся всего мира. Но это не давало ни малейших юридических или моральных оснований для обвинения Советской России в экспорте революции, а тем более для оправдания вооруженного нападения на нее. «Международная буржуазия, сначала германская, потом англо-французская (неодно-

кратно и обе вместе), пошла войной на победивший в России пролетариат»¹.

Антисоветская интервенция, будучи единой по своим планам и целям, имела вместе с тем многообразные проявления и формы.

Прежде всего интервенция выразилась в посылке крупных вооруженных сил для непосредственной оккупации значительных районов и жизненных центров Советской страны. Важной составной частью интервенции было установление экономической блокады, прервавшей практически все морские и сухопутные пути общения Советского государства с внешним миром. В Республику Советов не пропускались ни продовольствие, ни даже медикаменты.

Для борьбы с Советской властью интервентами были широко использованы российские контрреволюционные воинские формирования. Поскольку они были взяты под фактический контроль иностранных государств, осуществлявших координацию их действий, посылку в них военных руководителей, инструкторов, советников, всестороннее снабжение оружием, боеприпасами, обмундированием, деньгами, можно с полным основанием считать белогвардейские войска прямым орудием, наемниками интервентов.

Интервенция выразилась также в проведении политики террора и насилия на оккупированных советских территориях, разграблении их экономических ресурсов. При установленном интервентами террористическом режиме значительные группы населения физически уничтожались или заключались в тюрьмы и концентрационные лагеря.

Особое значение имела организация заговоров, мятежей, диверсий, политических убийств, осуществлявшихся при прямом в ряде случаев участии официальных представителей США, Англии, Франции, Японии и других государств. Террористическая деятельность в советском тылу приняла самые широкие масштабы.

«Капитализм встретил рождение социализма как «ошибку» истории, которая должна быть «исправлена»,— говорится в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии.— Исправлена во что бы то ни стало, любым способом, без оглядки на право и мораль: вооруженной интервенцией, экономической блокадой, подрыв-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 142.

ной деятельностью, санкциями и «наказаниями», отказом от какого бы то ни было сотрудничества. Но ничто не смогло помешать утверждению нового строя, его исторического права на жизнь»¹.

Империалистическая антисоветская интервенция, продолжавшаяся несколько лет, в полной мере продемонстрировала антигуманную сущность капиталистического строя, приведя к кровопролитным и затяжным военным действиям, к небывалым разрушениям производительных сил России, к возникновению голода и эпидемий, к огромным людским потерям, исчисляемым многими миллионами жизней.

Для того чтобы глубже разобраться в сущности и целях интервенции, показать ее как неотъемлемую черту империализма, необходимо коснуться двух важных актуальных понятий. Это понятия экспорта контрреволюции и международного государственного терроризма.

Буржуазные пропагандисты избрали своим излюбленным коньком упреки по адресу коммунистов, будто они якобы занимаются экспортом революции. Это утверждение не соответствует истине. Да, коммунисты являются интернационалистами, они стоят за единство и солидарность трудящихся всех стран. Но они выступали и выступают против «подталкивания» революций извне, против их экспорта. Марксистско-ленинское учение принципиально и недвусмысленно говорит о том, что революция происходит в той или иной стране по мере складывания ее объективных и субъективных предпосылок, по мере созревания революционной ситуации, которая определяется внутренним, исторически обусловленным развитием данной страны. «Революции,— указывал В. И. Ленин,— не делаются по заказу, не приурочиваются к тому или другому моменту, а созревают в процессе исторического развития и разражаются в момент, обусловленный комплексом целого ряда внутренних и внешних причин»².

Как говорилось в обращении Председателя ВЦИК М. И. Калинина к польскому народу (февраль 1920 г.), «коммунисты России... не думают и не могут даже подумать о насильном водворении коммунизма в чужих странах»³.

---

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 10—11.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 531.

³ Документы внешней политики СССР. М., 1958, т. 2, с. 357.

Ленинская идея мирного сосуществования государств с различным социально-экономическим строем, ставшая незыблемым принципом советской внешней политики, по своей сути исключает экспорт революции.

«В отличие от империализма, пытающегося силой остановить ход истории, вернуть былое,— подчеркивается в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии,— социализм по собственной воле никогда не связывал свое будущее с военными решениями международных проблем... Мы и сегодня твердо убеждены: подталкивать революцию извне, тем более военными средствами, бесполезно и недопустимо»¹.

И наоборот, реакционные, агрессивные круги буржуазных стран — за экспорт контрреволюции, за вмешательство во внутренние дела других государств, за установление своей гегемонии над всем миром. Они осуществляют эту террористическую политику в двух видах.

Во-первых, путем вмешательства в дела стран, где разворачиваются национально-освободительные и демократические движения, оказания помощи реакционным режимам, зачастую в форме прямого вооруженного подавления революционных сил.

Во-вторых, путем поддержки (в том числе военной) уже отстраненных от власти правителей, групп, классов, партий в целях их возвращения к рулю государственного корабля.

Каждый из этих видов имеет свою специфику. Но чаще всего они используются, дополняя друг друга. При этом в случае победы революционного движения первый вид перерастает во второй.

Именно так было и в тот исторический период, о котором пойдет речь в настоящей книге.

Международный империализм всеми силами стремился помешать торжеству социалистической революции в России. Когда ее победа стала фактом, империалисты сосредоточили силы для ее подавления, организовав вооруженную интервенцию.

Эта борьба, длившаяся несколько лет, принесла неисчислимы беды советскому народу. Почти одновременно империалистические государства организовали вооруженную интервенцию против ряда других стран, в частности против венгерского народа, установившего в марте

---

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 11—12.

1919 г. советскую власть. Экспорт контрреволюции в данном случае принес свои результаты — Венгерская республика была уничтожена.

Но в Советской России империалистическая интервенция потерпела неудачу.

Мировой империализм свою стратегию экспорта контрреволюции воплощает в жизнь при помощи государственного терроризма.

17 декабря 1984 г. Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций приняла внесенную делегацией СССР резолюцию о недопустимости политики государственного терроризма.

Эта резолюция была одобрена подавляющим большинством голосов (117). Лишь США, их ближайшие союзники по НАТО, Израиль, Чили и др. воздержались.

В резолюции подтверждалось «неотъемлемое право всех народов определять свою собственную форму правления и избирать свой собственный экономический, политический и социальный строй без вмешательства извне, подрывной деятельности, принуждения и давления в какой бы то ни было форме».

Генеральная Ассамблея выражала глубокую тревогу в связи с тем, что «в отношениях между государствами все чаще практикуется государственный терроризм». Это означает, что предпринимаются разнообразные, в том числе и военные, действия против самоопределения народов и суверенитета государств. Подобные действия создают серьезную угрозу независимому существованию государств, нарушают взаимное доверие, ведут «к резкому обострению напряженности и возрастанию военной опасности».

Поэтому резолюция Генеральной Ассамблеи категорически отвергла «любые концепции, доктрины или идеологии, призванные оправдать действия государств, направленные на подрыв общественно-политического строя других государств», и решительно осудила «политику и практику терроризма в международных отношениях как метод ведения дел с другими государствами и народами»¹.

Эта резолюция разоблачила как политику империалистических стран, направленную на использование государственного терроризма для борьбы против национально-освободительных и других прогрессивных движений,

---

¹ Известия, 1984, 19 декабря.

так и попытки мирового империализма обвинить СССР, его союзников и революционеров вообще в «применении международного терроризма».

Используя этот броский, однозвучный термин для маскировки своих агрессивных действий, империалисты стремились и стремятся направить острие «антитеррористической» кампании против социалистических стран, против национально-освободительных движений, обвиняя их в использовании террористических методов в международном масштабе.

В действительности же подлинные революционеры всегда выступали против террора как средства революционной борьбы. Великий революционер, вождь и основатель Советского государства В. И. Ленин множество раз критиковал практику сторонников террора, в частности социалистов-революционеров (эсеров), оказавшихся на деле псевдореволюционерами. Однако зарубежные фальсификаторы истории утверждают — это их излюбленная тема, кочующая из книги в книгу, из учебника в учебник, — будто бы Советское правительство утвердилось у власти путем террора и на протяжении всей гражданской войны подавляло своих политических противников.

С помощью таких утверждений советологи пытаются утаить очевидное: что именно внутренняя и внешняя контрреволюция развернула вооруженную борьбу против Советской России, что именно международный империализм был вдохновителем антисоветской вооруженной интервенции и гражданской войны, что именно он развязал жесточайший террор против победившего народа, ставший орудием классовой мести рабочим и крестьянам России со стороны свергнутых эксплуататоров.

Неопровержимые факты прошлого и настоящего свидетельствуют, что действия империалистических держав против Советской России целиком подпадают под определение государственного терроризма, данное в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН.

Таким образом, в истории и современности и соответственно в исторической и политической терминологии империализм связал в зловещий узел такие явления, как экспорт контрреволюции, международный государственный терроризм, империалистическая интервенция. Все они являются порождением капиталистического строя, все они теснейшим образом — идеологически и политически — переплетаются друг с другом. Вооруженная импе-

риалистическая интервенция против социалистической революции в России в 1917—1922 гг. была самым крупным в истории проявлением экспорта контрреволюции и государственного терроризма. Годы открытой интервенции вскрыли основные черты этих столь опасных для мира и прогресса действий мирового империализма.

Вместе с тем эти годы показали, что даже в самых трудных условиях трудящиеся массы, руководимые марксистско-ленинской партией, могут успешно противостоять мировому империализму. Поэтому уроки этого периода являются исключительно актуальными и поучительными для наших дней, когда усилилась борьба всех народов против империалистического гнета и насилия, против смертельной угрозы, создаваемой империалистами самой жизни на Земле.

Советский народ под руководством Коммунистической партии, опираясь на поддержку трудящихся всех стран, одержал решительную победу над объединенными силами империалистической интервенции и внутренней контрреволюции. Эта победа имела историческое значение.

Империалистическая интервенция, предпринятая с целью уничтожить военным путем первое в мире государство рабочих и крестьян, ликвидировать очаг мирового революционного движения, задержать тем самым поступательный прогресс человечества к социализму, потерпела неудачу. Из навязанного империализмом первого военного столкновения двух систем Советское государство вышло победителем.

Тем важнее обращение к урокам победоносной борьбы трудящихся за срыв интервенционистских планов империалистов. И особенно важно, что впервые эти уроки были преподаны империалистической реакции в то время, когда социализм делал еще только первые шаги по пути, открытому всему человечеству победой Великой Октябрьской социалистической революции.

В данной работе авторы не преследуют цели осветить историю борьбы советского народа с иностранным нашествием и буржуазно-помещичьей контрреволюцией. Задача книги — отразить основные направления империалистической антисоветской интервенции как акции международного государственного терроризма, воплощения политики экспорта контрреволюции, рассмотреть под этим углом зрения главные факты и события 1917—1922 гг.

Глава I

ВООРУЖЕННАЯ АГРЕССИЯ

1. ДИПЛОМАТИЯ ИНТЕРВЕНЦИИ

Вопрос о военном подавлении социалистической революции в России стал обсуждаться в империалистических кругах Запада еще до установления Советской власти. В этом со всей очевидностью проявился скрытый механизм международной солидарности капитала, определяющийся единством классовых позиций империалистов разных стран. Английский представитель в Москве Локкарт признавал впоследствии, что «ненависть к революции и страх перед ее последствиями в Англии были доминирующими у консерваторов... и патриотов-лейбористов»¹. Такие настроения были характерны и для буржуазии других капиталистических государств.

Осенью 1917 г. империалисты Антанты и Соединенных Штатов стремились всячески помочь российской буржуазии установить военно-террористическую диктатуру в стране и сломить нарастающее революционное движение. Этот сговор ярко проявился во время подготовки второй корниловщины. 26 сентября послы Англии, США, Франции и Италии вручили Временному правительству специальную ноту. Основным смысл ее сводился к требованию принятия «решительных мероприятий» против нарастающих революционных действий народных масс. В противном случае послы угрожали прекращением военных поставок, поставок продовольствия и кредитов². Премьер «временных» министров А. Керенский признавал впоследствии, что если бы кому-нибудь удалось опубликовать эту ноту «с разъяснением кто, где, когда и как

---

¹ *Lockhart B. Memoirs of a Britain Agent. London, 1932, p. 197.*

² *См.: Бьюкенен Д. Мемуары дипломата. М., 1924, с. 258—259.*

помогал ген. Корнилову», то не только бы сразу же наступил конец союзу России и Антанты, но и пришлось бы «к зданиям союзных посольств до отъезда послов поставить хорошую охрану»¹.

Международная реакция плела тайный заговор вместе с российской контрреволюцией. Классовая ненависть к революции объединяла их в одну антинародную силу. «...Мы все прекрасно знаем быстрое нарастание сговора и заговора международных империалистов против русской революции,— отмечал В. И. Ленин.— Задушить ее во что бы то ни стало, задушить ее и военными мерами и миром за счет России — вот к чему подходит международный империализм все ближе»². Империалисты возлагали надежды на военное поражение России и разгром революционных сил германскими войсками. Сдача Корниловым в августе Риги немцам, подготовка сдачи врагу Балтийского флота и Петрограда (командование Северного фронта в сентябре оставило Якобштадтский плацдарм, а Временное правительство в октябре приняло решение о переезде в Москву) — все это говорило о том, что реакция действительно готовилась подавить революцию ценой национальной измены.

Замыслы реакции были перечеркнуты Великим Октябрем. Партия большевиков, возглавившая победоносный пролетариат, стала бороться за революционный выход из войны, за мир для народов России. Советское государство рождалось со словами «мир» и «равенство» на устах. «...Мы, как социалистическая республика,— подчеркивал Ленин,— хотя бы и истерзанная, ограбленная империалистами, остались *вне* империалистической войны и перед всем миром подняли знамя мира, знамя социализма.

Неудивительно, что банда международных империалистов ненавидит нас за это»³.

Это уже продемонстрировало 7 ноября 1917 г. совещание дипломатических представителей государств Антанты в Петрограде, на котором было решено не признавать Советское государство. В связи с этим английский посол Бьюкенен направил запрос министру иностранных дел Бальфуру и получил от него утвердительный ответ⁴. Решение не признавать Советскую власть было одобре-

---

¹ Керенский А. Ф. Союзники и Временное правительство.— Со временные записки. Париж, т. 55, с. 17.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 386.

³ Там же, т. 37, с. 53—54.

⁴ См.: Бьюкенен Д. Мемуары дипломата, с. 289—290.

но также правительством Франции. 8 ноября 1917 г. английский военный кабинет и 9 ноября совет министров Франции обсудили «русский вопрос» в связи с предложением румын о соединении их войск с казачьими частями атамана Каледина, поднявшего восстание на Дону. Посланник Румынии во Франции Антонеску предлагал также использовать для помощи российской контрреволюции 100 тыс. австро-венгерских военнопленных румынской национальности, находившихся в России. И хотя конкретного решения принимать не стали, вопрос о военной помощи контрреволюции в России был в принципе решен. Поэтому союзные представители в Петрограде даже не ответили на ноту Советского правительства от 8 ноября 1917 г., уведомлявшую их о принятии Декрета о мире и требовавшую «немедленного открытия мирных переговоров».

В то же время 10 и 11 ноября 1917 г. начальники военных миссий стран Антанты в коллективной ноте главнокомандующему генералу Духонину выразили энергичный протест против заключения какого-либо перемирия с Германией и Австро-Венгрией и потребовали от него направить всем политическим партиям и армии обращение о необходимости сохранения порядка и дисциплины на фронте. К ним присоединился и представитель армии Соединенных Штатов Америки подполковник Керт. 11 ноября Духонин получил сообщение из Вашингтона, что США прекращают поставки «военного снаряжения и продовольствия в Россию». Представители американской реакции заверили генерала, что вывоз продуктов будет возобновлен, как только большевиков отстранят от власти. Одновременно правящие круги империалистических держав стали официально заявлять о непризнании ими Советского правительства. 14 ноября 1917 г. об этом сообщил генералу Духонину член французской военной миссии генерал Лавернь¹. А днем раньше, 13 ноября, министр иностранных дел Англии А. Бальфур, выступая в палате общин, отметил, что «со времени падения Временного правительства в России нет правительства», с которым Англия считала бы «возможным войти в сношения»².

¹ См.: Документы внешней политики СССР. М., 1957, т. 1, с. 17, 25, 33; Красный архив, 1927, т. 4 (23), с. 210—213.

² Цит. по: Соловьев О. Ф. Великий Октябрь и его противники. О роли союза Антанты с внутренней контрреволюцией в развязывании интервенции и гражданской войны (октябрь 1917 — июль 1918) (далее: Великий Октябрь и его противники). М., 1968, с. 71—72.

Взяв курс на проведение политики непризнания Советского правительства и отказа от мирных переговоров, правящие круги держав Антанты приступили к дипломатической подготовке вооруженной интервенции против Советской России. 24 ноября министр иностранных дел Франции Пишон сообщил генеральному секретарю Чехословацкого национального совета Бенешу, что во Франции создана «Комиссия для решения русского вопроса» под председательством генерала Жанена. Ее задачей, по сообщению Пишона, являлась «подготовка плана пропаганды и плана выступления и изучение возможности наиболее полного использования некоторых организаций инородцев в России, например, чехов, казаков, украинцев, латышей и т. д.» в целях свержения Советского правительства¹.

Подобным образом действовали и правящие круги Англии. Как видно из документа Министерства иностранных дел, составленного заместителем министра лордом Р. Сесилем, «в конце ноября 1917 г. кабинет приступил к обсуждению вопроса о дальнейших шагах, которые следует предпринять дружественной Антанте для поддержки антибольшевистского движения, и после некоторых колебаний решил выделить для него деньги»². Английский империализм почти с первых дней революции в России начал строить планы по ее удушению. 3 декабря 1917 г. военный кабинет поручил Р. Сесилю информировать Дж. Бьюкенена, британского посла в Петрограде, что «политикой правительства является поддержка любой солидной организации в России, которая активно противодействует «максималистам» (т. е. большевикам), и что «правительство Его Величества щедро снабдит деньгами тех, кто проявит готовность поддержать союзников»³. В связи с этим Бьюкенену было разрешено истратить 10 млн. руб. на развитие контрреволюционного движения в стране.

В конце ноября в Париже межсоюзническая конференция рассмотрела дальнейшие планы борьбы с Германией и «русский вопрос». В частности, был обсужден меморандум маршала Фоша «О мерах, которые необхо-

---

¹ Цит. по: *Краль В.* О контрреволюционной и антисоветской политике Масарика и Бенеша. М., 1955, с. 68.

² Цит. по: *Ротштейн Э.* Когда Англия вторглась в Советскую Россию. М., 1982, с. 59.

³ Там же.

димо принять в отношении России». Меморандум предусматривал военную интервенцию против Советского государства с оккупацией зоны транссибирской железной дороги. В итоге обсуждения было подтверждено решение стран Антанты о непризнании правительства РСФСР.

3, 7 и 10 декабря состоялись секретные заседания английского военного кабинета, на которых обсуждались вопросы оказания помощи российской контрреволюции и организации вооруженной интервенции против Советской России. Было заявлено, что «большевиков следует рассматривать как открыто признанных врагов»¹.

Последовательно антисоветскую позицию заняло и правительство США. В начале декабря 1917 г. госсекретарь Лансинг подготовил для президента Вильсона меморандум, в котором изложил основные направления американской политики в отношении Советской России. Выступая против признания правительства РСФСР, Лансинг утверждал, что «Россия как нация никогда не попадет под власть петроградских большевиков. Гораздо вероятнее, что она распадется на отдельные части, требующие предоставления независимости». Вскоре им был составлен для президента второй меморандум, где прямо говорилось, что «надежда на образование прочного русского правительства основывается в настоящий момент на военной диктатуре... Единственным очевидным ядром для организованного движения, достаточно сильного, чтобы сменить большевизм и образовать правительство, вероятно, будет группа высших офицеров во главе с генералом Калединым, атаманом донских казаков»². Вильсон, одобрив документы Лансинга, предусматривавшие расчленение России и установление там военной диктатуры, принял решение о предоставлении Каледину тайной финансовой помощи через английские и французские банки. Американский историк В. Вильямс вынужден был признать, что «антибольшевизм был главным двигателем американской интервенции в России, интервенции, которая в принципе была решенным делом еще между 10 и 12 декабря 1917 г.»³.

---

¹ Цит. по: Волков Ф. Д. Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. М., 1980, с. 26.

² Соловьев О. Ф. Великий Октябрь и его противники, с. 135—136.

³ Вильямс В. Американская интервенция в России в 1917—1920 гг.— История СССР, 1964, № 4, с. 177.

Идея расчленения и закабаления России получила свое конкретное выражение в решениях англо-французской конференции, состоявшейся 9—10 декабря 1917 г. в Париже. На ней были рассмотрены английские предложения о разделении сфер влияния в России. Особо подчеркивалось, что «первой задачей должно быть предоставление субсидий для реорганизации Украины, на содержание казаков и кавказских войск...»¹.

За несколько дней до начала мирных переговоров в Брест-Литовске заместителя министра иностранных дел Великобритании Р. Сесиль посетил французский посол. Речь шла о разделе России на «сферы влияния». В связи с этим Сесиль сделал на заседании военного кабинета заявление о перспективах британской политики в отношении Советской России. А спустя шесть недель после начала Великой Октябрьской социалистической революции, 21 декабря 1917 г., военный кабинет Англии по предложению министра иностранных дел А. Дж. Бальфура принял меморандум, подготовленный министерством иностранных дел с участием военного министра и начальников спецслужб для представления французскому правительству. В меморандуме говорилось о необходимости поддержки контрреволюционных сил в различных районах России и о разделении сфер влияния между Англией и Францией. «Если французы возьмут на себя задачу финансирования антисоветских сил на Украине,— указывалось в меморандуме,— то мы могли бы изыскать деньги для других. Несомненно, что США присоединятся к этому процессу. Помимо финансового есть не менее важный вопрос — это посылка своих агентов и офицеров-советников для поддержки провинциальных правительств России и их армий. Очень важно, чтобы это было сделано как можно скорее»². При этом особо подчеркивалось, что «оказывать поддержку местным правительствам и их армиям» следует по возможности тихо, чтобы никто не мог нас обвинить в том, что мы готовимся к войне с большевиками.

22 декабря 1917 г. на совещании в Париже, на котором присутствовали с английской стороны военный министр лорд Мильнер и заместитель министра иностранных дел лорд Сесиль, а с французской — премьер-ми-

¹ *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары. М., 1938, т. 5, с. 95.

² *Рыжиков В. А.* О чем свидетельствуют документы Главного государственного архива Англии.— Вопросы истории, 1968, № 12, с. 75.

нистр Клемансо, министр иностранных дел Пишон и маршал Фош, меморандум был одобрен и положен в основу общих интервенционистских планов. В связи с этим на следующий день, 23 декабря, состоялось подписание соглашения о совместной интервенции и разделе сфер влияния в России под названием «Условия конвенции, согласованной в Париже 23 декабря 1917 года». Соглашение включало в себя следующие пункты:

«I. Действия против неприятеля, руководимые Францией, осуществляются на севере от Черного моря.

Действия, руководимые Англией, осуществляются на юго-восток от Черного моря.

II. Генерал Алексеев, находящийся в Новочеркасске, после того как предложил выполнение программы, имеющей в виду организацию армии, предназначенной возглавлять борьбу с врагами, и поскольку эта программа была принята Францией, которая выделила для этой цели кредит в 100 миллионов (франков) и требует организации межсоюзнического контроля, будет возможно продолжать выполнение вышеназванной программы до принятия новых планов, которые будут выработаны совместно с Англией.

III. С этой оговоркой, зоны влияния, предназначенные каждому из правительств, будут следующими:

английская зона: территории казаков, территории Кавказа — Армения, Грузия, Курдистан;

французская зона: Бессарабия, Украина, Крым.

IV. Общие расходы будут определены и урегулированы межсоюзным централизованным органом»¹.

В основу такого деления были положены стратегические интересы английского и французского империализма. Английских империалистов интересовали нефтяные районы Кавказа, французских — угольные и железнорудные месторождения Украины. Следовательно, эти крупнейшие империалистические державы Западной Европы уже в конце 1917 г. разработали далеко идущий экспансионистский план расчленения и закабаления России, который должен был осуществиться путем военного нападения на нашу страну и насильственного свержения Советского правительства.

Этот план полностью поддерживался американскими правящими кругами. Американский империализм видел в России огромное поле колонизаторской деятельности.

---

¹ Волков Ф. Д. Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит, с. 28—29.

Правительство США вынашивало широкие планы экономического и политического проникновения в Советскую страну.

В канун нового, 1918 г. Вильсон обратился с трибуны конгресса к народам и правительствам всех стран с посланием, в котором выдвигалась программа будущего мира, широко известная под названием «14 пунктов президента Вильсона». Вильсоновская программа мирного урегулирования империалистических противоречий выражала интересы держав Антанты, но прежде всего самих Соединенных Штатов. Ее реализация должна была обеспечить американскому капиталу доминирующее положение в послевоенном мире.

«Русский вопрос» явился основой всей программы, в некотором роде *raison d'être* (т. е. оправданием) внешнеполитического курса США¹. «Яд большевизма,— говорил тогда с раздражением Вильсон,— только потому получил такое распространение, что являлся протестом против системы, управляющей миром. Теперь очередь за нами, мы должны отстоять на мирной конференции новый порядок, если можно — добром, если потребуется — злом»².

Подлинный смысл пункта по «русскому вопросу» вильсоновской программы был раскрыт в комментариях к ней, составленных по указанию Вильсона советником президента полковником Э. Хаузом. Этот пункт предусматривал: «1. Признание временных правительств, которые создавались или предполагалось создать в различных районах России. 2. Предоставление помощи этим правительствам и через эти правительства». Далее, предполагалось рассматривать Кавказ как часть Турецкой империи; в отношении Средней Азии — предоставить одной из держав «ограниченный мандат для управления ею на основе протектората»; по поводу Сибири — создание там отдельного от Великороссии правительства³.

С начала 1918 г. в Лондоне и Париже активно разрабатывались планы начала общей интервенции. В середине января 1918 г. английский военный кабинет начал обсуждать вопрос о возможном участии Японии в интервенции на Дальнем Востоке. Военным министерством совместно с министерством иностранных дел был подго-

¹ См.: Архив полковника Хауза. М., 1939, т. 3, с. 231.

² Цит. по: Беккер. Вудро Вильсон, Мировая война. Версальский мир. М., 1923, с. 191—192.

³ См.: Архив полковника Хауза. М., 1945, т. 4, с. 151—153.

товлен меморандум, в котором доказывалась необходимость не только захвата Японией советского Дальнего Востока, но и оккупации «Сибирской железной дороги на всем протяжении от Владивостока до границ Европейской России». Кабинет решил, что «именно Япония должна осуществить эту акцию от имени союзников».

Американская дипломатия также активно участвовала в подготовке интервенции. 21 февраля американский посол в России Д. Френсис отправил госсекретарю США Р. Лансингу телеграмму, в которой доказывал необходимость быстрого начала вооруженной интервенции союзников против Советской России. «Я серьезно настаиваю на необходимости,— телеграфировал он,— взять Владивосток под наш контроль, а Мурманск и Архангельск передать под контроль Великобритании и Франции...»¹

В начале апреля 1918 г. между правительствами США, Японии, Англии и Франции было достигнуто соглашение о начале совместной интервенции на Дальнем Востоке и в Сибири.

Из-за продолжавшейся войны против Германии империалисты Антанты и США не смогли сразу развернуть широкомасштабную интервенцию против Советской России. Представители Антанты неоднократно сетовали по этому поводу. В сложившихся условиях главная ставка империалистических государств была сделана на оказание моральной и материальной поддержки российской контрреволюции, группировавшейся тогда на Дону, а также на Кавказе и Украине.

По далеко не полным данным, только на формирование Добровольческой армии на Дону союзники предоставили следующие субсидии: 2, 3 и 10 января 1918 г. 305 тыс. руб. поступило от французской военной миссии, 13 января — 975 тыс. руб. «из особого источника»; моргановский «Нэшнл сити банк» отдал распоряжение перевести Каледину 500 тыс. дол.; 5 декабря американский посол в Лондоне Пейдж сообщал Лансингу о предписании английского правительства своим агентам на юге России выдать двум группам «патриотов» по 60 млн. ф. ст.² На создание добровольческих частей на территории Ру-

---

¹ Из истории гражданской войны в СССР. Сборник документов и материалов. В 3-х т. 1918—1922. М., 1960, т. 1, с. 8.

² Селезнев Г. К. Крах заговора. Агрессия США против Советского государства в 1917—1920 гг. М., 1963, с. 38; Чубарьян А. О. Брестский мир, М., 1964, с. 112.

мынии только французское правительство, по признанию генерала Дроздовского, выдало 57 млн. руб.¹

Нарращивая финансовую и материальную помощь формирующимся белогвардейским армиям, правительства Антанты и США вели и непосредственную подготовку к вооруженной интервенции против Советской России. В январе 1918 г. боярская Румыния по согласованию с державами Антанты оккупировала Бессарабию². В советские порты на севере и Дальнем Востоке стали прибывать английские, американские и японские корабли. 14 января 1918 г. без всякого предупреждения японские военные суда вошли во Владивосток. Вместе с ними встал на рейде в советском порту английский крейсер «Суффолк». С весны 1918 г. правительства Антанты и США приступили к отправке на советскую территорию контингентов своих войск. Так дипломатия «союзников» превратилась в дипломатию агрессоров, пытавшихся огнем и мечом подавить социалистическую революцию в России.

Политические лидеры мирового империализма, такие, как У. Черчилль, и не скрывали своего отношения к революции в России, призывая «задушить коммунизм в его колыбели». Это признают и представители буржуазной исторической науки на Западе³. Английские прогрессивные историки Д. Харвейт и К. Худ отмечают, что после Великой Октябрьской социалистической революции внешняя политика Великобритании изменилась. «Империалистическое соперничество перестает быть ее единственной задачей, — пишут они. — Фактически оно отодвигается на второй план, уступив место проблеме подавления социалистической революции, обуздания мирового революционного движения и поддержки антирабочих сил во всех странах мира»⁴. Эта оценка относится и к политике других империалистических государств.

2. АВСТРО-ГЕРМАНСКИЕ ОККУПАНТЫ НА СОВЕТСКОЙ ЗЕМЛЕ

Во время Октябрьской революции и сразу после ее победы ни одна из главных группировок мирового империализма, занятых военным противоборством друг с другом, не

¹ См.: Дроздовский М. Дневник. Берлин, 1923, с. 29.

² См.: Документы внешней политики СССР, т. 1, с. 89—90.

³ См.: История СССР, 1964, № 4, с. 177.

⁴ Харвейт Д., Худ К. Британское государство. М., 1961, с. 270.

смогла немедленно послать в Россию свои войска, чтобы при помощи их свергнуть Советскую власть или не допустить ее утверждения. Однако уже тогда, как говорилось выше, Антантой и США в принципе был решен вопрос о подготовке военной интервенции в Россию. Представители кайзеровской Германии, начав 20 ноября 1917 г. в Брест-Литовске переговоры о перемирии с уполномоченными Советского государства, также преследовали цель не только навязать России аннексионистский мир, но и создать предпосылки для будущей интервенции.

Империалисты заявляли, что главной причиной интервенции была мировая война, стремление каждой стороны довести ее до победного конца. Немцы ссылались на необходимость обеспечить свой тыл и перебросить войска для решающих боев на Западе. Англия, Франция, США утверждали, что после заключения Брестского мира, выхода из войны и роспуска армии России-де, ее важным стратегическим пунктам угрожает захват Германией, что усилит позиции последней в мировой войне, приведет к изменению соотношения борющихся сил. Империалисты Антанты широко распространяли слухи, что якобы большевики вооружают в Сибири и на Дальнем Востоке военнопленных немцев, венгров, австрийцев, готовя их к нападению на чехословацкий корпус, продвигающийся из Центральной России на Владивосток, а оттуда во Францию для войны с Германией. О Закавказье говорилось, что ему грозит захват со стороны союзников Германии — турок¹.

Разумеется, указанные выше обстоятельства, как и ряд других, в том числе стремление империалистов вернуть займы и капиталовложения в России, играли определенную роль, но не они определяли главные цели мирового империализма. Основная причина интервенции заключалась в том, что мир капитала видел, насколько опасен прорыв его системы, осуществленный Советской Россией, примеру которой могут последовать и другие на-

---

¹ Западногерманская и англо-американо-французская историография и сейчас в основном придерживаются этих версий. См.: *Rauch G. Geschichte der baltischen Staaten.* Stuttgart — Berlin — Köln — Mainz, 1970, S. 46—48; *Neandler I. Grundzüge der russischen Geschichte.* Dormstadt, 1972, S. 214—216; *Stökl G. Russische Geschichte von den Anfängen bis zur Gegenwart.* Stuttgart, 1973, S. 672. *Jackson R. At War with the Bolsheviks. The Allied Intervention into Russia 1917—1920.* London, 1971, p. 30; *Shermer D. World War I.* London, 1973, p. 180; *Goldhurst R. The Midnight War: The American Intervention in Russia, 1918—1920.* N.-Y., 1978, p. 260.

роды. Страх перед революцией, перед собственными рабочими и крестьянами был главной причиной нападения на первую в мире страну социализма.

Характерной особенностью первого этапа военной интервенции в Советской России было то, что в ней одновременно участвовали обе враждующие между собой империалистические группировки — страны Четверного союза и Антанты.

Оба империалистических блока были смертельно опасны для молодого социалистического государства. Но степень этой опасности в разное время выступала неодинаково. До середины лета 1918 г. наибольшую угрозу Советской власти представляла интервенция Четверного союза, войска которого находились в непосредственной близости от жизненных центров страны. С поражением Германии в войне на первый план вышла опасность, создаваемая США, Англией, Францией, Японией, войска которых к тому времени захватили значительные советские территории.

Способы развязывания военной интервенции, предлоги для ее начала были самыми разными. Они зависели от местных условий, обстоятельств времени, от повадок самих захватчиков. Большое значение имел тот факт, что войска Четверного союза непосредственно соприкасались с территорией России, а армии Антанты в первой половине 1918 г. нигде, кроме Закавказья и Средней Азии, не могли проникнуть в Страну Советов сухопутным путем. Поэтому они начинали интервенцию прежде всего с морских десантов на севере и Дальнем Востоке¹.

(Первыми в Советскую Россию вторглись войска кайзеровской Германии. Нарушив договор о перемирии (он был подписан 2 декабря 1917 г.), немцы предъявили Советской России ультиматум и 18 февраля 1918 г. перешли в наступление.)

Рабоче-крестьянское государство оказалось в критическом положении. Старая армия, находившаяся в состоянии развала, не могла оказать серьезного сопротивления интервентам и в большинстве случаев быстро отступала. В принятом 21 февраля 1918 г. Совнаркомом декрете-воззвании «Социалистическое Отечество в опасности!», подписанном В. И. Лениным, раскрывалось классовое содержание планов Германии как ударного в то время отряда международного империализма. Советское

---

¹ См.: *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары. М., 1937, т. 6, с. 82.

правительство осуществило ряд экстренных мер по борьбе с вторгшимся врагом. 23 февраля 1918 г. в Петрограде был проведен день защиты социалистического Отечества, день массового вступления трудящихся в ряды новых вооруженных сил, который отмечается и поныне как день рождения Красной Армии.

Именно от красногвардейцев и красноармейцев, от революционных частей старой армии, руководимых большевиками, захватчики получили отпор. Так было в районе Пскова, где бои шли не только на подступах к городу, но и в самом городе. Вот что писал очевидец боев за Псков: «...германские войска вступили около 7 часов вечера в воскресенье, 24 февраля. С ними вступили в перестрелку на улицах Пскова наши красногвардейцы (в небольшом количестве). В 12 часов ночи была самая ожесточенная перестрелка из пулеметов на Сергиевской и Великолукской улицах, по направлению к вокзалу, откуда наседали немцы. Красногвардейцы находились на улицах небольшими группами, защищались мужественно и почти все легли»¹. Захватив Псков, немцы уничтожили в нем около 140 красногвардейцев, партийных и советских работников².

В короткое время противник оккупировал Прибалтику, земли Белоруссии, значительную часть Украины, ряд территорий в Закавказье. В этих условиях еще острее встал вопрос о заключении мира с державами Четверного союза, поскольку Антанта отказалась вести переговоры о прекращении войны. Промедление в подписании мира грозило гибелью Советской власти.

С 3 марта 1918 г. в Брест-Литовске был подписан мирный договор между РСФСР и странами Четверного союза. Советская делегация заявила по этому поводу: «Этот мир продиктован с оружием в руках. Это — мир, который, стиснув зубы, вынуждена принять революционная Россия. Это — мир, который под предлогом «освобождения» российских окраин на деле превращает их в немецкие провинции... Германия силой оружия занимает области с чисто русским населением и устанавливает там

---

¹ Николаев П. А. О боевых действиях отрядов Красной Армии и Красной гвардии под Псковом. Февраль — март 1918 г.— Вопросы истории, 1968, № 2, с. 129; См. подробно о немецкой интервенции в кн.: Петров В. И. Отражение Страной Советов нашествия германского империализма в 1918 году. М., 1980.

² См.: Очерки истории Псковской организации КПСС. Л., 1971, с. 108.

режим военной оккупации и дореволюционного строя»¹.

Несмотря на заключение мира, немцы продолжали наступление на Украине и юге России, в Крыму и на Кавказе. В апреле они заняли Крым, в мае — Ростов-на-Дону и высадились на Таманском полуострове. Советскому правительству пришлось отдать приказ о затоплении Черноморского флота, который в противном случае мог бы достаться Германии. Кайзеровские и турецкие войска продолжали продвижение в Закавказье.

Австро-германо-турецкая интервенция, то есть навязывание силой оружия своей воли целому народу, а не только его армии, была, несомненно, актом государственного терроризма. Это видно из следующих обстоятельств:

1) германский блок, стремясь использовать благоприятную для него обстановку, нарушил заключенное ранее соглашение о перемирии;

2) сам Брестский мир был насильственным, хищническим и, хотя имел юридическое оформление, являлся, по существу, противозаконным;

3) целью германского империализма была не просто оккупация советских территорий, а свержение Советской власти, реставрация буржуазно-помещичьих порядков, что являлось политическим насилием над народом;

4) условия мира нагло нарушались германскими войсками, захватывавшими все новые и новые территории;

5) само вторжение сопровождалось террором, массовыми убийствами сопротивлявшихся и просто неугодных, а установленный оккупационный режим был террористическим и грабительским.

На Украине и юге России австро-германские оккупанты, применяя вооруженную силу, в широких масштабах грабили продовольствие и сырье. Нескончаемой вереницей потянулись на запад эшелоны с хлебом, скотом, фуражом, лесом, железной и марганцевой рудой. Чтобы прочнее чувствовать себя на захваченных территориях, интервенты создавали марионеточные правительства, тасуя и меняя их состав. Так, 29 апреля 1918 г. вместо эсеро-меньшевистской Центральной рады на Украине в качестве правителя был поставлен гетман Скоропадский,

---

¹ Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапальского договора. Сборник документов. М., 1968, т. 1, с. 362. Кроме аннексии огромной территории Германия получала контрибуцию в 6 млрд. руб. золотом. Россия теряла треть своего населения, больше половины промышленности, главные сельскохозяйственные районы.

бывший флигель-адъютант царя. Это было не что иное, как установление открытой буржуазно-помещичьей диктатуры, опиравшейся на штыки германских оккупантов.

После этого оккупационный режим стал еще свирепее. Жестокие расправы с рабочими, крестьянами, сжигание целых деревень, грабеж населения, массовые расстрелы превратились в обычное явление. Многие жители угонялись на принудительные работы в Германию.

«...Трудно передать, страшно рассказать о том, что творится в нашем крае,— говорилось в воззвании I съезда КП(б)У к рабочим и крестьянам, принятом 8 июля 1918 г.,— все завоевания революции уничтожены, расстрелы, истязания, аресты тысяч и тысяч рабочих и крестьян, уничтожение артиллерией целых сел и деревень, отобрание земли в пользу помещиков, грабеж хлеба и всего самого необходимого...»¹

Режим массового военного террора установили немецкие захватчики также в Белоруссии и Прибалтике.

«В оккупированной местности,— говорилось в одном из документов, полученных 4 апреля 1919 г. Совнаркомом РСФСР из Белоруссии,— ежедневно сжигается масса селений. Десятки тысяч людей погибают невинно. Сотни тысяч семейств обречены на верный голод и смерть. Терроризированное жестокостью немцев население в множестве перебегает на территорию республики и умоляет о помощи».

«Немцы охотятся на людей, ловят поголовно всех на улицах и в домах; держат в лагерях под стражей, а затем грузят в наглухо запечатанные вагоны и увозят в неизвестном направлении. На улицах пушки и пулеметы и усиленные патрули. В городе паника, население терроризировано; за попытки к бегству расстреливают»²,— сообщалось в другом документе, поступившем из Белоруссии.

В ответ на террор интервентов трудящиеся Прибалтики, Белоруссии, Украины, юга России усиливали сопротивление захватчикам. Оно носило самые разные формы: от забастовок и неповиновения властям до вооруженных выступлений. Все больший размах приобретало партизанское движение, во главе которого стояли коммунисты и беспартийные активисты из числа рабочих и крестьян.

---

¹ Коммунистическая партия Украины в резолюциях и решениях съездов и конференций. Киев, 1958, с. 21.

² Из истории гражданской войны в СССР, Сборник документов и материалов, В 3-х т., т. 1, с. 678—679.

«Мы вышли из подполья,— сообщали 28 марта 1918 г. бывшие члены исполкома Гомельского Совета,— обосновались в одном из сел уезда, довели до сведения население, призвали их стать под наше знамя. Знайте, немецкой банде нами объявлена беспощадная война, и мы не сложим оружия до тех пор, пока в наших рядах будет хоть один человек, способный владеть винтовкой»¹.

Буржуазная «Черниговская земская газета» 23 августа 1918 г. писала на своих страницах: «В настоящее время Глухов объявлен на военном положении ввиду ожидающегося вторжения большевиков... Железнодорожное сообщение между ст. Хутор Михайловский и ст. Глухов прекращено, так как 5 мостов, находящихся на этом перегоне, взорваны и сожжены большевиками. В городе приподнято-тревожное настроение ввиду полного отсутствия каких-либо определенных сведений о положении вещей»². На Черниговщине героически сражался партизанский отряд под командованием Н. А. Щорса.

Многие сотни партизанских отрядов и подпольных большевистских организаций действовали в тылу врага, воодушевляя население на отпор интервентам и одновременно неся слова большевистской правды в войска захватчиков. Летом 1918 г. только в районе Минска дрались с оккупантами 25 партизанских отрядов. Особенно доставалось интервентам и их прихвостням от повстанцев Звенигородского и Таращанского уездов Киевской губернии. Здесь летом 1918 г. произошли жестокие бои. «По имеющимся сведениям,— говорилось в одном вражеском документе,— главное ядро повстанцев достигает 2 тысяч вполне хорошо организованных и вооруженных людей. Большевистские отряды не окружены и имеют свободное сообщение с Уманским, Звенигородским, Липовецким и Каневским уездами»³.

Осенью 1918 г. освободительная борьба народа против австро-германских оккупантов вступила в новую стадию. Повстанческие части из рабочих и крестьян захваченных территорий, созданные при помощи ЦК РКП(б) и Советского правительства, всего рабочего класса РСФСР, развернули наступление на всех фронтах.

---

¹ Из истории гражданской войны в СССР. Сборник документов и материалов. В 3-х т., т. 1, с. 675.

² Борьба трудящихся Черниговщины за власть Советов. Сборник документов. Чернигов, 1957, с. 177—178.

³ История гражданской войны в СССР, М., 1957, т. 3, с. 270.

К этому времени усилилось революционное брожение в войсках оккупантов. Солдаты под влиянием большевистской агитации, живого примера рабочих и крестьян Украины, Белоруссии, Прибалтики все чаще отказывались вести дальше войну, присоединялись к партизанам. Недовольство нарастало и в связи с поражениями войск Четверного союза на Западном фронте, Балканах и Ближнем Востоке. В Германии началась революция. 13 ноября 1918 г. ВЦИК принял постановление об аннулировании Брестского договора. Восставший украинский народ сбросил власть гетмана Скоропадского. Оккупанты вновь попытались опереться на помощь меньшевиков и эсеров. Власть на Украине была передана Директории во главе с Петлюрой и Винниченко. Но ничто уже не могло спасти ни оккупантов, ни их ставленников. Освободительная война трудящихся России, Украины, Белоруссии, Закавказья и Прибалтики против интервентов приобрела всенародный характер. В этих условиях войска Красной Армии во взаимодействии с повстанцами и партизанами, поддержанные подавляющим большинством трудового населения, приступили к освобождению захваченных территорий. 10 декабря 1918 г. над Минском, 3 января 1919 г. над Ригой и Харьковом, 6 января над Вильной, 12 января над Черниговом, 5 февраля над Киевом взвились красные флаги советских республик.

Так позорно завершилось нашествие на Советскую Россию австро-германских интервентов.

3. ВТОРЖЕНИЕ ИМПЕРИАЛИСТОВ АНТАНТЫ

Военная интервенция Антанты осуществлялась под мощным пропагандистским прикрытием. Изобреталось множество поводов для нападения, в ход пускались различные объяснения, оправдания, оговорки и обещания. В Мурманске англичане и французы заключили 2 марта 1918 г. с Советом (большинство в нем составляли меньшевики и эсеры) «словесное соглашение» о помощи. А в действительности начали самую настоящую оккупацию русского Севера. После согласования военными штабами Англии, Франции и США планов интервенции 9 марта 1918 г. в Мурманске с английского крейсера «Глори» высадился первый десант численностью 200 человек. Советское правительство заявило решительный протест против высадки английских войск. Протест остался без ответа. Империалисты Антанты расширили во-

оруженную интервенцию против Советского государства, все больше и больше их войск прибывало к советским берегам и высаживалось на советскую землю. Английское правительство направило в Мурманск дополнительно крейсер «Кокрэн» с десантом в 500 человек. В Мурманск прибыл французский крейсер «Адмирал Об» и американский крейсер «Олимпия», также высадившие морские десанты.

В. И. Ленин вскрыл и разъяснил подлинную суть этих акций, требуя решительной борьбы против интервентов. «Английский десант,— указывал он в телеграмме Мурманскому краевому Совету 25 июня 1918 г.,— не может рассматриваться иначе как акт, враждебный против Республики. Его прямая цель — пойти на соединение с чехословаками и в случае удачи — с японцами, чтобы низвергнуть Рабоче-Крестьянскую власть и установить диктатуру буржуазии. Нами предписано выдвинуть для обороны Мурманской дороги от вторжения насильников необходимые войска. На Мурманский краевсовдеп возлагается обязанность принять все меры к тому, чтобы вторгающиеся на советскую территорию наемники капитала встретили решительный отпор. Всякое содействие, прямое или косвенное, вторгшимся насильникам должно рассматриваться как государственная измена и караться по законам военного времени»¹.

После захвата Мурманска интервенты стали готовить захват Архангельска, организовав в городе мятеж белогвардейцев. 2 августа их суда с войсками вошли в порт. «При наступлении англо-французов, белогвардейцев на Архангельск,— говорилось в одном из документов,— героически погибли на революционных постах члены губернского исполнительного комитета т. Зенькович, исполняющий обязанности военного комиссара, изрублен англичанами на части т. Кукин на Плавучем Маяке, первый предупредивший о наступлении англичан, вступивший с ними в бой. Под орудийными снарядами погиб комиссар Северной флотилии т. Матвеев. Арестованы белогвардейцами на постах комиссар милиции, комиссар телеграфа, несколько десятков других работников, участь всех безнадёжна. Все убитые и арестованные — коммунисты»².

---

¹ Декреты Советской власти. М., 1959, т. 2, с. 622.

² Северный фронт. Борьба советского народа против иностранной военной интервенции и белогвардейщины на Советском Севере (1918—1920). Документы. М., 1961, с. 29—30.

Это была только прелюдия к еще более жестокому и массовому террору.

Японская военщина предлогом для вторжения избрала убийство 4 апреля 1918 г. двух японских служащих во владивостокской торговой конторе «Исидо». На другой день во Владивостоке с согласия французов и англичан высадились японский, а затем английский десанты.

Интервенты действовали на Дальнем Востоке при поддержке США. В день высадки японского десанта (5 апреля 1918 г.) государственный секретарь США Лансинг сообщал американскому послу в России Френсису, что государственный департамент получил заверения от японского правительства: «Никакие действия не будут предприняты без полного согласия с союзниками или правительством США»¹.

Дальневосточный краевой Совет заявил всем консулам, находившимся в городе, решительный протест против военного насилия, нарушения международного права и неприкосновенности нашей Родины. Но этот протест остался без ответа. Началась более чем четырехлетняя оккупация советского Дальнего Востока империалистами.

Английские интервенты в Закавказье использовали сценарий «мурманского» образца. Бакинские большевики многое сделали для того, чтобы сохранить рабоче-крестьянскую власть и дать отпор захватчикам. Но голосами представителей антисоветских партий Бакинский Совет 25 июля 1918 г. принял постановление о приглашении англичан для защиты города от турецко-германских войск. Возглавлявшийся большевиками Бакинский Совнарком вынужден был сложить свои полномочия. 1 августа образовалось контрреволюционное «правительство», названное «диктатурой Центрокаспия»². 4 августа прибывшие из Персии войска английских интервентов заняли Баку.

В Туркестане приходу войск интервентов предшествовал белогвардейский переворот, совершенный 11—12 июля 1918 г. с помощью английских представителей в Ашхабаде.

(К началу августа 1918 г. созданное контрреволюционное «правительство» во главе с эсером Фунтиковым кон-

---

¹ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918, Russia. Washington, 1931, vol. 2, p. 67 (далее: F. R. 1918, Russia).

² На море старшим был английский контр-адмирал Кемп, ему фактически подчинялась вся эскадра интервентов.

тролировало почти весь Закаспий. В первой половине августа на захваченную белогвардейцами территорию из Персии вступили английские войска под командованием генерала Маллесона. Белогвардейцы заключили с интервентами соглашение, предоставив им порт Красноводск и суда Каспийского флота.

Таким образом, президент «архангельского набега и сибирского вторжения», как позднее был назван президент США Вильсон в одной из нот Наркоминдела, пытается координировать действия держав Антанты и Японии, приступил к реализации своей «программы мира», с которой выступил еще в канун 1918 г.

На первом этапе интервенты не имели и не могли иметь единого руководящего военного органа для борьбы с Советской властью на всей территории России, ибо существовали два враждебных блока. Первыми стали создавать объединенные региональные командования войска Антанты.

На Дальнем Востоке командующим всеми войсками интервентов был назначен старший по чину японский генерал Отани. Но там в силу ряда обстоятельств большую власть имели командующие интервенционистскими войсками отдельных стран. Например, возглавлявший американских оккупантов генерал Грэвс чаще всего действовал по своему усмотрению. Это было отражением того, что, несмотря на общую ненависть к Советской России, мировые хищники не были и не могли быть едины, между ними существовали непреодолимые противоречия. Они следили друг за другом как за конкурентами в совместной борьбе против революции.

В Закавказье и Закаспии, где действовали войска Великобритании, командование, естественно, полностью находилось в руках английских офицеров.

По-разному складывалось участие интервентов в боях против Красной Армии, в создании белогвардейских вооруженных сил.

На севере захватчики в первое время полностью взяли в свои руки формирование новых частей белогвардейцев. Так, английские офицеры уже в июне 1918 г. приступили в Мурманске к созданию славяно-британского легиона под командованием английского полковника Гендерсона, а в августе — так называемой мурманской армии. На море они начали комплектовать русские корабли английскими командами.

После захвата 2 августа 1918 г. Архангельска и соз-

дания белогвардейского «правительства» — Верховного управления Северной области во главе с народным социалистом Н. В. Чайковским — встал вопрос уже о создании более массовой белогвардейской армии. Командующий интервентами генерал Пуль и здесь отстаивал «путь полного и безусловного предоставления русского запаса живой силы в распоряжение союзного командования, которое снарядит эти части, обмундирует, вооружит, обучит при помощи своих инструкторов и только после прохождения сформированными отрядами известного служебного и боевого стажа в составе союзных частей предоставит их русскому командованию для образования русской самостоятельной армии»¹.

Однако в дальнейшем интервентам пришлось изменить порядок формирования белогвардейской армии севера, расширить права внутренней контрреволюции на участие в военном руководстве.

Уже на первом этапе интервенции войска Антанты приняли активное участие в боях с отрядами красногвардейцев и только что создававшимися частями Красной Армии и жестоко подавляли всякое сопротивление установлению господства буржуазии. Они ничем не отличались от германских оккупантов, методами массового террора расправлявшихся с рабочими и крестьянами Украины, Белоруссии, Прибалтики. Наступая из Мурманска по железной дороге на Петрозаводск, интервенты в июле 1918 г. продвинулись на 300 км и дошли до станции Сорока. По пути разгоняли Советы, зверски расправлялись с их руководителями. Они расстреляли членов Кемского уездного Совета Р. С. Вицупа, А. А. Каменева и П. Н. Малышева. Жестокую расправу над коммунистами и советскими работниками оккупанты учинили в Канда-лакше.

На востоке страны войска Англии, США, Франции не сразу вступили в бой с частями Красной Армии. Советская власть во Владивостоке существовала около трех месяцев после высадки оккупантов. Здесь интервенты в качестве ударной силы пытались использовать 40-тысячный корпус чехословаков, следовавший на Дальний Восток, а оттуда во Францию. Весной 1918 г. эшелоны корпуса растянулись от Пензы до Владивостока. Действиям чехословацкого корпуса, сформированного из военно-

---

¹ Интервенция на Севере в документах. Сборник документов, М., 1933, с. 25—26.

пленных чехов и словаков под руководством чехословацкого Национального совета (во главе с Т. Масариком и Э. Бенешем) еще до Октябрьской революции, отводилось важное место в планах империалистов Англии, США, Франции по ликвидации молодой Советской Республики.

Еще в апреле 1918 г. во французском консульстве в Москве на совещании иностранных дипломатов и представителей белогвардейских сил был намечен план чехословацкого мятежа. 11 мая 1918 г. в Лондоне, в резиденции премьер-министра Англии Ллойд Джорджа, состоялось секретное заседание специального правительственного комитета, возглавляемого генералом Яном Смэтом. Комитет решил: рекомендовать правительствам стран Антанты не вывозить чехословацких легионеров из России, а, напротив, снабдив их оружием и боеприпасами, выделив для руководства ими опытных генералов и офицеров, использовать для усиления интервенции на Дальнем Востоке и англо-французских войск на севере России¹. Члены комитета пришли к выводу, что надо эти воинские части, руководимые французским правительством, «до того как они будут доставлены во Францию, использовать в качестве части интервенционистских войск союзников в России для усиления японцев»². Французский посол в России Д. Нуланс, информируя французского военного представителя при чехословацком корпусе о планах союзников, писал 18 мая 1918 г.: «Союзники решили начать интервенцию в конце июня и рассматривают чешскую армию вместе с французской миссией в качестве авангарда союзной армии...»³

Известно, что Советы Сибири и Дальнего Востока, выполняя приказ центральной власти, отбирали у чехословаков лишнее оружие, оставляя только необходимое для охраны. Одновременно Советы способствовали продвижению корпуса во Владивосток. В начале июня 1918 г. председатель Центросибири Н. Н. Яковлев сообщал: «С эшелонами, проходящими через Иркутск, Центросибирь заключает договор о разоружении. Вследствие этого все товарищи должны всеми силами помогать их продвижению и избегать всяких конфликтов, устраняя всякие недоразумения»⁴.

¹ Public Record Office, War Cabinet, G. T., 4519, 1918, p. 57.

² Ibidem.

³ Из истории гражданской войны в СССР, т. 1, с. 17.

⁴ Крушанов А. И. Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке (1918—1920). Кн. 1. Владивосток, 1972, с. 18.

Однако американский генеральный консул в Иркутске Гаррис вмешался в это дело, и скоро чехи прекратили переговоры. Он заверил чехов и белогвардейцев в том, что Америка будет им активно помогать¹. Не менее активно действовал во Владивостоке американский консул Пуль. Он требовал, чтобы чехословацкие войска захватили Транссибирскую железную дорогу и вели военные действия².

Что же представлял собой чехословацкий корпус, сыгравший зловещую роль в развязывании гражданской войны и интервенции в России? По классовому и политическому составу он был очень неоднороден. Среди офицеров преобладали представители буржуазии. В корпус вступили даже некоторые офицеры царской армии. Это определило антисоветские настроения большей части командного состава.

Среди солдат велась систематическая антисоветская агитация, утверждалось, что в Советской России притесняют крестьян, нарушают свободы и т. д., широко использовалось запугивание военнопленных, что большевики выдадут их немцам. Многие солдаты так и не поняли, до конца интервенции, и потому стали слепым орудием в руках империалистов Антанты.

Но среди чехов и словаков были и люди с другим сознанием. Они поняли классовое содержание Великой Октябрьской революции и ушли в Красную Армию защищать ее. Среди них находились будущий автор знаменитого романа «Похождения бравого солдата Швейка» Ярослав Гашек, революционеры Иосиф Малина, Иосиф Поспешил и многие другие³. Но, к сожалению, не они преобладали среди легионеров.

Под защитой штыков чехословаков белогвардейцы творили неслыханные насилия. Они свергли Советскую власть в Поволжье и Сибири.

---

¹ Центральный государственный архив Октябрьской революции (далее: ЦГАОР), ф. 151, оп. 1, д. 10, л. 37. Сообщение уполномоченного Временного сибирского правительства эсера Фельдмана из Иркутска в Томск.

² См.: *Кунина А. Е.* Провал американских планов завоевания мирового господства в 1917—1920 гг. 2-е изд., доп. М., 1954, с. 49. О необходимости захвата интервентами этой железной дороги писал еще в начале 1918 г. французский агент из Сибири майор Пишон (см.: *Союзническая интервенция на Дальнем Востоке и в Сибири. Доклад Пишона.* М.—Л., 1925, с. 50).

³ См. подробно об участии чехов и словаков в защите завоеваний Великого Октября в кн.: *Голуб П. А.* Братство, скрепленное кровью. М., 1959.

На Дальнем Востоке в свержении власти рабочих и крестьян летом и осенью 1918 г. кроме белочехов и японцев активно участвовали американские, английские и французские интервенты.

С конца мая 1918 г. во Владивостоке активизировала свои действия внутренняя контрреволюция, получившая серьезную поддержку со стороны интервентов.

«29 июня, в субботу, в 6 с половиной часов,— говорилось в воззвании Дальневосточного Совета к трудящимся края,— частями чехословацких войск, находящимися во Владивостоке, при ближайшем сотрудничестве меньшевиков, правых эсеров и биржевого комитета (буржуазии) весь город был занят до выхода рабочих на работу вооруженными силами с пулеметами, артиллерией и ручными гранатами.

Был предъявлен ультиматум исполнительному комитету Совета: в 30-минутный срок разоружить все советские войска, Красную Армию, флот и гвардию и уничтожить Советскую власть.

В то же время вооруженные силы заняли здание Совета и общественные учреждения, почту, банки, телеграф, военный порт, временные мастерские и приступили к разоружению Красной Армии, флота и гвардии, производя обыски по квартирам и арестовывая членов исполкома Совета, комиссаров и представителей рабочих организаций.

Белая гвардия и офицеры, пользуясь случаем, надев золотые погоны и кокарды, приступили к своей гнусной работе — поголовному избиению рабочих...

Высаженные войска Японии и Англии несли усиленную вооруженную охрану, все же зверства делались чехословаками и белогвардейцами.

Воззвание заканчивалось призывом «К оружию, на защиту своих революционных прав и завоеваний, на защиту Советов рабочих, крестьянских организаций, на защиту от нового рабства для нас и наших детей»¹.

Во время мятежа интервенты и белогвардейцы громили партийно-советские и военные учреждения, силой оружия подавляли сопротивление защитников Советской власти.

Во Владивостоке был создан из эсеров и меньшевиков буржуазный аппарат власти — «эмиссариат», действовав-

¹ Борьба за власть Советов в Приморье (1917—1922 гг.). Сборник документов. Владивосток, 1955, с. 127—129. Воззвание было опубликовано 6 июля 1918 г. в газете «Дальневосточные известия».

ший от имени Временного правительства автономной Сибири и Владивостокской городской думы.

Отступившие из Владивостока по линии железной дороги к Никольск-Уссурийскому (ныне г. Уссурийск) красноармейцы и красногвардейцы вместе с другими защитниками Советской власти создали Уссурийский фронт, командующим которого был назначен коммунист В. В. Сакович. В августе советские войска не только успешно отразили атаки врага, но и в ряде мест вынудили его к отступлению. Английский полковник Уорд, участвовавший в интервенции, писал, что положение тогда на Уссурийском фронте для белогвардейцев и чехословаков «можно было признать критическим»¹.

Тогда на помощь белочехам и белогвардейцам пришли регулярные войска японских, американских, английских, французских интервентов. В 20-х числах августа объединенные силы врага перешли в наступление. Бои продолжались и в сентябре.

Проходивший в Хабаровске 25—28 августа V съезд Советов Дальнего Востока заявил: «Акт вторжения японских, американских, английских и французских войск в пределы Дальнего Востока мы считаем как самое глубокое оскорбление и возмутительное нарушение суверенных прав народа России». Он провозгласил:

«Дальний Восток является нераздельной частью великой Российской Федеративной Советской Республики... ни одной пяди своей социалистической Родины не уступим без боя!»²

Красноармейцы и красногвардейцы Дальнего Востока героически сражались за Советскую власть, против военного террора, развязанного интервентами и белогвардейцами. Но силы были не равны. 4 сентября захватчикам удалось занять Хабаровск. Японский генерал Оой сообщил о боях за город: «С нашей стороны в бою участвовали три батальона чехословаков, один английский батальон, один французский батальон и отряд атамана Калмыкова. Все они проявили отвагу в своих действиях. С фронта наступал японский отряд, который, к сожалению, в этот день потерял ранеными и убитыми 200 человек»³.

¹ См.: Уорд Д. Союзная интервенция в Сибири. М., 1923, с. 30.

² Крушанов А. И. Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке (1918—1920). Кн. 1, с. 18, 61—62, 63.

³ Борьба за Власть Советов в Приморье (1917—1922 гг.), Сборник документов, с. 190.

В сентябре пала Советская власть на Амуре, Транссибирская железная дорога от Волги до Тихого океана оказалась в руках интервентов и белогвардейцев.

«Чехословацкое движение,— говорил В. И. Ленин в июле 1918 г.,— было одним из звеньев, давно рассчитанных на удушение Советской России... Теперь этот кризис должен быть разрешен широкими массами Советской России, так как он встал перед нами теперь как борьба за сохранение Советской Социалистической Республики не только от чехословаков, как от контрреволюционного покушения, не только от контрреволюционных покушений вообще, но как борьба против натиска всего империалистического мира»¹.

Окрыленные первыми успехами, интервенты в августе 1918 г. высадили дополнительные войска на территории Советской России.

3 августа 1918 г. опубликовали декларацию о целях военной интервенции на Дальнем Востоке американские и японские захватчики, 8 августа — английские, 19 августа — французские. Они лицемерно заявляли о том, что не будут вмешиваться во внутренние дела России, а хотят лишь защитить солдат и офицеров чехословацкого корпуса, оказать содействие русскому народу. На самом деле речь шла о прямом расширении интервенции, о непосредственном участии оккупантов в боевых действиях против советских войск. «...На деле же это содействие выразилось в том,— говорилось в ноте Советского правительства президенту США Вильсону в октябре 1918 г.,— что войска чехословаков, а вслед за тем и Ваши собственные и войска Ваших союзников в Архангельске, в Мурманске, на Дальнем Востоке, пытались навязать насильственно русскому народу власть тех угнетателей, тех эксплуататорских классов, господство которых рабочие и крестьяне России свергли еще в октябре прошлого года»². В августе 1918 г. Ленин писал, что «американские миллиардеры, эти современные рабовладельцы, открыли особенно трагическую страницу в кровавой истории кровавого империализма...»³.

(К осени интервенты и белогвардейцы захватили огромные территории. Рабоче-крестьянское государство находилось в огненном кольце фронтов.) На западе орудовали немецкие оккупанты, на севере — империалисты Антанты

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 1—2.

² Известия, 1918, 25 октября.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 48.

и белогвардейцы, на востоке — белочехи, японские, американские, английские, французские интервенты, белогвардейцы, на юге — английские и германо-турецкие захватчики.

На занятых землях интервенты устанавливали буржуазно-помещичьи порядки, лишая рабочих и крестьян их завоеваний, насаждали режим военно-полицейского насилия и кровавого террора.

12 июля 1918 г. англо-американский отряд в составе 47 человек арестовал в Мурманске членов Центромура (Центрального комитета Мурманской флотилии). «Арестованных, — говорилось в одном из документов того времени, — под сильным конвоем разместили в помещении Кольской флотской роты под неусыпным надзором англичан и американцев, а для острастки поставили одно 3-дм орудие и 4 пулемета»¹. Но это было только начало. В августе 1918 г. командующий войсками оккупантов на севере генерал Пуль издал приказ о применении смертной казни к тем, кто занимался большевистской пропагандой. На основании этого приказа интервенты расправлялись со всеми неугодными.

Через архангельскую тюрьму за год оккупации прошло 38 тыс. арестованных, из которых было расстреляно 8 тыс. и свыше тысячи умерло от голода, болезней и побоев². Тысячи человек сидели в тюрьмах Мурманска, из них многие погибли.

Всеми миру стали известны зверства интервентов и белогвардейцев в ссыльнокаторжных тюрьмах на острове Мудьюг и в Иоканьга. Эти остроги были превращены в «лагеря смерти». В Мудьюгской тюрьме, рассчитанной на 100 человек, сидело 350 заключенных. Оставшиеся в живых советские граждане рассказывали о нечеловеческом режиме, который создали интервенты и белогвардейцы для узников. Людей фактически не кормили, а заставляли выполнять непосильный физический труд. Они умирали ежедневно от голода, холода, болезней, истязаний. «Кто попал на Мудьюг, тот живой труп...» — вспоминал позже заключенный П. П. Рассказов.

«Несколько сухарей и болотная вода из грязной вонючей бочки из-под рыбы составляли пищу заключенных.

---

¹ Военные моряки в борьбе за власть Советов на Севере. Сборник документов, с. 182.

² См.: История гражданской войны в СССР, т. 3, с. 200; См. об этом также: *Миц И. И.* Интервенция на Севере в документах. М., 1933.

С самого раннего утра их выгоняли на тяжелую работу. Находясь целый день под дождем, на холодном, пронизывающем ветру, заключенные испытывали страшные мучения. Обсушиться и обогреться нельзя было и в бараке: крыша протекала, в щели дул ветер. Истощенные люди гибли от холода. Особенно ужасны были устроенные интервентами карцеры — земляные погреба глубиной в три метра, заваленные сверху комьями мерзлой земли, без окон, без печек. Это были «ледяные душегубки». Интервенты не успевали хоронить умерших заключенных, и трупы сваливали в ров»¹.

Особо опасных «преступников» оккупанты держали на линейном корабле «Чесма», превращенном в тюрьму. Охрана «Чесмы», расправы с заключенными, массовые расстрелы производились английскими отрядами.

Жестокость интервентов не знала границ по отношению к пленным красноармейцам. «С негодованием и отвращением Советское правительство узнало об ужасном, бесчеловечном обращении, которому подвергаются русские военнопленные со стороны английского командования в Архангельске. Если британское правительство взяло на себя косвенную ответственность за неслыханные зверства и ужасы, совершенные по отношению к русским рабочим и крестьянам его агентами — колчаками, денкиными, юденичами и миллерами,— зверства, по сравнению с которыми методы испанской инквизиции были детской игрой, то в настоящее время мы имеем доказательства такого же обращения с русскими военнопленными, которому они подвергались непосредственно в руках британских командиров в Северной России. Красноармейцы, бежавшие из британского плена, сообщали, что многие из их товарищей были расстреляны немедленно после взятия их в плен и что их самих бесчеловечно избивали прикладами, бросали в тюрьму и принуждали к работе, доводящей их до полнейшего истощения при совершенно недостаточном питании, причем им постоянно грозили расстрелом за отказ от вступления в славянско-британский контрреволюционный легион и нежелание изменять своим прежним товарищам по оружию, что во многих случаях эти угрозы были приведены в исполнение»².

---

¹ История гражданской войны в СССР, т. 3, с. 200; см. также: Березкин А. США — активный организатор и участник военной интервенции против Советской России (1918—1920 гг.), М., 1949, с. 91—98.

² Правда, 1919, 23 августа.

Так говорилось 13 августа 1919 г. в радиограмме наркома по иностранным делам Г. В. Чичерина правительству Великобритании.

Английские интервенты, вторгшиеся в Закавказье и Среднюю Азию, зверски расправились с 26 руководителями Бакинской коммуны.

14 сентября ночью члены Совнаркома были выпущены из бакинской тюрьмы и посажены на пароход для отправки в советскую Астрахань, но вместо Астрахани их доставили в захваченный интервентами и белогвардейцами Красноводск, где снова арестовали и посадили в тюрьму.

«Было окончательно установлено, — говорилось в ноте Народного комиссариата иностранных дел РСФСР Великобритании 21 апреля 1919 г., — что после поспешного отступления британцев из Баку английский офицер Реджинальд Тиг-Джонс вместе с некоторыми русскими закаспийскими контрреволюционерами, исполняя желание британской военной миссии, решил тайно убить комиссаров, увезенных из Баку». Далее в документе делался вывод, что «британское правительство публично изобличено в низком, трусливом и вероломном убийстве незащитных пленников, единственным преступлением которых была их верность своему Рабоче-Крестьянскому Правительству»¹.

Этот вывод подтвержден показаниями бывшего главы антисоветского Закаспийского правительства эсера Ф. А. Фунтикова на судебном процессе в Баку в 1928 г.:

«Расстрел 26 бакинских комиссаров был произведен англичанами и организацией эсеров в полном между собой согласии, при непосредственном участии в расстреле видных членов партии эсеров и англичан. При расстреле присутствовал также, насколько помню, начальник штаба английских войск Тиг-Джонс, явившийся от лица английского командования главным идейным вдохновителем расстрела, что ясно подчеркивается его необыкновенно веселым видом после расстрела 26 и его заявлением о его собственном удовольствии и удовлетворении этим расстрелом»².

---

¹ Документы внешней политики СССР, М., 1958, т. 2, с. 141, 142.

² Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане. Документы и материалы, 1917—1918 гг., Баку, 1957, с. 634.

26 бакинских комиссаров из Красноводска были на поезде вывезены в пустыню и там расстреляны интервентами и белогвардейцами.

Так интервенты действовали всюду, где свергали Советскую власть. Это был неприкрытый военный террор против рабочих и крестьян Советской России.

Жестоко расправлялись с непокорным населением войска интервентов и белогвардейцев в Забайкалье, на Амуре и в Приморье. «Наиболее агрессивными из всех интервентов были японцы,— говорилось в письме Дальневосточного подпольного комитета большевистской партии в ЦК РКП(б) и Совнарком (январь 1920 г.).— Численность их войск на Дальнем Востоке сейчас не менее ста тысяч. Жестокость японцев и их беспощадная расправа с рабочими и крестьянскими массами достаточно известны»¹.

В историю нашей страны вошла трагедия села Ивановки Амурской области, которое 22 марта 1919 г. японские интервенты вначале разрушили артиллерией, а затем сожгли. Погибло около 300 человек, в том числе много женщин и детей².

Особенно беспощадно японские интервенты уничтожали коммунистов. Это был настоящий политический геноцид. Член парламента Кодэра Кэнкити 20 марта 1919 г. в запросе правительству указывал: «Однако если мы взглянем на сегодняшнюю действительность, то увидим, что на наши экспедиционные войска возложена обязанность истребления партии экстремистов»³. Так в Японии называли большевиков.

Даже генерал Грэвс, руководитель американских оккупационных войск на Дальнем Востоке, признавал зверский характер поведения японских военнослужащих. «Пятеро русских,— пишет он,— были приведены к могилам, которые были вырыты в окрестностях железнодорожной станции; им завязали глаза и приказали встать на колени у края могилы со связанными назад руками. Два японских офицера, сняв верхнюю одежду и обнажив сабли, начали рубить жертвы, направляя удары сзади шеи.

---

¹ Борьба за власть Советов в Приморье (1917—1922 гг.). Сборник документов, с. 306.

² См.: Рейхберг Г. Разгром японской интервенции на Дальнем Востоке. М., 1940, с. 92—93.

³ Цит. по: Пасков С. С., Совастеев В. В., Черных А. Г. Японская интервенция на Дальнем Востоке.— Народы Азии и Африки, 1977, № 6, с. 29.

Эта расправа была совершена японцами не потому, что жертвы совершили какое-нибудь преступление, а потому, что они были заподозрены в большевизме¹.

Американские интервенты не сжигали в паровозных топках коммунистов, как японцы, но и они безжалостно убивали обезоруженных красноармейцев и партизан, унижали, грабили, избивали мирное население. Полковник США Джонсон в сентябре 1919 г. избил во Владивостоке редактора газеты «Голос Приморья» за то, что в печати были помещены статьи, разоблачавшие поведение американцев².

Новые документы, опубликованные советскими историками в 1984 г., проливают дополнительный свет на разбойничьи планы империалистов США. Они готовы были послать на советский Дальний Восток гораздо больше войск, но не могли это сделать по независящим от них причинам. Государственный секретарь США Лансинг в феврале 1920 г. в секретном документе писал, что «использованию больших активно действующих сил американской армии в Сибири помешал не недостаток сочувствия этой идее, а сложившиеся условия, которые просто-напросто сделали абсолютно невозможным проведение этого курса»³. Но и один экспедиционный корпус, по словам его командира, вызвал «ненависть со стороны более чем 90 процентов населения»⁴.

Белогвардейцы охотно брали пример проведения массового террора с интервентов. Известный колчаковский палач генерал Розанов, требуя беспощадной расправы с партизанами и всеми, кто их поддерживал, писал в одном из своих приказов: «Возможно скорее и решительнее покончить с енисейским восстанием, не останавливаясь перед самыми строгими и даже жестокими мерами в отношении не только восставших, но и населения, поддерживающего их. В этом отношении пример японцев в Амурской области, объявивших об уничтожении селений, скрывающих большевиков, вызван, по-видимому, необходимостью добиться успехов в трудной партизанской борьбе»⁵. Интервентам подражали, у них учились террористическим действиям и другие белогвардейские правители, поддерживаемые штыками оккупантов.

¹ Грэвс В. Американская авантюра в Сибири, с. 254.

² См.: Болдырев В. Директория, Колчак, интервенты, Новониколаевск, 1925, с. 544.

³ Коммунист, 1984, № 1, с. 102.

⁴ Грэвс В. Американская авантюра в Сибири, с. 242.

⁵ Сибирская правда, 1920, 1 февраля.

Глава II

ПОРАЖЕНИЕ ИНТЕРВЕНТОВ

1. РАСШИРЕНИЕ МАСШТАБОВ НЕОБЪЯВЛЕННОЙ ВОЙНЫ

Осенью 1918 г. положение в мире изменилось. Германия, Австрия, Болгария, Турция потерпели поражение. Империалисты США, Англии, Франции, а также Японии стали главной военной силой в капиталистическом лагере. «Империалисты были заняты друг другом. И теперь одна из группировок сметена группой англо-франко-американцев. Они главной задачей считают душить мировой большевизм, душить его главную ячейку, Российскую Советскую Республику»¹, — отмечал В. И. Ленин осенью 1918 года. Развязав себе руки и отбросив оговорки о мнимой помощи России в борьбе против агрессии Германии, империалисты Антанты использовали личину защитников западной демократии от «экспорта революции» с востока для активизации своих интервенционистских действий.

Характерной чертой нового этапа военной интервенции было то, что империалисты сделали свои войска главной ударной силой в борьбе с Советской властью. Одновременно они заставили побежденные страны, в том числе Германию, а также вновь образованные малые буржуазные государства Европы принять участие в интервенции. Теперь военные усилия направлялись единым органом, из единого центра. Им стал генеральный штаб главного командования союзными армиями в Версале. Антанта взяла на себя обязательство согласовывать боевые действия внешней и внутренней контрреволюции на территории России. Об этом свидетельствуют документы военных органов Антанты, впервые опубликованные в 60-х годах в советской печати.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 164.

Буквально на второй день после подписания перемирия с Германией, то есть 12 ноября 1918 г., Восточный отдел (3-е бюро) штаба армий Антанты составил документ об использовании войск союзников после войны.

В нем говорилось, что армии не распускаются, а обеспечивают выполнение условий перемирия, образование новых государств «в условиях порядка и спокойствия», то есть без революций, урегулирование «русского вопроса». Во имя последнего ставилась задача «уничтожить большевизм и поощрять создание в России режима порядка, устанавливаемого после чистосердечного всенародного опроса.

Важно также заручиться солидным залогом за долги, взятые Россией у Антанты»¹. Далее в записке говорилось о необходимости удержания позиций, занятых интервентами на Урале и в Сибири, развития военных действий с целью перенесения их с севера на Петроград и из района Каспия на Волгу.

Специальный раздел посвящался интервенции в Южную Россию (на Украину и в район Северского Донца), через порты Черного моря и Румынию. Для этого предполагалось создать сильную группу войск интервентов.

План интервенции на Украину был немедленно сообщен командующему белогвардейской армией на юге России генералу Деникину. Его представитель писал из Бухареста, где находился штаб французских войск, предназначенных к отправке в Россию, что командовать интервентами будет французский генерал д'Ансельм. «Под прикрытием союзной оккупации,— говорилось далее в письме,— необходимо немедленное формирование русских армий на юге России, во имя возрождения великой единой России»². Сообщалось также, что в Одессу прибывает много оружия, боеприпасов, снаряжения. Вооруженные Антантой белогвардейские армии поведут наступление на Москву под единым командованием.

9 декабря 1918 г. восточный отдел генерального штаба составил специальную справку о плане действий интервентов на юге России. В ней указывалось, что целью нового нападения на Советское государство является защита интересов Антанты на юге России и недопущение

---

¹ Из истории гражданской войны в СССР. Сборник документов и материалов. В 3-х т., т. 1, с. 57.

² Кто должник? К вопросу о франко-советских отношениях. Сборник документированных статей. М., 1926, с. 378.

установления Советской власти на Украине после отступления из нее немецких оккупационных войск. Для этого предусматривался захват интервентами Одессы, Николаева, Севастополя, а затем главных центров Украины — Киева и Харькова.

Говорилось о возрастающей силе большевизма и в связи с этим об опасности, грозящей империалистическим завоеваниям стран Антанты. «Если Антанта хочет сохранить плоды своей победы, добытой с таким трудом, она сама должна вызвать перерождение России путем свержения большевизма и воздвигнуть прочный барьер между этой страной и центральными державами.

Интервенция, преследующая эту цель, является для нее жизненной необходимостью, а политические трудности, которые она порождает, не могут иметь решающего значения, чтобы отказаться от проведения интервенции или отложить ее осуществление»¹.

Далее перечислялись все антисоветские военные силы, обложившие Россию, излагались их задачи. В разделе об организации русских (белогвардейских) вооруженных сил говорилось, что, по-прежнему помогая Колчаку и белогвардейцам севера, Антанта главные усилия должна направить на юг России, «чтобы создать там основную массу русских национальных сил и позволить ей предпринять наступление на Москву. Эта масса будет сформирована из армий Деникина и Краснова, местных контингентов, которые будут создаваться на Украине по мере ее оккупации»².

Составители документа считали, что Антанта располагает средствами, необходимыми для осуществления намечаемого плана расширения интервенции.

История вынесла свой приговор попытке Антанты задушить Советскую власть главным образом своими войсками. Вначале империалисты имели успех: 23 ноября 1918 г. англо-французские части высадились в Новороссийском порту, 26 ноября интервенты высадили десант в Севастополе, 27-го — в Одессе, 31 января 1919 г. они заняли Херсон, а 2 февраля — Николаев. Враг стал продвигаться по линиям железных дорог в глубь Украины и в феврале 1919 г. находился в 100—150 км от своих баз. Но на этом его продвижение закончилось. На захваченной территории оккупанты насильно устанавливали бур-

¹ Из истории гражданской войны в СССР, Сборник документов и материалов, В 3-х т, 1918—1922, т. 1, с. 83.

² Там же, с. 86.

жуазные порядки, создавали террористический режим военного насилия, голода и несправедливости населения. Репрессиям подвергались прежде всего рабочие. Повсюду свирепствовали контрразведки. Интервентам Антанты помогали кадеты, возглавлявшие «крымское краевое правительство», татарские буржуазные националисты, украинский националист Петлюра, продавшийся французским империалистам, оккупационные войска Германии.

«Временное Рабоче-Крестьянское Правительство Крыма, — говорилось в одной из радиোগрам того времени, — напоминает союзным правительствам об их заверениях о невмешательстве в русские дела. Факты говорят как раз об обратном. 3 апреля убийства, грабеж и акты насилия были совершены в немецкой колонии Герценберг, 4 апреля — в деревне Мазинское..., 7 апреля — в Дальних Камышах»¹.

В конце февраля — начале марта 1919 г. части Красной Армии перешли на юг в наступление против войск интервентов и белогвардейцев. Под Херсоном оккупанты встретились лицом к лицу с советскими бойцами. Они не могли противостоять возросшей боевой силе красноармейцев. Солдаты и матросы Антанты стали отказываться воевать. Так поступил 176-й французский полк, требовавший прекращения войны, и моряки линкора «Жюстис». Последние, вместо того чтобы следовать на позиции, пошли к тюрьме и освободили политических заключенных. 10 марта советские воины вошли в Херсон. Они узнали о страшных зверствах врага. Перед поспешным отступлением из города интервенты согнали около двух тысяч жителей на берег Днепра, заперли их в деревянном складе, который обстреляли зажигательными снарядами. Многие мирные граждане погибли от огня и пуль охранников.

Под влиянием большевистской пропаганды и успехов Красной Армии усилилось революционизирование войск интервентов. Морально-политическое состояние их многих частей было таково, что они при приближении Красной Армии часто покидали города, не вступая в бой. Так было, например, в Николаеве, где произошло восстание рабочих. 14 марта 1919 г. советские войска заняли город. Только в некоторых местах, где вместе с оккупантами действовали денкинцы, которым нечего было терять, враг оказывал сопротивление. В середине марта близ

---

¹ Документы внешней политики СССР, т. 2, с. 189.

станции Березовка (одесское направление) после упорного боя советские войска захватили несколько танков интервентов. Один из трофейных танков был выставлен на Красной площади в дни празднования 1 Мая. В. И. Ленин отметил этот факт в своем первомайском выступлении.

Интервенты не смогли защитить и свои главные базы — Одессу и Севастополь. В Одессе два французских полка отказались сражаться. Воспользовавшись слабостью оккупантов, вооруженные рабочие взяли власть в свои руки, сразу же создав Совет. 6 апреля красноармейские части вместе с партизанами вступили в Одессу. В Севастополе в апреле встали матросы многих французских военных кораблей, в том числе флагмана «Вальдек Руссо». Они требовали прекращения интервенции в Советской России и отправки на родину. Перед уходом из порта оккупанты разграбили склады, взорвали многие корабли, причинив огромный ущерб нашей стране. 29 апреля советские войска вступили в Севастополь.

По-другому складывалась для интервентов обстановка в Белоруссии и Прибалтике. Здесь волю Антанты выполняли немецкие, польские и белогвардейские войска. Весной 1919 г. им удалось свергнуть Советскую власть в Прибалтийских республиках и захватить часть Белоруссии. И снова кровавый террор. В Митаве немцы арестовали 300 мужчин и 200 женщин и детей в качестве заложников, грозя расстрелять их. Белопольские офицеры в ночь с 12 на 13 мая убили в деревне Кашкевиче Виленского уезда кузнеца Исаака Данишевского за то, что у него была обнаружена членская карточка Минского профсоюза металлистов. Правительство РСФСР в ноте правительству Польши указывало 55 имен из гражданских лиц, казненных интервентами¹.

«С чувством глубочайшего возмущения и негодования сознают трудящиеся Литвы и Белоруссии,— говорилось в одном из документов Советского правительства Литовско-Белорусской Республики, направленном государству держав Согласия весной 1919 г.,— что все эти погромы, насилия, грабежи, расстрелы, аресты и порка происходят по требованию и по вине правительств Антанты и что, следовательно, те самые государственные люди, которые на словах несут в мир идеалы гуманности и справедливости, на словах с великой энергией и настойчи-

---

¹ См.: Документы внешней политики СССР, т. 2, с. 183.

востью требуют освобождения малых народов, на деле стоят уже по колена в крови этих малых народов...»¹

Происки мировой реакции могли помочь сорвать трудящиеся капиталистических стран. Вот почему Советское правительство неоднократно обращалось непосредственно к ним. «Трудящиеся стран Согласия! — говорилось в обращении Народного комиссариата иностранных дел РСФСР 18 апреля 1919 г. — Освобожденные от всех угнетателей и эксплуататоров рабочие и крестьяне России, первые в мире сбросившие с себя иго капитализма, призывают вас быть настороже и не ослаблять вашего натиска на ваших правителей с целью помешать им задушить народную революцию в России. Вас обманывают, вас хотят уверить, что ваши правительства отказались от мысли о вмешательстве и о подавлении свободы трудящихся масс в России, между тем как в действительности они готовят на нас новые нападения и продолжают напрягать все силы для нашего порабощения...»²

Поражения кое-чему научили мировую буржуазию. Она устами Вильсона, затем Ллойд Джорджа и Клемансо заявила, что ни американских, ни английских, ни французских солдат нельзя больше посылать в Россию³.

17 февраля и 6 марта 1919 г. генеральный штаб главного командования союзными армиями в документах «Об организации интервенции в России» и «Русский вопрос», исходя из политических установок глав государств Антанты, окончательно расставляет новые акценты в военных замыслах. В этих документах излагалась мысль о том, что с формированием белогвардейских армий и вооруженных сил сопредельных с Россией на западе государств⁴ к ним перейдет главная роль в борьбе с Красной Армией, а войска интервентов Антанты будут помогать им.

В разделах «Большевистская опасность» и «Необходимость уничтожения большевизма», открывавших оба документа, говорилось, что советские войска перешли в

---

¹ Известия, 1919, 5 марта.

² Известия, 1919, 23 апреля.

³ *Tillman S. P. Anglo-American Relations on the Paris Peace Conference of 1919.* Princeton, 1961, p. 137. Слова Вильсона, сказанные 16 января 1919 г. на заседании представителей государств Антанты.

⁴ В. И. Ленин в 1919 г. отмечал: «Россию и окружили и окружают умышленно колыцком маленьких государств, создаваемых и поддерживаемых, понятно, в целях борьбы против большевизма...» (*Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 348*).

наступление на всех фронтах и добились больших успехов. На севере они в январе 1919 г. освободили Шенкурск, на востоке — Уфу, Оренбург, Уральск, установили связь с Туркестаном, на западе подходили к берегам Балтийского моря, на юге очищали Украину, готовились к наступлению на порты Черного моря. Для того чтобы остановить продвижение большевизма, рекомендовалось немедленно создать на западе России буферные государства с армиями и прочно связать их между собой.

В документах особо отмечалось, что в настоящее время главной формой борьбы против Советской России становятся масштабные военные действия. «Необходимо прежде всего, — говорилось в одном из них, — раздробить на части *Красную Армию* — костяк режима и основной орган его действий»¹.

Империалисты Антанты теперь более реалистически, чем раньше, оценивали новый этап военных действий, предвидели большие трудности борьбы. Признавалось, что «русским белогвардейским силам не хватает организации и прочности», они изолированы территориально, не могут координировать свои действия, у них мало оружия, боеприпасов, снаряжения.

Но и у самой Антанты далеко не все было ладно. Главное препятствие заключалось в том, что «общественное мнение с трудом согласилось бы на отправку крупных контингентов войск». В этих условиях наиболее реальным оставались снабжение белогвардейцев оружием и посылка в помощь им командного состава и добровольцев.

Намечалось создание «единого межсоюзнического командования, приказы которого распространялись бы на все без какого бы то ни было различия союзные и русские силы на фронтах в России таким образом, чтобы осуществлялась координация усилий».

В документах подчеркивалось, что «только тогда намеченные для использования силы смогут предпринять общее наступление, начатое со всех границ России и направленное концентрически *к самому сердцу большевизма — к Москве*»².

Антанта планировала также привлечь к ведению боевых действий против Красной Армии финские дивизии, а также дополнительные силы из Польши и Прибалтики, а

¹ Из истории гражданской войны в СССР. Сборник документов и материалов. В 3-х т., т. 2, с. 8.

² Из истории гражданской войны в СССР, т. 2, с. 11.

на юге — из Сербии, Румынии, Греции. Американский вице-консул в Выборге Имбри 14 марта 1919 г. телеграфировал в госдепартамент США, что «личный представитель ген. Маннергейма и командующий финскими войсками на русской границе ген. Теслов заверил его, что как он, так и ген. Маннергейм считают необходимым занятие Петрограда для спасения Финляндии от большевизма»¹. В качестве вознаграждения финны рассчитывали получить Мурманский (Кольский) полуостров.

Таковы были замыслы Антанты к весне 1919 г. А как они были реализованы?

Советские историки уже давно отказались от существовавшей ранее схемы трех походов Антанты, согласно которой два состоялись в 1919 г. и один в 1920 г.: во время первого похода (весна — начало лета 1919 г.) главный удар наносила белогвардейская армия Колчака, второго (лето — осень 1919 г.) — Деникина. Приведенные выше документы говорят о другом: замышлялся единый комбинированный поход войск интервентов, всех белогвардейских армий, конечной целью которого было взятие Москвы и уничтожение Советской власти, менялись только исходные пункты направления главного удара — с востока или юга на столицу. В Версале и Париже не могли точно установить, кто и когда будет наносить главный удар. Это зависело от готовности белогвардейских войск к наступлению и от ряда других причин.

Конкретные оперативные планы наступления белогвардейских войск составлялись не во Франции, а в России: в Омске и Екатеринодаре, и не вместе, а отдельно, что не могло не сказаться на военных действиях. Разумеется, они согласовывались с общим замыслом Антанты, обсуждались с ее представителями. Это играло большую роль в борьбе с Советской властью. Однако, как мы увидим дальше, координация вооруженной борьбы оказалась неполной. Красная Армия сорвала планы интервентов. Ей помог в этом международный пролетариат, выступавший под лозунгом: «Руки прочь от Советской России!»

2. БЕЛОГВАРДЕЙСКИЕ АРМИИ — НАЕМНИКИ ИМПЕРИАЛИЗМА

На новом этапе интервенции в России империалисты Антанты большое внимание уделяли подготовке армий адмирала Колчака. Сам Колчак был привезен в вагоне

¹ F. R. 1919, Russia, p. 674.

английского генерала Нокса с Дальнего Востока в Омск. Чтобы поставить адмирала у власти, надо было свергнуть эсеров-меньшевистскую Директорию. Английские интервенты и здесь приложили руку. «Присутствие этих войск,— писал управляющий делами колчаковского правительства Гинс,— влияло успокаивающе на возбужденные умы»¹. Это было сказано очень деликатно. На самом деле в ночь колчаковского переворота (с 17 на 18 ноября 1918 г.) английские войска находились в полной боевой готовности. А на другой же день новоиспеченного диктатора поздравили американский консул Гаррис, английский полковник Уорд. Впоследствии Уорд писал: «Адмирал Колчак никогда бы не отправился в Сибирь, никогда бы не встал во главе русского конституционного движения и правительства, если бы он не был вынужден на это советами и наставлениями союзников»².

Колчак, выполняя роль ставленника английских, американских и французских империалистов и будучи полностью зависимым от них в снабжении оружием и снаряжением, обязан был согласовывать все военные операции с генералом Жаненом и английским генералом Ноксом как представителями высшего межсоюзного командования. Жанен и Нокс определяли размер заказов на оружие, боеприпасы и снаряжение, которые делались в США, Англии и других странах, и обеспечивали доставку их на фронт.

Ноксу были поручены организация и обучение войск колчаковской армии. Для этой цели во Владивостоке были созданы военные школы под руководством английских офицеров, поставляющих кадры белогвардейских насильников и убийц для Колчака.

Позднее для общего руководства интервенционистскими войсками в Сибири в Омске был создан «межсоюзный совет высоких комиссаров», состоявший из представителей США, Англии, Японии и Франции, которому фактически и был подчинен Колчак.

Контрреволюционные авантюры Колчака не могли бы принять такой широкий размах и не пошли бы дальше местных операций, если бы Антанта и США не оказали ему огромную помощь войсками, оружием, боеприпасами, инструкторами, финансами. Американский генерал Грэвс

¹ Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. 1918—1920. Пекин, 1921, т. 2, с. 6.

² Уорд Джон. Союзная интервенция в Сибири 1918—1919 гг. М.— Пг., 1923, с. 25.

признавал: «Колчак не продержался бы и месяца без помощи союзников»¹.

Одновременно вместе с Колчаком в Сибири американские, английские, японские и французские империалисты спустили с цепи на Дальнем Востоке таких насильников и убийц, как атаман Семенов и Калмыков. Англия предоставила бандиту Семенову «заем» в 500 тыс. руб.

В конце июля — начале августа 1919 г. состоялась особая омская конференция «дипломатов» США, Англии, Франции и генералов Жанена, Нокса, Грэвса с «министрами» правительства Колчака. Основной целью конференции было решение вопроса об усилении помощи белогвардейским армиям в России, особенно Колчаку, вооружением, боеприпасами, снаряжением.

Империалисты договорились снабжать оружием, боеприпасами, снаряжением белогвардейские армии тех областей России, которые по соглашениям между ними входили в «сферу» интересов той или другой из стран Антанты и США.

«Ллойд Джордж и Вильсон решили...— доносил из Парижа генерал Свечин,— всячески помогать русским армиям снабжением, снаряжением и вооружением, для чего каждому иметь свой район: французы — юг, англичане — север и Кавказ, американцы и японцы — восток»².

Правительства США и Англии вооружали и экипировали армии Колчака. Английские, американские, французские и японские генералы и офицеры обучали его войска. Мерами насилия, террора и принуждения к 1 мая 1919 г. Колчаку удалось создать армию, насчитывавшую, по данным его штаба, 681 тыс. человек, в том числе³:

Сибирская армия	— 273 тыс.
Западная	— 270 »
Оренбургская	— 50 »
Уральская армия и войска в Семиречье	— 88 »

По данным английских архивов, интервенционистские силы Англии, США, Японии, Франции и других стран имели к февралю 1919 г. 202 400 человек, из них 44 600 англичан, 13 600 французов, 13 700 американцев, 80 тыс. японцев, 42 тыс. чехословаков, 3 тыс. итальянцев, 2500

¹ *Graves W. America's Siberian Adventure, 1918—1920. N. Y., 1931, p. 157.*

² ЦГАОР, ф. 200, оп. 3, д. 85, л. 19.

³ Там же, л. 95. Эти данные представляются завышенными.

сербов, 3 тыс. греков¹. Позднее численность японских солдат в Сибири была доведена до 150 тыс.². Уже к марту 1919 г. правительство США передало Колчаку через генерала Грэвса более 200 тыс. винтовок, 100 пулеметов, 22 орудия, 4,7 млн. патронов и много другого вооружения, снаряжения и имущества. В течение 1919 г. Колчак получил из США 392 994 винтовки, 15 618 тыс. патронов³. Только в июле 1919 г. из США по указанию президента Вильсона Колчаку было отправлено 12 тыс. револьверов «кольт» и 1 млн. патронов к ним, 268 тыс. 3-линейных винтовок и 15 млн. патронов к ним. Первоначально 100 тыс. винтовок предназначалось для переотправки армиям Деникина. Однако, когда выяснилось, что Деникин получает 300 тыс. винтовок из Румынии, все вооружение было отправлено Колчаку⁴.

Кроме того, Соединенные Штаты послали колчаковским армиям 100 аэропланов, броневики, танки, 400 грузовых и легковых автомобилей, паровозы, рельсы, сталь, железо, инструменты, большое количество санитарного имущества, медикаменты и много другого вооружения, снаряжения, оборудования⁵. Американская нефтяная компания «Стандард ойл» снабжала флот Колчака нефтью. Таким образом, помощь империалистов США белогвардейским армиям Колчака была решающей.

Роль Англии в вооружении Колчака также была весьма значительной. «Вполне учитывая, — указывалось в телеграмме министра иностранных дел Колчака 12 сентября 1919 г. в Париж своему представителю Сазонову, — что без материального участия Америки... никакой план помощи неосуществим, мы в то же время не переставали рассматривать Лондон как важнейший центр реальной опоры»⁶.

В соответствии с санкцией, данной решениями военного кабинета от 25 сентября и 6 декабря 1918 г., Англией было предоставлено вооружение и снаряжение для 200 тыс. колчаковских солдат⁷. Было получено через Нокса 200 тыс. шинелей, 200 тыс. шапок, 200 тыс. телогреёк, 400 тыс. фуфаяк, 400 тыс. пар обуви, 400 тыс. одеял и

---

¹ Public Record Office, War Cabinet, 24/76, p. 245.

² Times, 27.V 1919.

³ ЦГАОР, ф. 200, оп. 3, д. 7, л. 155.

⁴ Там же, д. 79, л. 27, 48.

⁵ Там же, оп. 4, д. 51, л. 38, 41, 67.

⁶ Там же, оп. 3, д. 7, л. 146.

⁷ Public Record Office, War Cabinet, vol. 70, p. 246.

другое обмундирование и снаряжение¹. Колчаку поступило от англичан 100 тыс. винтовок, более 2 тыс. пулеметов, сотни орудий, гаубиц, десятки танков, аэропланы, 262 млн. патронов, снаряды — всего до 200 тыс. т оружия, снаряжения и военных материалов², 400 автомобилей, 3 тыс. телефонных аппаратов, радиостанции, упряжь, седла и т. д. Нокс писал об этой помощи: «Мы доставили сотни тысяч винтовок, сотни миллионов патронов, сотни орудий и тысячи пулеметов, несколько тысяч комплектов обмундирования и снаряжения».

В июле 1919 г. военное «министерство» Колчака запросило Нокса об отправке из Англии 602 млн. винтовочных патронов.

Выступая 16 апреля 1919 г. в английском парламенте, Ллойд Джордж заявил: «Мы должны поддерживать генерала Деникина, адмирала Колчака и генерала Харькова»³. Премьер-министр Англии перепутал город Харьков с мифическим русским генералом. Военный министр Черчилль в беседе с бывшим поверенным в делах царской России в Лондоне Константином Набоковым, состоявшейся в феврале 1919 г., заявил: «Военное министерство будет продолжать снабжать всем необходимым английские войска, находящиеся в России, и русские военные силы, ведущие борьбу с большевиками»⁴.

Империалисты Антанты и США мечтали довести численность армии Колчака до 1 млн. солдат, вооружить и экипировать их. Об этом шла речь на омской конференции в июле — августе 1919 г., на которой присутствовали вместе с Колчаком верховный уполномоченный при нем У. Эллиот, посол США в Японии Р. Моррис, французский комиссар во Владивостоке Мартель, генералы Грэвс, Нокс, Жанен, Мацушима. Колчак намеревался создать в своей армии 20 корпусов. В связи с этим на конференции было решено сделать представление правительствам США и Англии о выделении для Колчака 310 тыс. 3-линейных винтовок (из США — из них 266 тыс.), 500 млн. патронов, 3 тыс. пулеметов «кольт», 40 тяжелых и 30 легких танков, 30 броневиков, 420 грузовых и 100 легковых автомобилей, 60 аэропланов⁵. В США колчаковские

¹ ЦГАОР, ф. 200, оп. 4, д. 51, л. 38.

² Там же, оп. 1, д. 28, л. 10.

³ Parliamentary Debates. House of Commons, 1919, vol. 114, col. 2943.

⁴ ЦГАОР, ф. 200, оп. 4, д. 75, л. 2.

⁵ Там же, д. 51, л. 22—24.

интенданты собирались закупить 1 млн. шинелей, 1200 тыс. пар обуви, 1 млн. фуфаек, 50 тыс. одеял и другое обмундирование и имущество.

Финансовая помощь Англии Колчаку превысила 50 млн. ф. ст. Займы, которые давались Колчаку правительствами США, Англии и других стран, должны были компенсироваться грабежом национальных богатств России, в частности русским золотом, захваченным Колчаком в Казани. Предоставляя военную помощь колчаковским армиям, империалистические политики Антанты и США готовились превратить Россию в колонию западноевропейского и американского империализма.

В начале 1919 г. интервенты и белогвардейцы реорганизовали войска внутренней контрреволюции и на юге страны. Казачья армия генерала Краснова и Добровольческая армия были объединены в «силы юга России» под единым командованием генерала Деникина. Они подерживали наступление Колчака с юга.

Империалисты Англии, США оказали щедрую помощь деникинской армии вооружением, боеприпасами, снаряжением и продовольствием. Только помощь иностранных интервентов сделала возможным создание белогвардейских армий Деникина, осуществлявших кровавый террор против революционных масс на юге нашей страны. Через порты Батуми и Новороссийск поступали винтовки, пушки, танки, аэропланы и др. Англия вооружила 250-тысячную деникинскую армию — 12 пехотных и 4 кавалерийские дивизии¹. К середине февраля 1919 г. только англичане поставили армии Деникина 175 тыс. винтовок, более 700 орудий разных калибров, 400 млн. патронов, более 2100 тыс. снарядов, 5 тыс. пулеметов, 12 танков, 124 аэроплана, свыше 1 тыс. автомашин, 250 тыс. комплектов обмундирования и много другого вооружения и снаряжения².

Для организации вооруженной помощи и для контроля над действиями белогвардейских войск Англия направляла свои военные миссии в штаб Деникина. Сначала прибыл генерал Пуль, ранее подвизавшийся на севере России. Его сменил на посту главы британской военной миссии при Деникине генерал Бригс. В мае 1919 г. в штаб Деникина в Екатеринодар прибыл главнокомандующий английскими интервенционистскими войсками на

---

¹ Public Record Office, War Cabinet, vol. 70, p. 234, 247, 253.

² См.: Волков Ф. Д. Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит, с. 102.

Ближнем Востоке генерал Мильн. По приезде Мильн сделал заявление о поддержке деникинской армии Англией. «По заявлению генерала,— доносил Сазонов в Омск,— английское правительство решило продолжать оказывать нашему делу материальную и нравственную поддержку»¹. Империалисты держав Антанты и США вложили буквально все в помощь Деникину, связывая с его победами судьбу интервенции. Военный министр Англии Черчилль признавал: «Если генерал Деникин будет оставлен союзниками, которые поддерживают его... всеми средствами, он будет уничтожен». Поэтому, докладывая он военному кабинету Англии, «мы должны продолжать всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами... поддержку антибольшевистских русских сил»².

Английские империалисты послали Деникину 250 тыс. винтовок, 5 тыс. пулеметов системы «виккерс» и «льюис», 100 аэропланов, около 2 тыс. орудий, 30 танков, до 1500 тыс. снарядов, 160 млн. винтовочных патронов и большое количество другого вооружения. В свою очередь Румыния по просьбе английского правительства согласилась предоставить 277 тыс. винтовок, принадлежавших в период первой мировой войны русским армиям румынского фронта³.

Огромную помощь белогвардейской деникинской армии оказали империалисты США. Из Соединенных Штатов через бывшего посла царской России Бахметьева к 1 августа 1919 г. Деникину были отправлены вооружение, боеприпасы, обмундирование, достаточное для снаряжения 100-тысячной армии, в том числе 100 тыс. винтовок, более 3 млн. патронов, свыше 300 тыс. пар сапог⁴. В сентябре 1919 г. Деникин обратился с письмом к президенту Вильсону, прося его усилить помощь белогвардейским армиям юга России⁵. Обращение Деникина нашло живой отклик.

Не ограничиваясь посылкой вооружения и снаряжения, английские империалисты по предложению Черчилля направили в армию Деникина военную миссию в составе 2 тыс. офицеров, действовавших в качестве советников, инструкторов, летчиков и т. д. Недаром Черчилль

---

¹ ЦГАОР, ф. 200, оп. 4, д. 76, л. 60.

² Public Record Office, War Cabinet, 24/89, p. 2, 5.

³ ЦГАОР, ф. 200, оп. 4, д. 62, л. 75; оп. 3, д. 7, л. 122; д. 85, л. 27.

⁴ Там же, оп. 3, д. 85, л. 70.

⁵ F. R. 1919, Russia, p. 771—772.

называл армии Деникина «моими армиями», а белогвардейских генералов и адмиралов — «английскими друзьями», ибо они были передовым отрядом международного империализма и контрреволюции.

При штабе деникинской армии находился специальный представитель США адмирал Мак Келли, осуществлявший связь между южной контрреволюцией и правительством США.

Английские и американские офицеры занимались организацией деникинских армий, разрабатывали оперативные планы и осуществляли руководство боевыми операциями белогвардейцев. Английские и французские эскадры в Черном море, высадившие свои войска в Крыму и Закавказье, и специально созданная на Каспийском море английская военная флотилия оказывали постоянную помощь деникинской армии в наступлении против Красной Армии. Общее руководство военными действиями британского флота осуществлял командующий британскими морскими силами на Черном море контр-адмирал Сеймур. По его приказу английские катера были отправлены на Царицынский фронт, вместе с бронепоездом, вооруженным английскими пушками и пулеметами¹.

Вооруженная английскими и американскими самолетами, танками, пушками, пулеметами, винтовками, одетая в английское и американское обмундирование, армия Деникина представляла собой серьезную угрозу для Советской России.

Прибалтика в планах империалистов должна была явиться важным плацдармом для наступления интервентов и белогвардейцев на колыбель русской революции — Петроград. Воспользовавшись трудностями Советской России, мировая реакция помогла помещикам и буржуазии свергнуть Советскую власть в Эстонии, Латвии, Литве. Для борьбы с Советской Россией объединились даже вчерашние враги. Между державами Антанты и Германией было заключено соглашение о совместных действиях против Советской России. Германская армия генерала фон дер Гольца учинила кровавый террор в Прибалтике, на Украине и в Белоруссии.

По решению Верховного совета Антанты США, Франция, Италия уполномочили английское правительство послать военную миссию для организации сил контрреволюции в Прибалтике. В мае 1919 г. английское правитель-

---

¹ ЦГАОР, ф. 1502, д. 6, л. 281, 360, 368, 399.

ство назначило генерала Губерта Гофа главой «военной миссии» в Прибалтику и Финляндию для «помощи Балтийским государствам — Литве, Латвии и Эстонии в борьбе с большевиками». Ему было предоставлено для этих целей снаряжение, а также флотилия из 4 крейсеров, 11 истребителей, 6 подлодок¹. Главной задачей миссии Гофа была помощь вооружением, снаряжением, боеприпасами белогвардейским войскам Юденича.

Правительства Англии, США и Франции душили освободительное движение народов Прибалтики, щедро вооружали и снаряжали белогвардейцев. Только Англия к середине февраля 1919 г. поставила прибалтийской контрреволюции 40 тыс. винтовок, 500 пулеметов «виккерс» и «льюис», 50 млн. патронов, аэропланы, пушки, гаубицы и другое вооружение и снаряжение². Правительство США отправило Юденичу 25 тыс. винтовок, продовольствие. Это вооружение, снаряжение и продовольствие было доставлено на американских и английских судах через Ригу и Либаву. В период с 6 февраля по 14 мая 1919 г. к Юденичу прибыли из Англии семь пароходов с вооружением, а из США семь судов с продовольствием³. С помощью империалистов создавала свою армию и эстонская буржуазия, которую Антанта также нацеливала на Советскую Россию.

Французские и английские офицеры помогали Пилсудскому спешно формировать польскую армию. Летом 1919 г. буржуазно-помещичья Польша имела под ружьем более полумиллиона человек.

Интервенты активизировали свои действия на севере России и в Средней Азии. Английский генерал Маллесон установил тесные контакты с реакционными режимами Бухары, Хивы для использования их вооруженных сил в борьбе с Советской властью. Весной 1919 г. 600 английских инструкторов обучали армию бухарского эмира.

Итак, к весне 1919 г. империалистам Антанты и белогвардейцам удалось подготовить значительные военные силы для нанесения «решающего» удара по Красной Армии с целью свержения Советской власти. Общая численность белогвардейских и интервенционистских войск составила почти миллион солдат⁴.

¹ ЦГАОР, ф. 200, оп. 4, д. 64, л. 75.

² Public Record Office, War Cabinet, vol. 70, p. 256.

³ ЦГАОР, ф. 200, оп. 4, д. 64, л. 42.

⁴ См.: История гражданской войны в СССР, М., 1959, т. 4, с. 26.

Британский премьер Ллойд Джордж признавал, что белогвардейские армии получали и финансовую, и вооружением, и материальную поддержку со стороны империалистических держав. «Возьмите,— говорил он в парламенте,— все эти правительства, которые пытаются удержаться в Сибири, на Дону... Мы оказали им существенную поддержку. Они получили финансовую помощь. Они имели поддержку в вооружении и снаряжении. Большая часть вооружения... была предоставлена союзниками»¹. Белогвардейских генералов и адмиралов — Деникина, Колчака, Врангеля и др.— Ллойд Джордж называл друзьями Антанты.

Парижская «мирная» конференция стран — победительниц над кайзеровской Германией, собравшаяся в начале 1919 г., объединила усилия мировой контрреволюции по руководству вооруженной интервенцией против Советской России. На этой конференции разрабатывались преступные планы военных походов против Советской страны, снабжения русской контрреволюции оружием, боеприпасами, снаряжением, планы удушения Советского государства путем беспощадного террора.

По соглашению между представителями Англии, Франции и Колчаком французский генерал Жанен был назначен главнокомандующим союзными войсками интервентов на востоке России и в Сибири, к западу от Байкала. В составе войск интервентов, подчиненных Жанену, были англичане, итальянцы, поляки, румыны, французы, чехи. Американский корпус генерала Грэвса и японские войска совершали свои кровавые злодеяния в Сибири, действуя «независимо» от Жанена.

Первым начал наступление весной 1919 г. Колчак. План его похода был разработан белогвардейским командованием с участием представителей Франции и Англии в конце февраля на совещании в Челябинске. Причем при его составлении возникли большие споры между интервентами. Жанен настаивал на том, чтобы главный удар наносился на Саратов и Самару для соединения с войсками Деникина и оказания ему помощи в захвате юга России, в чем Франция была особо заинтересована.

Нокс ратовал за то, чтобы северное направление было главным, чтобы белогвардейцы, наступая из райо-

---

¹ Parliamentary Debates. House of Commons, 1919, vol. 112, col. 195—197.

на Перми через Воткинск — Ижевск на Казань, одновременно продвигались на Вятку, а оттуда — в район Котласа для соединения с войсками интервентов, наступавших с севера. Разногласия не могли не сказаться на ходе военных действий. К началу наступления центральная группировка белогвардейских войск (армии генерала Ханжина) оказалась сильнее северной (армии генерала Гайды).

В начале марта 1919 г. колчаковцы, вооруженные и экипированные Антантой, перешли в наступление на северном и центральном участках Восточного фронта и, пользуясь численным превосходством, скоро добились значительных успехов. 14 марта пала Уфа, 10 апреля — Сарапул и Бугульма, 13-го — Ижевск. На захваченной территории белогвардейцы с благословения интервентов устанавливали массовый террор, хуже, чем тот, который они насаждали в 1918 г. В Уфе поручик Ганкевич застрелил в доме Морозова двух гимназисток только за то, что они были переписчицами в местном профессиональном союзе. В селе Ивановском Белебейского уезда многие крестьяне были расстреляны за то, что не смогли вернуть помещичье имущество. В бывшем поместье Вороновых этого же уезда прибывшие колчаковские офицеры (сыновья владельца поместья), увидя, что их особняк занят под школу, изнасиловали учительницу, выпороли школьников, расстреляли многих крестьян, объявив их «вне закона».

Колчаковские офицеры не только продолжали издеваться над крестьянами, как они делали в Сибири, но и над вновь мобилизованными, которые «нерадиво» относились к военному делу. Режим виселицы и кнута несла народам России выпестованная интервентами белогвардейская армия Колчака.

В середине апреля Жанен сообщил в Париж об успехах колчаковцев. Клемансо от имени государств Антанты провозгласил: «Поход на Москву!»

Но похода Колчака на Москву не получилось. Он даже не дошел до Волги. Что же произошло? Прежде всего интервенты и белогвардейцы недооценили силу Красной Армии, которая была совсем другой, чем год назад. Она окрепла в боях, командиры ее научились водить войска, а солдаты — воевать. Ленин, партия большевиков объявили Восточный фронт главным, послали туда около 15 тыс. коммунистов и комсомольцев, которые внесли бодрость духа в сражавшиеся войска. На Волгу

прибыли новые полки, много оружия, боеприпасов, обмундирования. Контрнаступление возглавил выдающийся советский полководец большевик М. В. Фрунзе.

28 апреля 1919 г. войска Южной группы армий перешли в контрнаступление и скоро погнали противника опять к Уфе. Весь май продолжались упорные бои, во время которых колчаковцы были обескровлены.

В конце мая, когда стал виден провал наступления Колчака на Москву, между интервентами вновь разгорелись споры о дальнейших действиях белогвардейских армий на востоке страны. Нокс вновь стал настаивать на осуществлении северного варианта. Надо сказать, что англичане никогда от него не отказывались. 4 мая 1919 г. военное министерство Англии сообщило командующему архангельской группой войск генералу Айронсайду:

«Вы уполномочиваетесь, используя находящиеся в вашем распоряжении ресурсы, провести все необходимые подготовительные мероприятия для нанесения мощного удара по большевикам в направлении на Котлас, целью которого является соединение в случае успеха с Гайдой в этом пункте»¹.

Английские империалисты направили в Архангельск дополнительно две свои бригады численностью 8 тыс. человек, а также около 700 офицеров и много бывших германских военнопленных солдат старой русской армии для пополнения белогвардейских войск. К лету 1919 г. интервенты сосредоточили в Архангельске оружия, боеприпасов, военного снаряжения на 100-тысячную армию, рассчитывая передать все это при соединении Колчаку.

Лондон утвердил план Айронсайда, предусматривавший наступление по Северной Двине на Котлас и по линии железной дороги Архангельск — Вологда. Оно должно было начаться 1 июля. В этой обстановке северная колчаковская армия в конце мая перешла в наступление в общем направлении на Вятку. 2 июня она захватила Глазов и продвинулась еще на 40 километров. В. И. Ленин был очень обеспокоен потерей Глазова и дважды запрашивал Реввоенсовет Восточного фронта о мерах, которые приняты для отражения врага. 6 июня он писал: «Считаю величайшей опасностью возможное движение Колчака на Вятку для прорыва к Питеру»².

---

¹ Great Britain War Office, The Evacuation of North Russia, 1919. London, 1920, p. 35.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 342.

На этом успехи колчаковцев закончились. Стремительное наступление на восток армий под командованием Фрунзе (9 июня была освобождена Уфа) и других советских войск принудило Гайду отказаться от плана захвата Вятки. Снова, и на этот раз навсегда, была похоронена надежда интервентов на севере соединить свои войска с колчаковской армией.

Отметим, что в районе Перми в составе камской военной флотилии белогвардейцев летом 1919 г. активно действовали два вооруженных судна — «Кент» и «Суффолк» — с английскими офицерами и матросами. Об этом поведал корреспондент газеты «Таймс», находившийся в то время на фронте¹. Колчак в специальном приказе объявил благодарность английским интервентам.

К концу июня Колчак оставил все, что захватил за время весеннего наступления. Но положение его как на фронте, так и в тылу было намного хуже, чем до похода на Волгу. Армия с каждым днем теряла боеспособность, в тылу ширились восстания против кровавого режима белогвардейцев и интервентов.

Иностранные войска разной национальной принадлежности расположились в тылу (чехословацкий корпус был выведен с фронта в начале 1919 г.) главным образом по линии железной дороги, являвшейся основной артерией снабжения войск оккупантов и белогвардейцев. К западу от Байкала находились английские, французские, итальянские, чехословацкие, польские, сербские и румынские части. К востоку от Байкала в шахматном порядке дислоцировались американцы и японцы. Все они активно помогали белогвардейцам насаждать старые дореволюционные порядки, поддерживать обстановку жестокого военного террора.

Но ни репрессии, ни боевые действия не могли остановить рост партизанского движения, главную роль в организации которого играли большевики. Колчаковский генерал Будберг летом 1919 г. писал: «В тылу возрастают восстания; так как их районы отмечаются по 40-верстной карте красными точками, то постепенное их расползание начинает походить на быстро прогрессирующую сыпную болезнь. Какой толк в стоянии вдоль линии разных союзников, когда весь организм охватывается постепенно красной сыпью»².

¹ *Coates W. P. and Coates Z. Armed Intervention in Russia. 1918—1922. London, 1935, p. 214.*

² *Будберг А. Дневник белогвардейца, М., Прибой, 1929, с. 163.*

Огромный рост партизанского движения, поражение колчаковских войск на фронте, ширившееся революционное движение на западе, проходившее под знаком борьбы за прекращение интервенции в России, расстраивали ряды не только белогвардейцев, но и интервентов. Среди рядовых солдат росло недовольство тем, что их заставляли подавлять выступления рабочих и крестьян против колчаковцев и интервентов. Сказывалась также работа местных большевистских организаций среди войск противника. В одном из полков 5-й польской дивизии летом 1919 г. произошло восстание. Серьезные волнения затронули 4-й и 7-й полки чехословацкого корпуса¹.

Войска интервентов не смогли спасти своими штыками тыл Колчака. Он разваливался.

Бесславный конец ждал интервентов и на юге страны.

Вооруженная империалистами Антанты, армия Деникина начала наступление на Донбасс 19 мая 1919 г. и скоро овладела им, а затем развернула бои на фронте от Азовского моря до среднего течения Волги. Имея численное преимущество (100 тыс. штыков и сабель против 73 тыс. советских войск), особенно в коннице (у белогвардейцев было 26 кавалерийских дивизий), противник за июнь захватил большую территорию, в том числе города Харьков (24 июня) и Царицын (30 июня).

Главным направлением наступления было харьковское — кратчайший путь на Москву. На юге создалась грозная опасность для Советской Республики.

Всего на несколько дней раньше (13 мая) предприняли наступление на Петроград белогвардейский северный корпус Юденича и войска интервентов. С моря им оказывала помощь английская эскадра, в которую входили крейсера, миноносцы, подводные лодки и другие боевые суда. Интервенты обстреливали с кораблей советские войска на суше, производили высадки десантов, потопили торпедой советский крейсер. 17 мая белогвардейцы захватили Ямбург, а 25 мая белоэстонцы и отряд Булак-Балаховича взяли Псков. Белогвардейцы казнили на улицах сотни коммунистов, советских работников, пленных красноармейцев. В Ямбурге они повесили бывшего генерала старой армии А. П. Николаева за службу в Красной Армии и отказ перейти к белогвардейцам. Белофинны из так называемой «Олонецкой добровольческой

---

¹ См.: *Спирин Л. М.* Разгром армии Колчака, М., 1957, с. 148—154.

армии» вместе с кулаками беспощадно расправлялись с теми, кто, по их мнению, сочувствовал Советской власти.

«Финляндское правительство, которое столько раз уже нападало на Российскую Советскую Республику и на суше, и на море, обстреливало ее берега, вторгалось на ее территорию, посылало своих авиаторов, чтобы сеять смерть в ее мирных городах и селениях,— говорилось в ноте Правительства РСФСР 31 июля 1919 г.,— по-видимому, возымело намерение в настоящее время снова усилить свои вызовы и насильственные акты против Советской Республики, все время неизменно соблюдавшей, со своей стороны, чисто оборонительное положение по отношению к этому необузданному агрессору»¹.

Но интервентам и белогвардейцам не удалось сломить под Петроградом, как и на востоке, юге и севере страны, ни волю Красной Армии к победе, ни стремление рабочих и крестьян защитить свою Советскую власть.

Усиленная коммунистами и беспартийными питерскими рабочими советская 7-я армия, оборонявшая колыбель Великой Октябрьской революции, в середине июня перешла в наступление и погнала врага на запад. В одном из морских боев советские эсминцы потопили атаковавшую их английскую подводную лодку. В течение лета белогвардейцам и интервентам было нанесено тяжелое поражение. Северо-западная армия белых сохранила в своих руках лишь небольшой кусочек советской земли на границе с Эстонией. Что касается правительства Финляндии, то оно так и не отважилось послать свои дивизии на Петроград. Война с Советской Россией не могла встретить сочувствия у финского народа. Кроме того, в Хельсинки боялись, что белогвардейцы в случае победы могут вновь присоединить Финляндию к России. Маннергейм так и не получил у «верховного правителя» России Колчака обещание оставить Финляндии независимость, которую ей дало Советское правительство по инициативе Ленина.

Белопольские войска, хотя они летом 1919 г. и продвинулись в глубь советской территории, в силу ряда причин не смогли сыграть той роли, которую им отводили империалисты Антанты. Таким образом, попытка империалистов Антанты объединить все военные действия

---

¹ Документы внешней политики СССР, т. 2, с. 230—231.

внутренней и внешней контрреволюции, организовать концентрическое наступление на Москву и покончить с Советской властью весной и в начале лета 1919 г., окончилась провалом.

Но враги не успокоились на этом. Начался второй этап похода белогвардейцев и интервентов на Москву. Однако распределение сил было уже другим. Вперед вырвалась армия Деникина, она стала наносить главный удар, а недобитые силы внутренней и внешней контрреволюции на востоке, севере и западе помогали ей.

Именно летом 1919 г. военный министр Англии У. Черчилль выдвинул идею «похода 14 государств» против Советской России, поддержанную империалистами Франции и США.

К началу летнего наступления Деникин сосредоточил на фронте около 150 тыс. штыков и сабель. Это было больше, чем у Колчака в начале его наступления на Волгу. Сотни английских офицеров инструктировали белогвардейцев.

3 июля 1919 г. Деникин подписал директиву о наступлении, конечной целью которого было, как и весной у колчаковцев, взятие Москвы. Согласованный с Антантой план отражал общую стратегическую задачу интервентов и белогвардейцев на 1919 г. «Наступил один из самых критических, по всей вероятности, даже самый критический момент социалистической революции»¹, — писал в июле 1919 г. В. И. Ленин.

3—4 июля 1919 г. состоялось заседание Пленума ЦК РКП(б), на котором обсуждался военный вопрос, а 9 июля было опубликовано письмо Центрального Комитета партии «Все на борьбу с Деникиным!», написанное В. И. Лениным. Это письмо, так же как и «Тезисы ЦК РКП(б) в связи с положением Восточного фронта», написанные Лениным в апреле 1919 г. в связи с наступлением Колчака, явилось программой партии, Советской власти, всех рабочих и трудящихся крестьян по борьбе с внутренней и внешней контрреволюцией. И снова тысячи коммунистов были направлены туда, где решалась судьба революции. На Южном фронте все лето шли ожесточенные бои.

Империалисты Антанты понимали, что если армия Деникина будет разбита, то рухнет весь их план на 1919 г., ибо ни Колчак, ни Юденич, ни Миллер не спасут

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 44.

положения даже при самой активной помощи им. Поэтому они напрягали все силы, чтобы помочь Деникину сокрушить Советскую власть.

Осенью 1919 г. белогвардейцам удалось добиться новых успехов. Кавалерийский корпус генерала Мамонтова прорвался в тыл советских войск и произвел большие опустошения. Деникинцы захватили Орел и двинулись на последний перед Москвой город — Тулу. Оживились контрреволюционные силы в советском тылу. Империалисты Англии, Франции, США торжествовали, предвкушая победу. Они высчитывали дни, когда падут Москва и Петроград.

Но одного не учли враги. Насаждая старые порядки, деникинцы восстанавливали против себя многомиллионное крестьянство, которое не хотело возврата помещиков и капиталистов, нового глумления над собой, засилья иностранцев. Креп союз рабочего класса и крестьянства, и не было силы, способной сломить его. На клич партии коммунистов «Победа или смерть!» откликнулись тысячи и тысячи новых бойцов. 15 октября 1919 г. Пленум ЦК РКП(б) рассмотрел стратегический план борьбы с Деникиным. Во второй половине октября 1919 г. советские войска Южного фронта (командующий фронтом А. И. Егоров, член Реввоенсовета фронта И. В. Сталин) перешли в наступление. В результате кровопролитных боев враг был остановлен, а затем начал отступать. Скоро деникинцы неудержимо покатались к Черному морю. В разгроме врага неувядаемой славой покрыли себя бойцы Конной армии, которой командовал С. М. Буденный. В марте 1920 г. с Деникиным было покончено. Остатки белогвардейской армии укрылись в Крыму.

Во время наступления Деникина на Москву империалисты Антанты делали все возможное, чтобы укрепить войска белогвардейцев всей России и интервентов. Летом и осенью 1919 г. они усилили помощь Колчаку, Юденичу, Миллеру. 12 июня 1919 г. США, Англия, Франция, Италия, Япония, признав фактически за Колчаком верховную власть в России, заверили его в своей полной поддержке. Инициаторами были американцы. «Колчаковское правительство,— писал Моррис 16 августа 1919 г. государственному секретарю Лансину,— не может продержаться без открытой поддержки нашего правительства. Благодаря нашей своевременной и активной поддержке Колчак удержится, мы окажемся в преимущественном положении для того, чтобы содействовать и руководить делом

реконструкции России...»¹ «С этой целью,— писал управляющий иностранными делами колчаковского правительства Сукин,— был командирован в Омск американский посол в Токио Моррис с инструкциями президента Вильсона. После его приезда начался ряд совещаний в присутствии всех союзных представителей»².

Антанта пыталась вновь направить чехословацкий корпус на фронт. Английский генерал Блер приступил к организации англо-русской бригады, в которой солдаты обучались под руководством английских офицеров. Колчак провел новые мобилизации в армию и в начале сентября предпринял контрнаступление в Западной Сибири. Белогвардейцам удалось потеснить дивизии Красной Армии. Но это был временный успех. В середине октября советские войска под командованием М. Н. Тухачевского (5-я армия) и А. С. Меженинова (3-я армия) нанесли мощный удар по колчаковцам и 14 ноября освободили Омск. После этого белогвардейцы покатились на восток. В январе 1920 г. колчаковская армия прекратила свое существование, жалкие ее остатки укрылись за Байкалом. Колчак сложил с себя полномочия «верховного правителя»; 7 февраля 1920 г. он был расстрелян по приговору ВРК Иркутска. Войска интервентов по железной дороге отправились во Владивосток.

Осенью 1919 г. Деникину пытался помочь Юденич. В середине октября белогвардейцы начали новое наступление на Петроград и близко подошли к городу. Но у врага не хватило сил сломить сопротивление частей Красной Армии, он был разбит. Остатки армии Юденича укрылись за рубежом.

Наибольшую помощь Деникину могла оказать буржуазно-помещичья Польша, имея довольно сильную армию. Летом поляки предприняли новое наступление и захватили значительную территорию, в том числе Минск. Но противоречия между польской буржуазией и белогвардейцами с их лозунгом «единой и неделимой России» сделали свое дело. Белополяки не столько помогали Деникину, сколько соперничали с ним в захвате для себя новых земель. Все это дало возможность советскому командованию в критический период осени 1919 г. снять с Западного фронта лучшие дивизии и бросить их против Деникина, являвшегося главным врагом.

---

¹ F. R. 1919, Russia, p. 415.

² Правительственный вестник, 1919, 2 сентября.

Так рухнул план империалистов Антанты в 1919 г. объединенными силами внешней и внутренней контрреволюции свергнуть Советскую власть, повернуть вспять колесо истории нашей страны.

3. ИЗГНАНИЕ ИНТЕРВЕНТОВ

Империалисты Англии и США всячески пытались спасти денikinские армии от полного поражения. 11—13 декабря 1919 г. в Лондоне происходило спешное совещание, на котором присутствовали от Англии Ллойд Джордж и Керзон, от Франции — Клемансо, от США — посол в Англии Дэвис. На совещании было принято решение — продолжать оказывать помощь силам русской контрреволюции войсками, военными материалами, денежными средствами¹. Империалисты Англии, США, Франции вплоть до окончательного разгрома денikinских армий оказывали помощь южной контрреволюции.

Английский, американский, французский, итальянский флоты помогали переброске в Крым и Константинополь остатков денikinских войск, позднее ставших ядром армии Врангеля в Крыму.

Весной 1920 г. Антанта и США решили использовать свой последний резерв для сокрушения Советской России — буржуазно-помещичью Польшу и Врангеля. К антисоветскому походу империалисты Антанты и США надеялись привлечь реакционные силы Германии, Австрии, Румынии, Финляндии и Венгрии. Польские паны мечтали захватить советские украинские и белорусские земли и создать Польшу от Балтийского до Черного моря.

В середине января 1920 г. под председательством Клемансо состоялось заседание Верховного совета Антанты, на котором присутствовали Ллойд Джордж, Черчилль, маршалы Фош и Вильсон, Нитти и адмирал Битти. Верховный совет постановил предоставить оружие и снаряжение русской контрреволюции и использовать окраинные государства — Польшу, Румынию, Финляндию для борьбы с Советской Россией². В воссоздании польской армии активную роль сыграли военные миссии Англии, США и Франции, посланные в Польшу. Только Франция поставила Польше 500 тыс. винтовок, 3 тыс. пулеметов,

---

¹ Documents on British Foreign Policy 1919—1939, First Series. 1919. London, 1947, vol. 2, p. 764, 782. (далее: DBFP).

² Petit Parisien, 21.V 1920.

2 тыс. орудий. В Польшу было послано 736 генералов и офицеров¹.

Одновременно с белополяками, наступавшими с запада, из Крыма в июне 1920 г. выступили войска барона Врангеля — нового ставленника мировой реакции.

Англия и Франция оказали ему военную помощь винтовками, бронемашинами, танками, самолетами. Только английское правительство передало Врангелю 200 аэропланов, находившихся в Александрии и Абукире. США также снабжали Врангеля оружием. Об этом свидетельствует отправка империалистами США через русского посла Бахметьева на пароходе «Фараба» 436 пулеметов «кольт», 2479 тыс. патронов, 3130 винтовок и другого вооружения².

Чтобы облегчить положение белогвардейцев, британский флот на Черном море взял под свою защиту Крымское побережье. До этого он активно помогал деникинцам в удержании Новороссийска, а затем в эвакуации в Крым белогвардейцев. «Британский линкор «Император Индии», крейсер «Калипсо» и французский крейсер «Вальдек Руссо», — сообщали интервенты 31 марта 1920 г. из Новороссийска, — весь день вели огонь по позициям красных»³. Лондон отдал приказ топить на море каждое, судно, которое появится под красным флагом.

Нет ни малейшего сомнения в том, что без помощи Антанты белогвардейцы юга не только бы не смогли повести наступление из Крыма на север, но и были бы сами быстро разбиты. Врангель, продав врагам Крым, готов был при своей победе отдать всю Россию «на поток и разграбление» мировому империализму, и прежде всего французскому. «Врангель, как Колчак и Деникин, — разъясняли большевики рабочим и крестьянам России, — наемник французских и английских капиталистов. От них он получает деньги, военное снаряжение (армия, пушки, снаряды), обмундирование и помощь специалистами. За это он обязался уплатить Франции все царские долги, переслать за границу русский хлеб, нефть, уголь, керосин...»⁴.

Но империалисты Антанты не ограничились Врангелем. Они предприняли попытку раздуть пламя граждан-

---

¹ См.: Правда, 1920, 4 июня.

² См.: Красный архив. М., 1930, т. 3 (40), с. 4—5, 13.

³ F. R. 1920, Russia, vol. 3. Washington, 1936, p. 589.

⁴ Вестник агитации и пропаганды, Орган ЦК РКП(б), 1920, 19 октября, № 2, с. 11.

ской войны на Дону и Северном Кавказе, вновь втянуть в нее донское и кубанское казачество, чтобы на юге России продолжал царить военный террор.

Врангель не мог «изобрести» ничего существенно нового ни в экономической, ни в политической, ни в идеологической областях и фактически повторял то, что было при Колчаке и Деникине, ибо выражал те же классовые интересы, опирался на те же социальные силы, преследовал те же цели, что и потерпевшие поражение буржуазно-помещичьи военные диктатуры.

К весне 1920 г. в Советской России оставались только два больших очага войны: белогвардейская армия барона Врангеля, укрывшаяся в Крыму, и японские интервенты с остатками колчаковцев на Дальнем Востоке. Было ясно, что этих войск явно недостаточно для эффективной борьбы с Советской властью. Поэтому в действие были введены давно подготовляемые резервы, ставшие главной силой интервенции. На первый план выдвинулась армия буржуазно-помещичьей Польши — сопредельно с Советской страной вновь образованного государства, часть войск которого и до этого участвовала в войне с новой Россией.

Особенно усердствовала Франция, глава правительства которой Клемансо повторял: «Между большевиками и нами спор может быть решен только силой»¹. Англия больше помогала Врангелю, но поддержала и польскую авантюру, несмотря на противоречия, которые у нее имелись с Францией и Польшей.

Непримиримую позицию по отношению к Советской России по-прежнему занимали империалисты США. Они все больше и больше присваивали себе «право» вмешиваться в дела других государств теми способами, которые они считали необходимыми, в том числе при помощи оружия. В конце 1919 г. государственный секретарь Лансинг, выражая мысли правителей США, заявлял, что борьба против Советов является «правом и интересом, если только не долгом Соединенных Штатов Америки и других просвещенных наций земного шара...»².

Американский империализм, отмечал в начале 1920 г. В. И. Ленин, всеми силами натравливал Польшу на рабско-крестьянское государство³.

---

¹ Известия ВЦИК, 1919, 12 ноября.

² F. R. 1920, Russia, vol. 3, p. 440.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 96—97.

Готовя белополяков к войне, Антанта помогала правящей клике укрепить свое положение, подавить недовольство польских рабочих и крестьян, жестоко расправиться с украинским и белорусским населением на оккупированной еще в 1919 г. советской земле. Захватчики восстановили старую власть, вернули помещикам землю, а капиталистам — фабрики и заводы. Население подвергалось не только социальному, но и национальному гнету. Газета «Белорусская правда» в конце мая 1920 г. писала о зверствах оккупантов в Минском, Игуменском и Слуцком уездах: «В этих областях польские жандармы буйствовали более, чем где бы то ни было: какой-то кровавый угар царил над этими уездами. Расстрелы и пытки, разбой и насилие, побои и издевательства являлись здесь обычным приемом закабаления бедняков панами»¹. Газета сообщала далее, что все население уездов восстало против узурпаторов. Почин исходил от батраков.

Борьбу с захватчиками в тылу возглавила Коммунистическая партия Литвы и Белоруссии, создав свои подпольные организации в Минске и ряде других городов, руководя рабочими и крестьянскими восстаниями. Оккупанты ввели в ряде мест военное положение, бросали людей в тюрьмы, в концентрационные лагеря, прибегли к террору. Но сломить сопротивление населения им не удалось.

Коммунистическая партия и Советское правительство делали все от них зависящее, чтобы предотвратить войну с Польшей. «Польша стоит перед решением, которое может иметь тягчайшие последствия на долгий ряд лет жизни обоих народов, — говорилось в заявлении Совнаркома РСФСР. — Все данные свидетельствуют о том, что крайние империалисты Согласия, сторонники и агенты Черчилля — Клемансо, напрягают в настоящий момент все усилия к тому, чтобы ввергнуть Польшу в беспричинную, бессмысленную и преступную войну с Советской Россией»². Далее излагались основы советской политики по отношению к Польше, вытекающие из принципа национального самоопределения, признания независимости и суверенности Польской республики. Советское правительство заявляло, что все спорные вопросы могут быть решены в духе добрососедских отношений.

Но польская буржуазия не вняла голосу разума, хотя

---

¹ Белорусская правда, 1920, 31 мая.

² Документы внешней политики СССР, т. 2, с. 331.

рабочие и крестьяне поляки не хотели войны со своими братьями по классу. Об этом свидетельствовали мощные антивоенные демонстрации трудящихся Варшавы, Лодзи, Кракова и других городов, состоявшиеся в феврале—марте 1920 г.

Сосредоточив шесть хорошо вооруженных Антантой армий на советском фронте (около 150 тыс. штыков и сабель против 65 тыс. войск Красной Армии), белополяки 25 апреля 1920 г. начали наступление на широком фронте от Припяти до Днестра, ставя своей целью захват Украины. В первое время они добились значительных успехов. 6 мая пал Киев. Вновь пламя пожаров охватило города и села Украины. В захваченных районах оккупанты творили свое черное дело, устанавливая повсюду военный террор. ЦК РКП(б) в своих тезисах «Польский фронт и наши задачи», обнародованных 23 мая 1920 г., указывал, что навязанная нам врагом «борьба идет не на жизнь, а на смерть, она будет иметь крайне напряженный и суровый характер»¹. 12 мая Советская страна была объявлена на военном положении.

Отбывающим на фронт коммунистам, беспартийным рабочим и крестьянам вождь социалистической революции говорил:

«Товарищи! Вы знаете, что польские помещики и капиталисты, подстрекаемые Антантой, навязали нам новую войну. Помните, товарищи, что с польскими крестьянами и рабочими у нас нет ссор, мы польскую независимость и польскую народную республику признавали и признаем»². Но раз война навязана, указывала партия, ее надо оканчить победой.

Получив подкрепление, советские войска перешли в контрнаступление: дивизии Западного фронта под командованием М. Н. Тухачевского (член Реввоенсовета И. С. Уншлихт) — 14 мая и Юго-Западного фронта под командованием А. И. Егорова (члены Реввоенсовета Р. И. Берзин и И. В. Сталин) — 5 июня 1920 г. Особый героизм проявили бойцы 1-й Конной армии, прибывшей на Украину с Северного Кавказа. 12 июня был освобожден Киев, 14 июня — Вильно, 11 июля — Минск. К концу июля 1920 г. почти на всей территории Украины и Белоруссии развевался красный флаг Страны Советов. Еще в начале июля военный комитет Антанты констатировал: «Поло-

---

¹ КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза, Сборник документов, 1917—1958. М., 1958, с. 168.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 110.

жение Польши в связи с большевистским наступлением, кажется, становится с каждым днем все серьезнее»¹.

В интересах обороны Родины Красная Армия вынуждена была перенести военные действия на территорию агрессора. Политорганы Красной Армии разъясняли советским воинам: «...на всех фронтах у нас враг один: помещики и буржуазия всех стран, всего мира. Но на всех фронтах есть один и тот же верный друг. Этот друг — рабочие и крестьяне... Помните это, вступая в польские области, не с польским народом воюем мы... Мы бьем и будем бить лишь панов, помещиков, буржуев и жандармов, всех этих наемников мировой буржуазии»².

Империалисты Антанты предприняли дипломатический маневр, чтобы выиграть время и спасти клику Пилсудского. Английский министр Керзон направил ноту, в которой от лица союзников требовал прекратить наступление Красной Армии. Одновременно Франция, Англия, США усилили военную помощь Польше.

В Варшаву выехала англо-французская миссия, возглавленная генералами Вейганом и Редклиффом, для спасения армий Пилсудского от полного разгрома. Из Франции, Англии и США в Польшу было послано новое оружие. Английский флот демонстративно покинул Скапа-Флоу и вышел в Балтийское море. В Данциг прибыли четыре английских военных корабля в сопровождении двух английских и одного французского крейсера³. Позднее из Англии прибыло семь пароходов с танками и другим вооружением, парусное судно с обмундированием и двенадцать мелких судов со снаряжением. Из США было отправлено шесть судов с войсками⁴. Между Ллойд Джорджем и Мильераном, а также начальниками генеральных штабов Англии и Франции — Вильсоном и Фошем — происходили совещания об оказании действительной помощи Польше. 5 августа «Таймс» сообщала о намерении английских политиков поставить под ружье 200 тыс. «добровольцев» для начала новой интервенции против Советской России.

Однако Советское правительство не испугалось этих угроз. Ведя военные действия против агрессора, оно, как и раньше, не прекращало борьбы за справедливый мир на основе признания независимости и суверенитета Поль-

---

¹ Из истории гражданской войны в СССР, т. 3, с. 124.

² Там же, с. 327.

³ Известия, 1920, 11 августа и 5 сентября.

⁴ Петроградские известия, 1920, 29 сентября.

ши, «границ больше Керзона», принципа «никаких контрибуций»¹. Но буржуазно-помещичья Польша мало интересовалась миром. Она готовилась снова перейти в наступление и предприняла его в середине августа 1920 г. Против утомленных в непрерывных боях и оторвавшихся от тыла частей Красной Армии враг бросил на варшавском направлении свежие, хорошо вооруженные дивизии. Советские войска вынуждены были отступить.

12 октября 1920 г. советская и польская делегации подписали предварительные условия мира.

Заключение предварительного мира с Польшей предопределило судьбу белогвардейской армии Врангеля. Ни военная помощь Антанты, хотя она все время возрастала, ни признание Францией Врангеля как правителя Южной России не могли спасти белогвардейцев от полного поражения, хотя их армия оставалась еще сильной и выбить ее с хорошо укрепленных мелитопольских позиций, а затем с перекопских было нелегко.

Решением Пленума ЦК РКП(б) командующим Южным фронтом по предложению В. И. Ленина был назначен в сентябре 1920 г. пролетарский полководец М. В. Фрунзе. Партия дала приказ освободить Крым до зимы.

В конце октября 1920 г. Красная Армия нанесла серьезный удар по белогвардейцам в Северной Таврии. Впоследствии Врангель писал об этом: «Наши части понесли жестокие потери убитыми, ранеными и обмороженными. Значительное число было оставлено пленными...»²

И все же враг думал, что советским войскам не удастся быстро взять Перекоп и Чонгар. Но красноармейцы и командиры проявили невиданный героизм. В ночь с 7 на 8 ноября 1920 г. они под огнем противника перешли холодные воды Сиваша и вышли в тыл врангелевцам. Одновременно белогвардейцев атаковали по фронту. Был взят знаменитый Турецкий вал. Советские войска вошли в Крым. Враг под ударами советских войск и партизан откатывался к портам, чтобы оттуда на кораблях бежать за границу.

13 ноября части Красной Армии освободили Симферополь, а 15 ноября — Севастополь.

«Беззаветной храбростью войск Южного фронта,—говорилось в постановлении Совета Труда и Оборона, ру-

---

¹ См.: Ленинский сборник XXXVI, 1959, с. 119.

² Белое дело. Берлин, 1928, т. 6, с. 346.

ководимого В. И. Лениным,— РСФСР освобождена от последнего оплота российской контрреволюции — их героическими усилиями освобожден Крым, сброшен в море Врангель и силы его окончательно рассеяны. Страна, наконец, может отдохнуть от навязанной ей белогвардейцами трехлетней гражданской войны, приступить к заживлению нанесенных ей бесчисленных ран и заняться восстановлением столь пострадавшего за эти годы народного хозяйства»¹.

К этому времени Красная Армия, опиравшаяся на поддержку трудящихся Средней Азии, полностью освободила Туркестан. В Хиве и Бухаре произошли народные революции. В 1920—1921 гг. Советская власть победила в Закавказье. Там образовались советские социалистические республики: Азербайджана, Армении и Грузии. Это был огромный удар по мировому империализму и его ставленникам в России.

Но на Дальнем Востоке продолжали еще бесчинствовать японские интервенты и остатки колчаковских войск. Правительство США, вынужденное в начале 1920 г. вывести свои войска с далекой российской окраины, признало за Японией право продолжать интервенцию. В меморандуме государственного департамента японскому посольству в Вашингтоне, составленному 30 января 1920 г., говорилось, что «американское правительство не будет иметь никаких возражений, если у Японии возникнет решение продолжать одностороннее размещение своих войск в Сибири, или послать подкрепление в случае необходимости, или продолжать оказывать помощь в операциях Транссибирской или Китайской восточной железнодорожных магистралей»².

К 1 апреля 1920 г. с Дальнего Востока были эвакуированы чехословацкие, американские, английские и другие войска интервентов. Но японцы остались.

Чтобы избежать войны с Японией, Советское правительство пошло на образование в апреле 1920 г. буферного государства — Дальневосточной Республики (ДВР) с территорией от Байкала до Тихого океана. Была создана Народно-революционная армия (НРА) ДВР.

Япония вынуждена была признать ДВР и вывести свои войска из Забайкалья и Хабаровского района. Однако она постоянно вмешивалась во внутренние дела де-

¹ Ленин В. И. Военная переписка (1917—1920). М., 1954, с. 260.

² F. R. 1920, Russia, vol. 3, p. 501.

мократической республики, вынашивая планы создания там буржуазного правительства, которое бы послушно выполняло ее волю. И такое «правительство», правда только в Приморье, во главе с фабрикантами братьями Меркуловыми было создано. «Переворот 26 мая,— сообщал Приморский областной ревком о захвате меркуловцами власти,— произошел при полном участии японцев». В Приморье установился режим буржуазной диктатуры и военного террора. Коммунистов, беспартийных рабочих и других активистов арестовывали и расстреливали. Проводились карательные экспедиции против партизан. Наряду с переворотом во Владивостоке японские милитаристы организовали нападение барона Унгерна, засевшего в Монголии, на ДВР и Советскую Россию.

В конце 1921 г. белогвардейцы развернули наступление против войск Народно-революционной армии и 22 декабря захватили Хабаровск. Враг жестоко расправлялся с пленными, а также арестованными коммунистами и комсомольцами из числа гражданских лиц.

В феврале 1922 г. части Народно-революционной армии, которой в то время командовал В. К. Блюхер, разгромили белогвардейцев под Волочаевкой.

Во второй половине 1922 г. положение Японии осложнилось. Усиливалась народная борьба против интервентов и белогвардейцев на Дальнем Востоке, обострялись противоречия с США. В связи с этим японские милитаристы отозвали свои войска с Дальнего Востока. Отходя к Владивостоку, оккупанты передали оборонительные позиции белогвардейским частям. Одной из таких позиций являлся Спасский укрепленный район. В начале октября 1922 г. разгорелись жестокие бои за Спасск. Поражение белогвардейцев у города, взятого штурмом, предрешило их дальнейшую судьбу. 25 октября части Народно-революционной армии вступили во Владивосток.

Так закончилась гражданская война и военная интервенция в России, потерпела крах политика государственного терроризма и экспорта контрреволюции, проводившаяся правящими кругами империалистических государств. Первое в мире государство рабочих и крестьян выстояло и победило в неравной борьбе.

Глава III

ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЛОКАДА

1. ЖЕЛЕЗНОЕ КОЛЬЦО

Одним из направлений вмешательства империалистической реакции во внутренние дела Советского государства была военно-экономическая блокада РСФСР, организованная правящими кругами стран Запада в 1918—1920 гг. Как и открытая вооруженная интервенция, блокада представляла собой вопиющее нарушение всех принципов и норм международного права, которые выработала практика взаимоотношений между государствами. И к военно-экономической блокаде полностью применимо высказывание В. И. Ленина, который указывал, что империалистические правительства «вели войну против России самыми зверскими средствами, без малейшей тени законности»¹.

Блокада по своей сути была террористическим методом, дополнявшим вооруженную интервенцию. Она сочетала в себе средства военного и экономического давления на Советскую Республику и была призвана не только содействовать решению «русского вопроса» вооруженным путем, но и представляла собой попытку ослабить, подорвать хозяйственную базу молодого пролетарского государства, а стало быть, и ускорить его разгром. Предельно ясно смысл военно-экономической блокады как составной части вооруженной интервенции охарактеризован в официальной публикации Общества содействия жертвам интервенции. «Разрыв официальных сношений и блокада,— говорилось в ней,— вырвали Советскую республику из десятилетиями сложившегося хозяйственного и культурного общения с другими странами. Вместе с тем «союзники» не удовлетволялись изоляцией России, не предо-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 345.

ставили ей «вариться в собственном соку», а предприняли против нее активно-враждебные акты, посылая против нее свои войска и корабли, вооружая и финансируя русскую контрреволюцию, отторгая от Советской республики лучшие части ее территории, источники хлеба, сырья и топлива»¹. Из такой оценки военно-экономической блокады Советского государства со всей определенностью вытекает, что это была классово враждебная, агрессивная по своей сути и террористическая по средствам политика иностранного капитала, направленная, как и открытая интервенция, на уничтожение первого в мире социалистического государства. Военно-экономическая блокада не только полностью соответствовала по своему характеру проводившейся одновременно вооруженной интервенции и дополняла ее, но и была явной попыткой покончить с социально-экономическими завоеваниями Советской власти методами наиболее прямого и грубого насилия.

Политика блокады не только противоречила нормам международного права, но и демонстрировала разбойничье пренебрежение ими.

Так, морская блокада, которая ревностно проводилась кораблями держав Антанты, по сути дела, представляла собой не что иное, как морское пиратство, противоречившее всем международно-правовым актам того времени. Согласно русской Декларации вооруженного нейтралитета 1780 г., Парижской морской декларации 1856 г. и Лондонской морской декларации 1909 г., объявлять и осуществлять морскую блокаду имели право только участники официально объявленной войны, тогда как вооруженная интервенция против Советской России не была таковой. Кроме того, как отмечает советский юрист А. С. Бахов, «для того, чтобы быть законной (в случае официально объявленной войны.— *Авт.*), эта блокада должна была являться действительной, то есть все время поддерживаться видимой всем проходящим судам военной силой, в противном случае блокада признавалась фиктивной, или «кабинетной», не порождающей права для объявивших ее государств останавливать суда нейтралов. Перехват же нейтральных судов при фиктивной блокаде считался незаконным и рассматривался в международном праве как пиратство»². Морская блокада,

---

¹ К десятилетию интервенции, Сборник статей. М.—Л., 1929, с. 232—233.

² Бахов А. С. На заре советской дипломатии. Органы советской дипломатии в 1917—1922 гг. М., 1966, с. 52.

которую проводили военные корабли держав Антанты против торговых судов Советского государства и судов нейтральных стран, была незаконной вдвойне: так как вводилась без официального объявления войны и в отношении нейтралов имела отчетливо выраженный фиктивный, или «кабинетный», характер. С учетом этих обстоятельств военно-экономическая блокада в целом представляла собой сознательное нарушение международного права и может быть вне всякого сомнения оценена как проявление терроризма в международных отношениях, как акт беззакония и грубого произвола.

Кроме военных и экономических целей империалистические круги Запада связывали с установлением блокады и задачу психологического, идеологического давления и воздействия на развитие политических событий внутри Советского государства. Буржуазная пропаганда капиталистических стран и пропагандистский аппарат интервентов на оккупированных иностранными войсками или захваченных белогвардейцами территориях России приложили немало усилий для обработки населения с помощью спекулятивной и лживой «теории контраста». Смысл ее состоял в том, чтобы при самой последовательной экономической блокаде территории, контролируемой Советской властью, одновременно оказывать небольшую, но зато широко рекламируемую экономическую помощь районам, занятым силами контрреволюции, подкармливать некоторые слои населения этих областей. Разумеется, это не мешало вместе с тем в качестве «компенсации» без особой рекламы вывозить за бесценку сырьевые богатства оккупированных районов России. Сжатая формулировка «теории контраста» дана в телеграмме премьер-министра Франции Ж. Клемансо от 21 декабря 1918 г.: «План действий союзников состоит в том, чтобы осуществить одновременно экономическое окружение большевиков и организацию порядка русскими элементами»¹. Эта «теория» довольно последовательно проводилась в жизнь с целью идеологического обеспечения политики блокады и прикрытия ее варварского характера.

Используя прекращение вследствие жесточайшей блокады поступления из-за границы в Россию продовольствия и товаров широкого потребления, интервенты широко прибегали к посулам и демагогии, чтобы возбудить

---

¹ Fischer L. The Soviet in World Affairs. A History of the Relations between the Soviet Union and the Rest of the World. 1917—1930. Princeton, 1951, vol. 1, p. 152.

антисоветские настроения среди населения и ослабить социальную базу Советской власти. Образчиком этой пропагандистской тактики может служить декларация главнокомандующего союзными силами на юге России генерала Бертелло, обнародованная в Севастополе весной 1919 г. «Мы, ваши союзники...— говорилось в ней,— решили, что наши войска высадятся в Южной России, чтобы дать возможность благонамеренным жителям восстановить порядок. Окажите добрый прием союзникам. Они приходят к вам как друзья. Все державы Согласия идут вам навстречу, чтобы снабдить вас всем, в чем вы нуждаетесь, и чтобы дать вам наконец возможность свободно и не под угрозой злоумышленников решить, какую форму правления вы желаете иметь»¹.

Одновременно находившаяся под контролем интервентов крымская печать подняла пропагандистскую шумиху о прибытии больших транспортов мануфактуры и других товаров для нужд населения, вызванном этим снижением цен, изображая союзников в качестве истинных и бескорыстных «спасителей» России. Таким образом, военно-экономическая блокада Советской России, помимо всего прочего, использовалась и как фактор грубого политического давления реакционных кругов международного империализма на развитие событий в России, что также являлось незаконным вмешательством в дела суверенного государства или, иначе говоря, применением методов психологического терроризма, психологической войны против Советского государства.

Изучение документов и фактов, отражающих формирование и развитие политики военно-экономической блокады империалистических кругов по отношению к Советской России, позволяет утверждать следующее. Во-первых, она вводилась явочным порядком, по существу, как военная мера, ее организаторы поначалу вообще даже не слишком и стремились придать ей хотя бы какую-то видимость законности. Попытки обосновать ее правомерность и облечь в форму международно-договорного акта были предприняты лишь спустя год после того, как эта варварская и незаконная политика вступила в силу. И вызывались эти попытки не тем, что действительно появились юридические или моральные основания для провозглашения политики блокады, а тем, что эта политика оказалась несостоятельной и в правовом, и в политиче-

---

¹ К десятилетию интервенции, с. 163.

ском, и в нравственных отношениях. Чтобы ее продолжать, нужно было связать по рукам и ногам международно-правовым актом ее вольных или невольных участников и тем более те страны, где наиболее остро ощущалось недовольство блокадой Советской России.

Во-вторых, ответственность за организацию незаконной, неспровоцированной и аморальной политики военно-экономической блокады Советского государства, как будет показано, несут правящие круги всех крупнейших империалистических держав, независимо от того, действовали ли они прямолинейно и открыто, как это делали правительства Англии и Франции, или же проявляли закулисную активность и фарисейство, что было свойственно американской администрации В. Вильсона.

Как же складывалась политика военно-экономической блокады, каковы были ее наиболее характерные черты и масштабы?

Первые признаки начинавшейся экономической блокады появляются вскоре после победы Октябрьской революции в России. Но это были пока еще ограниченные действия, сводившиеся главным образом к прекращению торговых отношений только с державами Антанты, к установлению эмбарго в этих государствах почти на все виды поставок товаров и продовольствия в Советскую Россию. Кроме того, эти меры представляли собой скорее первую стихийную реакцию империализма на победу Октябрьской революции, чем осознанную и более или менее определенно сформулированную тактику. Выдвижение политики военно-экономической блокады как средства борьбы с Советской властью наряду с прямой интервенцией и поддержкой контрреволюционных сил относится к осени 1918 г., когда выявились ограниченные возможности союзных империалистических держав организовать военное вторжение в Россию крупными силами собственных войск. Наиболее отчетливо идея военно-экономической блокады была сформулирована правящими кругами Франции. Уже 27 октября 1918 г. премьер-министр Клемансо в письме генералу Франше д'Эсперэ, главнокомандующему французскими силами в Юго-Восточной Европе, предписывает разработать план, чтобы не только «продолжать в России борьбу против центральных держав, но и осуществить экономическую блокаду большевизма и вызвать его крах»¹.

¹ Documents Réunis: La Guerre entre les Alliés et la Russie 1918—1920, ed. Moulls E. and Bergounier E. Paris, 1937, p. 160—161.

Тактика военно-экономической блокады полностью поддерживалась и другими главными партнерами Франции по интервенции. По мнению правящих кругов Англии, Франции, США, хозяйственная разруха, непомерные тяготы и лишения населения, голод и нехватка товаров первой необходимости должны были способствовать поражению Советской власти и упрочению сил контрреволюции.

Военно-экономическая блокада Советской России с самого начала приобрела комбинированный характер. Еще в июле 1918 г. в период начавшейся интервенции В. И. Ленин отметил в действиях империалистов черты, присущие традиционной колониальной политике Англии. Они состояли в том, чтобы «стараться главным образом отрезывать источники снабжения от страны, на которую они нападали, и предпочитать метод удушения, под предлогом помощи, методу прямого, непосредственного, крутого, резкого военного насилия»¹. И действительно, в ходе интервенции и выступления белогвардейских сил от Советской России были отторгнуты важнейшие сырьевые, продовольственные и промышленные области: Украина, Урал, Средняя Азия, Кавказ, Сибирь и т. д. Это позволило интервентам приостановить поступление сырья, топлива и продовольствия в центральные районы России, усугубляя таким образом тяжелое экономическое положение на территории, контролируемой Советским правительством.

Уже к январю 1919 г. в результате последовательного отторжения важнейших экономических районов сократилось производство на территории РСФСР (по отношению к довоенному времени): пшеницы — до 45%, ячменя — до 37, сахара — до 8, добыча угля — до 10, выплавка чугуна — до 23% и т. д. Характерно, что в 1919 г. из-за захвата основных угольных бассейнов и нефтепромыслов силами контрреволюции удельный вес дров в топливном балансе Советской России возрос до 88% по отношению к углю и нефти (против 14% в 1916 г.)². Таким образом, чисто военными мерами, проводимыми силами внутренней контрреволюции и войсками интервентов, создавалось и постепенно сужалось внутреннее кольцо экономической блокады Советского государства.

Внешнее кольцо блокады обеспечивалось перекрыти-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 3.

² См.: Иоффе Я. Организация интервенции и блокады Советской республики. 1918—1920. Очерк, М.—Л., 1930, с. 85—86.

ем путей получения каких-либо товаров извне или, как говорил В. И. Ленин, стремлением «порвать экономическую связь между республикой и всем миром»¹.

Для осуществления своих планов «экономического окружения» союзные правительства применяли два основных метода: 1) политическое давление на нейтральные государства, заинтересованные в торговле с Советской Россией, в целях полного прекращения хозяйственного общения с нею и 2) проведение строжайшей морской блокады.

2. НА МОРЕ И НА СУШЕ

Летом и особенно осенью 1918 г. стал довольно успешно развиваться товарообмен между РСФСР и некоторыми скандинавскими странами. Это обстоятельство вызвало резкое недовольство правящих кругов Антанты. Они стали оказывать все возрастающее дипломатическое воздействие на правительства нейтральных государств, требуя полного разрыва политических и экономических связей с «большевиками». Примечательно донесение посланника США в Норвегии государственному секретарю от 13 ноября 1918 г., показывающее, насколько грубо и бесцеремонно вмешивались союзники в дела нейтральных государств. В этом донесении представитель США информировал госдепартамент о рекомендациях английского посланника в Норвегии своему правительству. Смысл их состоял в следующем.

Необходимо предложить от имени союзных правительств нейтральным правительствам порвать отношения с РСФСР в целях прекращения «большевистской пропаганды», употребляя для этого в числе других мер и нажим на банки, чтобы «прервать финансовые сделки большевиков». Далее советовалось запросить правительства скандинавских государств, «будут ли они в дальнейшем кооперироваться в борьбе против большевиков или останутся нейтральными, и в последнем случае пригрозить установлением блокады... и исключением их из состава участников предстоящей мирной конференции, куда их намеревались пригласить»².

По-видимому, союзные представители в нейтральных государствах получили нужные инструкции, так как

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 163.

² F. R. 1918, Russia, vol. 1, p. 726—727.

25 ноября 1918 г. британский посланник вручил министру иностранных дел Норвегии меморандум, согласованный с другими представителями Антанты, в котором предлагалось «в интересах всех стран мира» принять меры против «распространения пропаганды». При этом норвежскому правительству давалось понять, что в противном случае будет прекращена продовольственная помощь Норвегии¹. Каких-либо фактов, свидетельствующих о такой мифической «пропаганде» большевиков, не приводилось. Зато вполне реальными были санкции, которыми империалистические круги Антанты угрожали правительствам нейтральных стран: политический и дипломатический остракизм, блокада, лишение продовольственной помощи. Следовательно, организация военно-экономической блокады была методом международного терроризма не только в отношении Советской России, но и в отношении тех государств, которых силой заставляли подчиниться этой варварской политике.

Поскольку наиболее развитыми были отношения между Советским государством и Швецией, союзники предприняли специальный демарш и в отношении правительства этой страны.

5 декабря американский представитель в Стокгольме Моррис в беседе с министром иностранных дел выразил недовольство в связи с наличием «большевистской пропаганды» в Швеции. В ответ министр иностранных дел поспешил заверить Морриса, что Швеция уже предприняла необходимые меры. Он сообщал о постепенном отзывании из Советской России всех шведских представителей и выразил надежду на то, что в самом ближайшем будущем удастся «избавиться от Воровского и его помощников». В донесении об этой беседе американский посланник сообщил также, что аналогичные меры против большевизма следует ожидать и от Дании².

Вскоре последовало соглашение между представителями Швеции, Норвегии и Дании о разрыве отношений с Советской Россией и высылке всех ее дипломатических и торговых работников из скандинавских стран. Этот шаг правительства нейтральных стран были вынуждены сделать под сильнейшим дипломатическим нажимом правящих кругов стран Антанты, под угрозой экономических и политических санкций с их стороны. Первостепенную

---

¹ F. R. 1918, Russia, vol. 1, p. 728.

² Ibid., p. 730.

роль в организации разрыва отношений между Швецией и РСФСР играли США. М. М. Литвинов, оценивая впоследствии эту роль американской дипломатии, писал: «С абсолютной точностью исторически установлено, что разрыв сношений с советскими республиками со стороны Швеции был предпринят во исполнение общего плана тогдашних союзников и, в частности, определенного предложения американского правительства»¹. Как развивались дальнейшие события, хорошо показано в докладе полпреда РСФСР в Швеции В. В. Воровского В. И. Ленину от 24 мая 1919 г. «О разрыве дипломатических отношений между скандинавскими странами и Россией».

Советская миссия, учитывая заинтересованность торгово-промышленных кругов Швеции в коммерческих сношениях с Советской Россией, пыталась предотвратить разрыв, воздействуя «на экспортеров и импортеров, у которых, в связи с оживившимся прошлой осенью товарообменом, особенно разгорелись аппетиты». «Однако,— как отмечает далее Воровский,— интересы государств Согласия... оказались могущественнее, чем интересы шведских промышленников и шведских рабочих, среди которых уже началась безработица»².

Аналогичные меры были предприняты в Дании. 27 декабря 1918 г. представителя РСФСР в Копенгагене Я. З. Сурица уведомили, что датское правительство решило порвать фактические связи с Советской Россией³. После получения гарантий о безопасном проезде советских представителей через Финляндию 21 января 1919 г. шведский министр иностранных дел потребовал отъезда советской миссии «без дальнейших проволок»⁴. 30 января В. В. Воровский, М. М. Литвинов, Я. З. Суриц и весь состав дипломатических и торговых работников миссий в Стокгольме и Копенгагене покинули Швецию. Еще раньше, 10 декабря 1918 г., из Советской России выехал последний шведский торговый агент⁵. Таким образом, были прерваны политические, а вслед за тем и только что начавшиеся устанавливаться экономические связи со скандинавскими государствами.

Поскольку сухопутные границы РСФСР в этот период определялись линиями фронтов с интервентами и бело-

---

¹ Известия, 1924, 22 января.

² ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, д. 105, л. 1—2.

³ Там же, л. 16.

⁴ Там же, л. 34.

⁵ См.: Экономическая жизнь, 1918, 12 декабря.

гвардейцами, их использование для внешнего товарообмена было почти исключено. Главной задачей держав Антанты потому стало осуществление блокады морского побережья, которая окончательно отрезала бы Советскую Россию от заграничных рынков.

Еще до высадки интервентов в Мурманске и Архангельске союзные правительства установили морскую блокаду северного побережья РСФСР. Как отмечал в своем рапорте от 10 июня 1919 г. командующий флотилией Северного Ледовитого океана английский контр-адмирал Викорст, «после заключения Брестского мира, когда Россия формально вышла из числа воюющих с центральными державами, английское правительство объявило о реквизиции всех русских судов, находящихся вне русских вод... и, таким образом, все русские суда дальнего плавания... оказались реквизированными»¹. С этого времени ни о какой внешней торговле через северные порты России не могло быть и речи.

Следующим и самым важным этапом в организации морской блокады было перекрытие путей товарообмена через Финский залив и Балтийское море. Учитывая, что в распоряжении Советской России на всем протяжении гражданской войны и интервенции оставался крупнейший в стране Петроградский морской порт, военно-морские силы союзников постарались всеми мерами захлопнуть это единственное оставшееся «окно в Европу», не допуская его использования для снабжения блокированной республики извне.

Уже 11 ноября 1918 г. английский Форин оффис (министерство иностранных дел) запросил Адмиралтейство о его готовности послать военные корабли на Балтику². Учитывая опасность морской блокады Балтийского побережья РСФСР, Г. В. Чичерин сообщал 16 ноября 1918 г., что «вполне допустим случай появления в Балтике флота держав Согласия и что в случае отправки русских пароходов в иностранные порты они могут быть захвачены»³. И действительно, спустя три дня, 20 ноября 1918 г., военный кабинет Ллойд Джорджа признал необходимым продемонстрировать силы британского флота в Балтийском море, чтобы способствовать усилению борьбы «насе-

---

¹ Центральный государственный архив Военно-Морского Флота СССР (далее: ЦГАВМФ), ф. Р-1, оп. 3, д. 2529, л. 25.

² *Bennet G. Cowan's War. The Story of British naval operations in the Baltic, 1918—1920.* London, 1964, p. 29, 31.

³ ЦГАВМФ, ф. Р-342, оп. 1, д. 643, л. 7.

ления этой части мира против большевизма и содействовать там интересам Великобритании». Адмиралтейству было предложено послать эскадру легких крейсеров, сопровождаемых девятью эсминцами, в направлении Зунда с последующим курсом на Ревель¹.

В начале декабря английские корабли появились на рейдах Ревеля и Либавы. В течение 1919 г. военно-морские силы Англии, Франции и США, дислоцировавшиеся в Ревеле, Риге, Гельсингфорсе и Выборге, блокировали Финский залив и Балтийское море². Главную роль, несомненно, играл в этом районе британский флот, насчитывавший 238 военных и вспомогательных судов, в числе которых были 23 крейсера, 85 эсминцев, один авианосец (с 55 самолетами), 20 подводных лодок, 2 минных заградителя, 18 минных тральщиков и т. д.³ Военно-морские силы Франции, действовавшие в тесном взаимодействии с английской эскадрой, насчитывали 26 боевых кораблей, США — 14, Италии — 2⁴.

После неудачной попытки в декабре 1918 г. отряда кораблей Балтфлота атаковать базу противника в Ревеле⁵ военно-морские силы союзников полностью господствовали на Балтике и в Финском заливе. Одной из их главных задач было прекращение внешней торговли РСФСР через Петроградский порт. Капитан Беннет, автор книги о действиях британского флота на Балтике, утверждает, что непрерывное патрулирование военно-морских судов Англии в Финском заливе, установка мин вблизи кронштадтского рейда и в добавление к ним военные операции против частей Красной армии и Красного флота обеспечили успех политике блокады⁶. Другой западный автор, американский профессор Кэррол, также считает, что «эффективность блокады, хотя Франция и была ее ревностным инициатором, в конечном счете зависела от британского флота...»⁷.

---

¹ *Bennet G. Cowan's War. The Story of British naval operations in the Baltic, 1918—1920, p. 32.*

² ЦГАВМФ, ф. Р-342, оп. 1, д. 643, л. 6—7, 11; ф. Р-1, оп. 3, д. 117, л. 6—7 (данные Морского генштаба РСФСР).

³ *Bennet G. Cowan's War. The Story of British naval operations in the Baltic, 1918—1920, p. 227.*

⁴ *Ibidem.*

⁵ ЦГАВМФ, ф. Р-1, оп. 3, д. 424, л. 4—5.

⁶ *Bennet G. Cowan's War. The Story of British naval operations in the Baltic, 1918—1920, p. 159, 210.*

⁷ *Carrol E. M. Soviet Communism and Western Opinion 1919—1921. Univ. of North Carolina Press, Chapel Hill, 1965, p. 21.*

Петроградский порт находился под особо бдительным надзором английского флота. В официальном заявлении МИД Финляндии, сделанном в ответ на протест шведского правительства в связи с захватом шведских судов, направлявшихся в Россию, откровенно признавалось, что «английские военно-морские силы заминировали устье петербургской гавани и английский военно-морской отряд расположен в этой части залива, чтобы препятствовать мореходству в упомянутый город...»¹.

Захватом ряда портов и организацией жестокой морской блокады в Черном море сопровождалось действия интервентов и на юге России.

В 1919 г. и частично в 1920 г. в портах Грузии и Крыма постоянно находились 2 крейсера и 4—5 миноносцев английского флота, 2—3 американских миноносца, 6—7 французских и 2—3 итальянских военных судна². Чехословацкий представитель по эвакуации подданных республики на родину сообщал в свой МИД в мае 1920 г. из Тифлиса: «15 апреля я прибыл в Тифлис. Ситуация такова: Батум занят английскими войсками. В порту два английских дредноута и несколько миноносцев, миноносцы французские, итальянские»³.

Весной 1919 г. в Севастополе и частично в Одессе базировались самые значительные за время блокады военно-морские силы англо-французской эскадры: 3 дредноута, 8 крейсеров, 12 миноносцев и большое количество транспортных и вспомогательных судов. Берега Черного моря были блокированы, и союзная эскадра не пропускала ни одного судна, шедшего не под флагом государств Антанты. Установление блокады сопровождалось захватом русских торговых судов. При этом и английские, и французские интервенты действовали по одному пиратскому сценарию. Высадившись в крымских портах, английские войска попросту захватили все русские коммерческие суда, распустили их экипажи и подняли на реях британские флаги. Согласно сообщению поверенного колчаковского правительства из Константинополя в Омск, точно так же поступали и французские оккупационные войска, которые захватывали суда русского торгового и военно-морского флота. Отказ возвратить эти суда фран-

¹ Известия, 1919, 24 октября.

² ЦГАВМФ, ф. Р-342, оп. 1, д. 267, л. 2; ф. Р-1, оп. 3, л. 1058, л. 13.

³ Archiv Federálního Ministerstva Zahraničních Věcí (далее: AFMZV). Praha, Politické zprávy. Tiflis, 1920, N 9.

цузский адмирал Дексель мотивировал так: «Суда эти взяты во время военных действий; суда были негодны, и французы потратили деньги на починку; суда продолжают обслуживать русские интересы; некоторые из них взяты под немецким флагом»¹.

Морская блокада на Черном море, осуществлявшаяся военными кораблями США, Англии и Франции, фактически перекрыла все пути доступа продовольствия в порты Крыма и Кавказа и на длительное время привела к ликвидации прибрежных перевозок для снабжения населения. Как отмечалось в докладе о силах союзников на Черном море в 1919—1920 гг., составленном Морским генштабом РСФСР, «английский флот блокировал берега Анатолии (Восточная Турция.— *Авт.*) и имел задачу препятствовать сообщению Анатолии с советскими портами. С этой целью все встреченные в блокируемой зоне суда или осматривались, или проверялись самым тщательным образом. Изредка английские суда уходили также и к советским берегам с той же целью. Французские суда имели задачу всеми мерами препятствовать какому бы то ни было морскому сообщению между советскими портами, и эту задачу исполняли с немалым рвением: даже самые ничтожные парусные суда ими задерживались. Были случаи обстрела мелких парусников, пытавшихся подвести хлеб и продовольствие голодающей Одессе»².

Английская интервенция в Закаспии, продиктованная заинтересованностью британского империализма в получении доступа к среднеазиатским хлопку и нефти и в особенности к нефтепромыслам Азербайджана, также сопровождалась перекрытием водных коммуникаций советских республик на Каспийском море. Англичане, по признанию самих участников вооруженной интервенции в этом районе, стремились к установлению «господства над Каспийским морем». Их колониалистские планы имели конечной целью превращение Каспийского моря, открывавшего по Волге путь в Центральную Россию, во «внутреннее английское море». Эти планы в конечном счете потерпели полный провал, но в течение лета 1918 г.— весны 1919 г. интервенты с помощью эсеровского «закаспийского правительства» разместили свои гарнизоны в главных портах Каспия — Баку и Красноводске, получили в поль-

---

¹ К десятилетию интервенции, с. 105.

² ЦГАВМФ, ф. Р-1, оп. 3, д. 1058, л. 14.

зование все суда каспийского торгового флота. Установление в Закаспии власти контрреволюционных сил фактически привело к военно-экономической блокаде Туркестана. Был прерван не только его традиционный товарообмен с центральными районами России, но и блокированы все торговые операции с пограничными государствами.

Присутствие английских войск в Персии оказалось препятствием и для установления торговых отношений с этой страной других районов Средней Азии, контролируемых Советской властью. Об этом свидетельствует история торгово-дипломатической миссии Е. А. Бабушкина.

Осенью 1918 г. Совет Народных Комиссаров Туркестанской республики в Ташкенте, учитывая тяжелое продовольственное положение края, принял решение о возобновлении регулярной торговли с Персией (Ираном) и с этой целью организовал поездку туда миссии во главе с председателем Кокандского Совета депутатов Е. А. Бабушкиным. В состав миссии был включен и коммерческий агент М. Калашников. До мировой войны значительная часть продовольствия (рис, хлеб, мясной скот, сушеные фрукты) поступала в Туркестан из Персии. С началом интервенции в Закаспии и переходом власти в руки эсеровского закаспийского «правительства» подвоз продовольствия почти полностью прекратился. Английские войска, оккупировавшие северный Иран (ими командовал генерал У. Маллесон), не допускали вывоза отсюда каких-либо продуктов. Члены миссии Е. А. Бабушкина, сумевшие с большим трудом добраться до Мешхеда, в октябре 1918 г. были арестованы английскими военными властями. Они подверглись издевательствам, пыткам и длительному тюремному заключению. Правительство РСФСР направило ноту Англии с требованием возвращения советских дипломатических и торговых работников на родину и с предложением обмена их на британских подданных, задержанных за нелегальную контрреволюционную деятельность в Советской России. Но лишь после высылки миссии в Индию в 1919 г. и двухлетнего пребывания в английских тюрьмах и концлагерях ее члены в ноябре 1920 г. смогли вернуться домой¹.

Стремясь прорвать блокаду, советские организации учитывали заинтересованность деловых кругов ряда го-

---

¹ Подробнее об этом см.: Попов М. В, Миссия Е. А. Бабушкина в Иране. М., 1974, с. 30—99.

сударств в торговле с РСФСР. В частности, особый интерес к коммерческим связям проявляли шведские торговцы и промышленники. Они продолжали заключать сделки с советскими организациями, рассчитывая, что рано или поздно нормальные торговые отношения будут налажены. Однако такие сделки в силу сложившихся обстоятельств нередко сопровождались оговорками, что «в случае политических осложнений, препятствующих выполнению договора, действие его приостанавливается впредь до устранения возникших препятствий»¹.

Весной 1919 г. был предпринят прорыв морской блокады, осуществленный торговым судном «Эскильстуна-III». Этот шведский пароход, вышедший из Стокгольма с грузом пил, топоров и кос еще 21 января, зимовал из-за ледостава в Финляндии. В конце апреля он взял курс на Петроград и, благополучно миновав английские и финские сторожевые суда, 11 мая прибыл в Кронштадт. 27 мая 1919 г. владельцу парохода коллегией Народного комиссариата торговли и промышленности РСФСР была выдана доверенность, гарантирующая полную сохранность всех товаров, которые будут в дальнейшем привозиться «Эскильстуной-III», «если шведским судам удастся пробраться через блокаду», и содержащая обязательства закупать эти товары. 31 мая судно вышло в обратный путь с грузом льна для фирмы «Альмгрен и Ларсен» и благополучно достигло Швеции. В августе 1919 г. «Эскильстуна-III» снова прорвалась в Петроград, но на обратном пути была задержана английским сторожевым судном, а груз конфискован².

В своих попытках прорыва военно-экономической блокады и выхода из состояния хозяйственной изоляции Советское государство в течение всего периода интервенции и гражданской войны выступало с предложениями мирного экономического сотрудничества, возобновления торговых отношений и т. п., воздействуя на те элементы империалистических держав, которые сознавали пагубность и тщетность военных авантюр. Эти шаги способствовали усилению колебаний в стане руководителей Антанты и особое воздействие оказывали на правительства нейтральных стран, которые все больше осознавали необхо-

---

¹ Известия, 1919, 25 апреля; Центральный государственный архив народного хозяйства (далее: ЦГАНХ), ф. 3984, оп. 1, д. 370, л. 43.

² Подробнее об этом см.: Сонкин М. Е. Окно во внешний мир, М., 1964, с. 107—109.

димось прекращения торгового бойкота РСФСР, возобновления экономических отношений, заключения договоров с нею. Летом 1919 г. значительные группы шведских промышленников дважды ставили перед своим правительством вопрос о необходимости добиться от союзников разрешения на торговлю с Советским государством через Петроградский порт¹. Под давлением буржуазии правительство обратилось с соответствующим запросом к правительствам союзных держав².

Настойчивые попытки торгово-промышленных кругов ряда Скандинавских стран, и прежде всего Швеции, добиться возобновления коммерческих отношений с Советской Россией вызвали беспокойство руководителей великих держав за судьбу военно-экономической блокады. Их озабоченность усугублялась также тем обстоятельством, что с заключением в июне 1919 г. Версальского мирного договора официально прекращалась блокада по отношению к Германии. Это лишало всякого смысла любые чрезвычайные меры военного или полувойснного характера, применявшиеся союзниками в области международной торговли. К тому же ни одна из великих держав, как отмечалось, не делала официального заявления об объявлении войны Советской России. В таких условиях экономическая блокада РСФСР не могла обосновываться даже ссылкой на военно-политическую обстановку в Европе и задачу обеспечения приемлемого мира с Германией. В новой ситуации нейтральные государства, вынужденные подчиниться политике Антанты, но не связанные какими-либо формальными обязательствами в отношении участия в блокаде, получили возможность отказаться от навязанного им курса. Поэтому руководители великих держав предприняли шаги, направленные на преодоление скрытого сопротивления политике экономической блокады со стороны нейтральных государств и попытались подыскать «законную» форму, которая позволила бы связать обязательством активного участия в блокаде их правительства.

3. БЛОКАДНАЯ ДИПЛОМАТИЯ

Впервые проблема экономической блокады Советской России в новых международных условиях обсуждалась на заседании глав делегаций пяти великих держав в Па-

¹ См.: Экономическая жизнь, 1919, 19 июня, 23 июля.

² F. R. 1919, Russia, p. 157.

риже 15 июля 1919 г. Предложения сводились к следующему: после заключения мира с Германией следует отказаться от любых позитивных шагов или публичных заявлений, направленных на возобновление торговли с большевистской Россией; необходимо предложить меры, которые предотвратили бы возможность поступления товаров морским путем из Германии в Россию, а также оказать воздействие на нейтральные государства, побудив их присоединиться к политике экономической блокады, которая исключала бы любые торговые сношения с Советской Россией через Петроградский порт. Через несколько дней представитель США Уайт, ссылаясь на ответ президента, сообщил, что американское правительство не может присоединиться к предполагаемой ноте нейтралам, поскольку оно не находится в состоянии войны с Россией¹. Это заявление отнюдь не означало, однако, что США являлись противниками блокады. Весь смысл рекомендаций Вильсона, полученных Уайтом, сводился к тому, что открытое провозглашение блокады вступило бы в явное противоречие с нормами международного права. Вместе с тем он совсем не возражал против фактического осуществления экономической блокады силами Англии, Франции и других держав². В ответ на это Вильсону было послано письмо, подписанное Бальфуром от имени четырех великих держав: Англии, Франции, Италии и Японии. Обосновывая позицию союзных правительств по вопросу о блокаде, Бальфур указывал, что язык международного права действителен лишь в отношениях между цивилизованными странами, но говорить на этом языке с «неорганизованным хаосом» не имеет смысла³. Ответное послание президента, обсуждавшееся 8 августа, показало, что по существу вопроса разногласий между сторонами нет. Вильсон подчеркнул, что он с величайшим пониманием относится к доводам в пользу применения военных мер для предотвращения ввоза товаров в РСФСР. Далее он весьма решительно осудил любые возможные попытки нейтральных государств вести торговлю с Советской Россией, заявив, что не представляет себе, как правительства этих государств могут быть индифферентны к интересам всего цивилизованного мира. При этом Вильсон всецело одобрил идею обращения к нейтральным государствам с требованием пред-

---

¹ DBFP. First Series, vol. 1, p. 188.

² Ibid., p. 188—189, 194.

³ Ibid., p. 202—203.

принять немедленные шаги к предотвращению коммерческих сношений с Советской Россией. Единственное, что заставляло американского президента не спешить с официальным присоединением США к политике экономической блокады, было фарисейское стремление «соблюсти невинность» перед лицом общественного мнения. Именно поэтому Вильсон высказывал опасение, что конгресс не санкционирует такого военного акта, как блокада, объявленного по отношению к стране, с которой США не находятся в состоянии войны¹. Государственный секретарь Лансинг к этому добавил, что правительство США не разрешит торговым судам Америки отправиться в балтийские порты РСФСР и что эти меры будут преследовать те же цели, что и блокада².

Анализ фактов, касающихся политики администрации Вильсона в отношении военно-экономической блокады Советской России, показывает, что никаких колебаний по поводу практического применения этих драконовских террористических мер против суверенного государства она не испытывала. Официальные заявления госдепартамента на протяжении всего 1919 г. и его действия не оставляют никаких сомнений на этот счет. 17 апреля государственный секретарь США Р. Лансинг, находившийся в Париже на заседаниях мирной конференции, предписывает Филиппсу, исполнявшему обязанности госсекретаря в это время, отказаться от каких-либо отношений с советским представителем Л. К. Мартенсом, который был уполномочен Советским правительством «вести переговоры о возобновлении в ближайшем будущем торговых отношений, взаимно выгодных для России и Америки». 26 апреля 1919 г. последовало заявление госдепартамента, которое предостерегало американских граждан от каких-либо шагов, связанных с получением концессий в Советской России на том основании, что правительство США «не признавало большевистский режим в Москве»³. 6 мая 1919 г. аналогичное предостережение было сделано в отношении любых контактов с Л. К. Мартенсом. 5 июня Филиппс запрашивает мнение Лансинга по поводу возможной депортации Мартенса или хотя бы опубликования нового заявления «о неодобрении коммерческих

---

¹ F. R. 1919, Russia, p. 155—156; DBFP, First Series, vol. 1, p. 386—387.

² F. R. 1919, Russia, p. 157.

³ Ibid., p. 144.

сделок с представителями большевиков»¹. Примерно в это же время в письме Филиппса сенатору И. Л. Ленроту было ясно дано понять, что ни одно судно, направляющееся с товарами в советские порты, не будет выпущено из США². Характеризуя позицию правящих кругов Соединенных Штатов в вопросе о блокаде и торговле с Советской Россией, Л. К. Мартенс в письме в Наркоминдел с горечью констатировал: «Официально нет ни войны, ни блокады, а неофициально война происходит, а блокада поддерживается — судов с товарами для Советской России из Америки не выпускают»³. Поэтому совершенно ясно, что империалистические круги США отличались от своих европейских союзников лишь одним: проводя и поддерживая всеми мерами политику военно-экономической и морской блокады Советского государства и неся полную меру ответственности за участие в акциях международного терроризма, они всячески стремились замуфлировать свою деятельность, ввести в заблуждение мировое общественное мнение и общественное мнение в своей стране. Последнее вызывалось тем, что в кругах республиканской парламентской оппозиции, среди довольно значительного слоя промышленников и торговцев, не говоря уже о широких кругах рабочих и прогрессивной интеллигенции, росло недовольство политикой интервенции и блокады. Эти обстоятельства как фактор, влиявший на действия администрации Вильсона, отмечались даже в донесениях представителей омского правительства Колчака за 1919 г.⁴ Однако эта особенность линии американского правительства в вопросе о блокаде касалась лишь внешней стороны, фразеологии и насколько не затрагивала существа дела. Дальнейшее рассмотрение проблемы на Парижской мирной конференции подтвердило это со всей убедительностью.

Заседание глав делегаций пяти государств 19 августа продемонстрировало уже довольно дружную работу всех представителей, обсуждавших конкретные меры по торговому бойкоту РСФСР. К следующему совещанию 23 августа был представлен проект ноты союзных и присоединившихся государств нейтралам, переданный для окончательной доработки в комиссию блокады⁵. Решающие

---

¹ F. R. 1919, Russia, p. 144—145.

² Ibid., p. 158—159, 161—162.

³ Документы внешней политики СССР, т. 2, с. 234.

⁴ См.: К десятилетию интервенции, с. 110—111.

⁵ F. R. 1919, Russia, p. 437—438, 442—443, 495, 501—502.

обсуждения текста ноты состоялись на заседаниях глав делегаций пяти великих держав 25 и 29 сентября 1919 г. Оно завершилось компромиссом между представителями США и остальными участниками дискуссии. Американский представитель Ф. Полк заявил, что его правительство всецело поддерживает меры, предлагаемые нейтралам в целях предотвращения торговли с Советской Россией. Вместе с тем он возражал против последнего пункта проекта ноты, открыто провозглашавшего допустимость агрессивных действий против судов нейтральных государств со стороны союзного морского военного флота на Балтике, которому предписывалось задерживать эти суда и менять их курс. По словам Полка, этим создавался опасный прецедент¹. Представители Франции и Англии настаивали на сохранении этого пункта, без которого, по их мнению, военно-морские силы были бы лишены действительных полномочий, необходимых для осуществления военно-морской блокады на практике². 29 сентября после непродолжительных прений было решено направить согласованную ноту правительствам нейтральных государств от имени союзных и объединившихся держав без последнего параграфа, а этот последний сообщить устно³. Таким образом, «невинность» американского правительства была соблюдена: пиратские санкции в отношении Советской России не провозглашались публично, но вступали тем не менее в силу.

В октябре 1919 г. ноту получили двенадцать нейтральных государств Европы и Америки, а также Германия. В ней ясно и недвусмысленно были сформулированы цели и методы политики экономической блокады. Союзные и объединившиеся державы, исходя из того, что торговля с Советской Россией может послужить укреплению власти большевиков, предложили нейтральным государствам «вступить в немедленное соглашение с ними о принятии мер к тому, чтобы воспрепятствовать всякой торговле их граждан с большевистской Россией и чтобы обеспечить строгое проведение этой политики». Заключительный параграф, сообщенный устно, указывал, что британские и французские суда в Финском заливе будут «по-прежнему

---

¹ F. R. 1919, Russia, p. 782—783.

² Ibidem.

³ Ibid., p. 825—826.

му изменять курс тех судов, бумаги которых выписаны на порты большевистской России»¹.

По мысли авторов ноты, благоприятные ответы на нее нейтральных правительств создали бы какое-то подобие законного основания для утверждения экономической блокады и пиратских действий союзного флота на Балтике. А сомневаться в таком ответе не приходилось, поскольку небольшие нейтральные государства вряд ли были способны противостоять нажиму политической и военной мощи великих держав. Так и произошло.

Вскоре представитель английского министерства иностранных дел сообщил основное содержание ответов нейтральных правительств, где говорилось, что меры, уже принятые нейтральными державами, находятся в полном соответствии с взглядами, высказанными Верховным советом².

Хотя методами политического и дипломатического воздействия империалистическим державам удалось добиться некоего юридического оформления участия нейтральных государств в экономическом бойкоте РСФСР, последующие события показали, что Скандинавские страны отнюдь не являются надежным звеном в цепи экономического окружения, созданного союзниками. По существу, это был первый симптом надвигавшегося краха политики военно-экономической блокады.

Другим уязвимым пунктом системы военно-экономической блокады была Германия. Версальский мирный договор вызвал глубокое недовольство политических и экономических кругов страны действиями союзных держав. Кроме того, германская промышленность, торговля и капитал были наиболее тесно связаны с довоенной Россией и проявляли заинтересованность в возобновлении коммерческих отношений с нею. Конечно, правительство Веймарской республики после поражения Германии в войне длительное время следовало в фарватере политики держав-победительниц в «русском вопросе», не решаясь на какие-либо радикальные шаги в направлении сближения с РСФСР³. Однако Советское правительство, учитывая отмеченные выше факторы, предприняло некоторые меры воздействия на деловой мир и правящие круги Гер-

---

¹ Международная политика новейшего времени в договорах, нотках и декларациях. М., 1926, ч. II, с. 397—398.

² См.: Известия, 1919, 28 ноября.

³ *Rosenfeld G.* Sowjetrussland und Deutschland 1917—1922. Berlin, 1960, S. 234—246.

мании в целях прорыва военно-экономической блокады и добилось известного успеха. Выполнение этих задач связывалось главным образом с миссией В. Л. Коппа.

В. Л. Копп появился в Германии, по всей вероятности, летом или ранней осенью 1919 г.¹ и длительное время проживал там как частное лицо. Для германских властей, однако, не могло составлять тайны, что человек, который был советником посольства РСФСР в Германии в 1918 г., выполняет поручения своего правительства. Это подтверждает и то обстоятельство, что сразу по приезде В. Л. Копп вошел в контакт с представителями правительства и обсуждал с ними вопросы организации почтовых сношений под флагом частного предприятия и возобновления «торговых сношений пока (до ратификации мирного договора) опять-таки под флагом частного предприятия»². Смысл деятельности В. Л. Коппа в Германии и первый итог его переговоров с правительством лучше всего раскрываются в его докладе из Берлина 14 октября 1919 г., адресованном В. И. Ленину, Л. Б. Красину, Г. В. Чичерину, «В борьбе за прорыв блокады,— писал Копп,— к чему сводится в существе своем моя деятельность, мы имеем перед собой в Германии следующую ситуацию. Правительство и в своих заявлениях мне, и в своих официальных заявлениях считает возобновление торговых сношений с Советской Россией принципиально желательным. Но страх перед гневом Антанты, с одной стороны, боязнь большевистской заразы — с другой, парализуют настолько его волю, что ожидать какой-либо активности с его стороны в этом вопросе совершенно безнадёжно. Оно находит, что сделало достаточно, если решило под флагом частного предприятия организовать воздушную почту, позволило тому же частному предприятию отправить в Петроград небольшой пароход с товарами под шведским флагом и сняло — для финансирования этих предприятий — арест с депозита, находящегося в банкирской конторе Мендельсона. В будущем, если положение вещей не изменится радикально, оно будет придерживаться той же пассивной политики и после ратификации мирного договора. Два фактора будут, однако, в состоянии — при неизменности общей ситуации — влиять

---

¹ Первое донесение В. Коппа из Берлина, которое нам удалось разыскать, датировано 27 сентября 1919 г. (ЦГАНХ, ф. 413, оп. 17, д. 33, л. 72—73 об.).

² Доклад Коппа 27 сентября 1919 г. в НКВД, СНК, НКТП (ЦГАНХ, ф. 413, оп. 17, д. 33, л. 72).

на него в сторону сближения с нами в области экономики. Это улучшение нашего военного положения и ропот германских промышленников»¹.

Эти обстоятельства, а также рост недовольства среди самых различных слоев общества условиями Версальского мирного договора предопределили особую позицию германского правительства в отношении ноты союзников, направленной нейтральным государствам в октябре 1919 г., а также в целом в отношении военно-экономической блокады Советской России.

В октябре 1919 г. германскому правительству через комиссию по перемирию с Германией был вручен текст ноты главнокомандующего союзными войсками маршала Фоша, включавшей в себя в виде составной части и перечень основных мер торгового бойкота РСФСР, предложенных нейтралам. В ноте Фоша помимо указания на обязательность для Германии предпринять эти же меры содержалось разъяснение позиции Верховного совета Антанты в отношении блокады Советской России в связи с подписанием Германией мирного договора. «Союзные и дружественные державы,— говорилось в ноте,— несмотря на снятие блокады Германии, все же не позволили последней возобновить торговые сношения с большевистской Россией. Эти сношения должны были бы фактически происходить при посредстве главарей большевистского правительства, которые использовали бы полученные продукты в своих интересах»². Кроме того, маршал Фош просил комиссию по перемирию передать германскому правительству, что английские и французские корабли в Финском заливе будут останавливать и менять курс судов, направляющихся в порты Советской России. Правительство РСФСР в ноте германскому правительству от 20 октября 1919 г. заявило, что будет рассматривать активное участие Германии в экономической блокаде как враждебные действия против себя, и выразило надежду, что на предложение союзников последует решительный отказ³.

Ответная нота германского правительства, направленная союзникам в конце октября, по существу, содержала осторожный отказ от участия в экономической блокаде. В ноте говорилось, что правительство Германии придерживается политики невмешательства в русские дела. Что

¹ ЦГАНХ, ф. 413, оп. 17, д. 33, л. 74.

² Vorwärts, 13.X 1919.

³ См.: Документы внешней политики СССР, т. 2, с. 265.

асается торговой блокады, то участие в ней Германии «едва ли имело бы какое-либо экономическое или политическое значение, ибо со стороны моря Россия блокирована союзными державами, сухопутной же границы между Германией и Россией после ратификации мирного договора не существует». Далее в ответе германского правительства приводились доводы против применения тактики экономической блокады, которая может только «укрепить большевизм». Вместо этого предлагалась тактика «единения» России с остальными европейскими государствами, которая только и может вернуть ей строй, «согласный с духом европейской демократии». Нота, кроме того, отмечала несовместимость блокады с принципами международного права и Лиги наций. В заключение германское правительство выразило свою готовность к равноправному участию в обсуждении мер «взаимной защиты различных стран от большевизма»¹. Как видим, ярко выраженная антисоветская платформа, на которой базировалась нота, ничем не отличалась от взглядов остальных империалистических держав. Признавалась и полная зависимость Германии от победителей в вопросе возобновления торговли с Советской Россией. Вместе с тем сам факт заявления об отказе от активного участия в экономической блокаде РСФСР, хотя бы из соображений негодности этой меры в борьбе с большевизмом и ее несоответствия духу международного права, показывал совершенно определенное стремление не связывать себе руки в решении этого вопроса. Германское правительство хорошо понимало, что решительное присоединение к блокаде приведет его почти к полной политической и экономической изоляции. Только что подписанный на тяжелейших экономических и политических условиях мир не сулил ей никаких радужных надежд на взаимовыгодные хозяйственные связи с западными державами.

Напротив, Версальский мир вызвал острое недовольство и разочарование в кругах руководителей германской индустрии, финансов и торговли и способствовал складыванию восточной ориентации таких видных политических деятелей, как граф Брокдорф-Ранцау, склонявшихся к мысли о необходимости пойти на экономическое и политическое сближение с РСФСР². Присоединиться в

¹ Deutsche Allgemeine Zeitung, 31. X 1919; Times, 31. X 1919.

² Rosenfeld G. Sowjetrussland und Deutschland 1917—1922, S. 243—246, 253—254; Kochan L. The Struggle for Germany 1914—1945, p. 16.

этих условиях к блокаде РСФСР означало лишить себя пусть даже отдаленной возможности выхода на огромный восточный рынок и оказаться в полной политической и экономической зависимости от держав-победительниц. Кроме того, правительство не могло игнорировать интересы тех торгово-промышленных кругов Германии, которые в весьма широких масштабах вели коммерческие сношения с Россией до войны и все решительнее выступали за возобновление экономических связей с РСФСР¹. Таким образом, отказ Германии от активного участия в торговом бойкоте хотя и не имел своим практическим результатом прорыва блокады и возобновления экономических сношений с РСФСР, но, несомненно, послужил известным предостережением союзникам и был принят ими во внимание как один из доводов в пользу «смены вех» в «русском вопросе».

Огромные усилия, затраченные империалистическими державами на сохранение военно-экономической блокады Советского государства и удержание в общей с ними упряжке нейтральных государств и Германии, все более тяготившихся своей причастностью к этой незаконной и террористической деятельности на международной арене, оказались, по существу, бесплодными. Не прошло и четырех месяцев с того времени, как союзникам удалось столкнуться по поводу ноты нейтралам о продолжении военно-экономической блокады РСФСР, как развитие событий показало, что ее осуществление находится на грани полного краха.

4. НОВЫЕ ПОЗИЦИИ, СТАРЫЕ ЦЕЛИ

К исходу 1919 г., после побед Красной Армии над контрреволюционными силами Колчака, Деникина и Юденича, после того как основные вооруженные соединения интервентов также были вынуждены покинуть территорию Европейской России, стало ясно, что все попытки возвести внутреннее кольцо экономической блокады оказались несостоятельными: оно разваливалось на глазах, один за другим важнейшие сырьевые и промышленные районы возвращались под контроль Советской власти. В такой ситуации сохранение внешнего кольца блокады в значительной мере утрачивало свой первоначальный смысл.

---

¹ Klein F. Die diplomatischen Beziehungen Deutschlands zur Sowjetunion. 1917—1932. Berlin, 1953, S. 75—76.

Разумеется, осознание бесплодности политики военно-морской блокады правящими кругами империалистических держав пришло далеко не сразу. Потребовались значительные усилия советской дипломатии, с одной стороны, и трезвомыслящих политиков и экономистов Запада — с другой, чтобы было принято первое, пока еще половинчатое решение руководителей держав Антанты, которое в дальнейшем повлекло за собой ликвидацию всей системы военно-экономической блокады Советского государства. Самым примечательным в развитии этого процесса было то, что отнюдь не соображения, связанные с осознанием незаконности, вопиющего несоответствия политики военно-экономической блокады нормам международного права, ее аморальности и бесчеловечности, оказали влияние на перемену позиции глав правительств империалистических держав. Ничуть не переменились и их взгляды на возможность, допустимость и правомерность существования в мире государств только одной системы — капиталистической. Главными мотивами начавшейся смены политики в отношении военно-морской блокады Советского государства были намерения использовать новые средства борьбы против пролетарского государства, коль скоро старые оказались безрезультатными.

В конце ноября 1919 г. в Копенгагене начались переговоры между М. М. Литвиновым и британским представителем О'Грэди об обмене военнопленными и гражданскими лицами обеих стран.

Уже сам выбор О'Грэди, который не являлся профессиональным дипломатом, а был членом парламента от лейбористской партии и представителем британских тред-юнионов, показывал, что английское правительство еще опасалось компрометировать себя перед «цивилизованным миром» прямыми политическими контактами с большевиками. В инструкции, которую Керзон направил О'Грэди 13 ноября, последнему предписывалось «быть особенно осторожным, чтобы не поддержать любую попытку вести переговоры по иным вопросам, чем обмен пленными...»¹. В дальнейшем, когда Керзон получил информацию от французского посла в Лондоне о намерениях Литвинова возбудить в переговорах вопросы о снятии блокады, возобновлении торговли между Англией и Советской Россией и о прекращении материальной поддержки Деникину (которые якобы О'Грэди согласился

---

¹ DBFP. First Series, vol. 3, p. 643—644.

обсудить), он был крайне раздражен и обеспокоен. В письме от 26 ноября Керзон требовал строго придерживаться полученной инструкции. Касаясь предполагаемых шагов Литвинова, Керзон предлагал «отказываться даже от выслушивания любых мирных предложений такого характера». Вместе с тем он допускал, что вопрос о блокаде может стать элементом переговоров, в этом случае О'Грэди предписывалось запросить дальнейших указаний Форин оффиса ¹.

На переговорах с О'Грэди М. М. Литвинов возбудил вопрос о необходимости достигнуть общего мирного соглашения между РСФСР и союзными государствами ².

Особое внимание Литвинов уделял проблеме ликвидации военно-экономической блокады и возобновления торговых отношений между РСФСР и капиталистическими странами, в частности Англией. Посланник США в Дании сообщал, например, 2 декабря в госдепартамент, что «переговоры О'Грэди с Литвиновым теперь в значительной части сконцентрировались в вопросе о внешней торговле». В этом донесении О'Грэди характеризовался как сторонник возобновления торговых отношений с Советской Россией в интересах Великобритании, полагающий в то же время, что снятие блокады и восстановление коммерческих отношений с Западом в конечном счете приведут к реставрации капитализма в России ³.

22 декабря 1919 г. Литвинов направил О'Грэди письмо, в котором, резко осуждая политику военно-экономической блокады, высказывал мнение Советского правительства о необходимости не только декларировать отказ от нее, но и дать возможность Советской России вступить в действительные экономические отношения с западными странами. «Нельзя уйти от того факта,— писал он,— что Великобритания нуждается в льне и другом сырье, производимом в России, и что Россия в свою очередь может ввозить огромное количество промышленных изделий из Великобритании». Литвинов подчеркивал готовность Советского правительства добиваться «установления действительного мира» и «экономических отношений между двумя странами на здоровой основе» ⁴. Несколько дней спустя с этим меморандумом ознакомился Керзон, который сделал на нем пометку, констатирующую, что,

---

¹ DBFP. First Series, vol. 3, p. 663—664.

² Ibid., p. 670—671.

³ F. R. 1919, Russia, p. 127—128.

⁴ DBFP. First Series, vol. 3, p. 738—740.

поскольку документ содержит предложения вступить в мирные переговоры и снять блокаду, он выходит за пределы инструкций, данных О'Грэди¹. Если Керзон отвергал всякое предложение, направленное на ликвидацию военно-экономической блокады и возобновление торговых сношений с Советской Россией, то О'Грэди не без влияния Литвинова все более решительно становился на точку зрения немедленного пересмотра проводившейся ранее политики. По всей вероятности, он также был хорошо информирован о тех изменениях, которые назревали в отношении английского правительства к этой проблеме².

В начале января 1920 г. чиновник министерства продовольствия и британский представитель в Верховном экономическом совете Э. Уайз составил меморандум, озаглавленный «Экономические аспекты британской политики в отношении России». В нем доказывалось, что «продолжение гражданской войны и блокады России отрезает от остального мира громадные продовольственные и сырьевые ресурсы и является одной из главных причин высоких мировых цен».

Уайз весьма убедительно показал несостоятельность и бессмысленность осуществления военно-экономической блокады. Военные успехи большевиков, писал он, привели к тому, что Советская Россия либо уже вернула, либо имеет возможность вернуть в самом ближайшем будущем основные сырьевые и промышленные области. В связи с этим дальнейшая политика блокады становится беспредметной. Эта тактика стала невозможной и вследствие наличия у Советской России реальных шансов заключить мир с Эстонией и другими Прибалтийскими странами.

Кроме того, отмечалось в меморандуме, военно-экономическая блокада, противоречащая нормам международного права, не встретила сочувствия в ряде государств (Германии, нейтральных странах). Наконец, решительно осудили политику блокады рабочий класс и широкое общественное мнение Англии.

В связи с такой оценкой сложившегося положения Уайз предложил, «избегая пока формального дипломатического признания большевистского правительства, окончательно отказаться от блокады и не чинить никаких

---

¹ DBFP, First Series, vol. 3, p. 740.

² См.: Документы внешней политики СССР, т. 2, с. 320.

препятствий восстановлению торговых отношений со всей Россией». В заключение выражалась надежда, что снятие блокады заставит Советское правительство сделать серьезные экономические и политические уступки Западу.

7 января 1920 г. Керзон распространил меморандум Уайза среди членов британского кабинета¹, что, однако, не означало, что он разделял позицию автора документа. Тем не менее точка зрения Уайза, по-видимому, совпала со взглядами самого Ллойд Джорджа, который к этому времени уже пришел к выводу о неэффективности старых методов борьбы с большевизмом. По его инициативе 14 января 1920 г. Верховный совет Антанты и приступил к обсуждению вопроса о торговой политике в России. Ллойд Джордж представил на рассмотрение делегатов Франции и Италии меморандум, который либо дословно совпадал с запиской Уайза, либо базировался на ней².

Ллойд Джордж в своем выступлении отметил, что «с точки зрения обмена и цен русские поставки жизненно необходимы». Основная цель, которую преследовало снятие блокады и установление торговли, была выражена им следующим образом: «В тот момент, когда будет установлена торговля с Россией, коммунизм уйдет». Точка зрения Ллойд Джорджа была поддержана премьером Италии Нитти, который согласился, что торговля является подходящим путем для нанесения удара большевизму и Клемансо. Для конкретной разработки предложений была создана комиссия из представителей держав, участвовавших в заседании, во главе с Уайзом³.

На следующем, решающем заседании 16 января 1920 г. Верховный совет по докладу Уайза постановил «разрешить обмен товарами на основе взаимности между русским народом и союзными и нейтральными странами». Право организации обмена русского сырья и продовольствия на предметы первой необходимости и изделия других государств предоставлялось кооперативным организациям. «Эти меры, — указывалось в заключение, — не означают перемену в политике союзных правительств по отношению к Советскому правительству»⁴.

Провозглашение отказа от политики полной военно-экономической блокады и решение возобновить торговлю

---

¹ DBFP, First Series, vol. 2, p. 867.

² Ibidem.

³ Ibid., p. 874—875.

⁴ Документы внешней политики СССР, т. 2, с. 748.

с «русским народом» хотя бы через кооперативы было вынужденным. Главными причинами, побудившими правительства великих держав пойти на это, как отмечалось, были развал в результате победы Красной Армии внутреннего кольца экономической блокады, провал старых методов борьбы с Советской властью, наконец, хозяйственные потребности самих стран Запада, заинтересованных в экономическом обмене с Советским государством. По поводу последней причины В. И. Ленин говорил: «...мы знаем, что экономическое положение тех, кто нас блокировал, оказалось уязвимым. Есть сила бóльшая, чем желание, воля и решение любого из враждебных правительств или классов, эта сила — общие экономические всемирные отношения, которые заставляют их вступить на этот путь сношения с нами»¹.

Правительства союзных держав должны были считаться и со все возрастающим недовольством и протестами в их странах против политики блокады не только со стороны рабочего класса, но и широких кругов интеллигенции, представителей промышленного и торгового мира. Военно-экономическая блокада, означавшая самый откровенный террор империалистов Антанты по отношению к миллионным массам населения Советской России, натолкнулась на решительный протест рабочего класса всего Запада.

Даже «русские консулы» омского «правительства» Колчака в США, настроенные враждебно против Советской власти и рассматривавшие все события в стране с самых реакционных позиций, вынуждены были признать рост недовольства американского рабочего класса против политики антисоветской интервенции и военно-экономической блокады. 15 июля 1919 г. «генеральный консул» в Нью-Йорке сообщал в колчаковский МИД: «Положительно нет ни одной отрасли труда, где бы не было в настоящее время забастовки... Сплошь и рядом бастующие не ограничиваются профессиональными интересами и настаивают перед правительством в пользу принятия тех или иных мер в пользу главным образом Советской России». Рабочие-табачники, продолжал «консул», постановили потребовать от правительства «принять меры к скорейшему снятию блокады с Советской республики и к отозванию из России всех войск. Рабочие высказывались самым решительным образом против кооперации амери-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 304—305.

канского правительства с какими-либо реакционными группами в России... Американское правительство не должно предпринимать ничего такого, что может помешать русскому народу в определении своей участи в соответствии с его собственными экономическими и политическими делами»¹. В ноябре 1919 г. французская социалистическая газета «Юманите» писала: «Объявив голодную блокаду против ни в чем не повинного населения, правительство Клемансо начертало этим самым линию действия для всех социалистов. Все наши чаяния и помыслы — вместе с Российской рабоче-крестьянской республикой. И мы призываем... массы заклеить правительство и вынести политике палачей осуждение, которое, вне сомнения, одобрит суд истории»².

Против политики экономической блокады выступали британские тред-юнионы, радикальная французская интеллигенция, сплотившаяся вокруг Барбюса, ряд видных политических деятелей и известных экономистов Запада³.

Массовые демонстрации протеста против блокады были организованы рабочими и прогрессивными студентами в октябре и ноябре 1919 г. в столицах Швеции и Норвегии.

20 октября в Стокгольме состоялась 15-тысячная демонстрация, организованная социал-демократами в знак протеста против требования Антанты о присоединении нейтральных государств к военно-экономической блокаде Советской России.

Однако, несмотря на требования народных масс, правительства стран Антанты отнюдь не стремились полностью покончить с политикой военно-экономической блокады. Можно утверждать, что на протяжении почти всего 1920 г. эта политика еще в значительной степени оставалась в силе, хотя ее результативность и снизилась вследствие разгрома основных сил внутренней контрреволюции, ухода с территории Советской России части интервенционистских войск и заключения мирного договора РСФСР в феврале 1920 г. с буржуазной Эстонией, а затем с Латвией и Литвой.

---

¹ К десятилетию интервенции, с. 109.

² L'Humanité, 7, XI 1919.

³ Подробнее об этом см.: Коммунистический Интернационал в документах 1919—1933, М., 1933, с. 87; Барбюс А. Свет из бездны. К чему стремится группа «Клартэ». Харьков, 1923, с. 36; Документы внешней политики СССР, т. 2, с. 308, и др.

Общее состояние отношений Советской России с капиталистическим миром в 1920 г. В. И. Ленин охарактеризовал следующим образом: «Государства Антанты с большевиками находятся ни в мире, ни в войне, у них есть и признание нас, и непризнание»¹.

Резолюция Верховного совета Антанты от 16 января 1920 г. была оценена Советским правительством лишь как «теоретическое снятие блокады»², сопровождавшееся массой оговорок, недомолвок и возможностей возврата к прежнему курсу.

Ограниченность и недостаточность нового хода союзников была хорошо раскрыта М. М. Литвиновым в интервью редактору одной из английских газет вскоре после опубликования резолюции Верховного совета Антанты от 16 января 1920 г. «Парижское решение относительно блокады,— говорил Литвинов,— пока является только бумажным заявлением, которое еще должно быть проведено в жизнь». Для нормального развития торговли, продолжал Литвинов, необходимо создать политические условия: взаимное представительство, свободные телеграфные сношения и т. д. В заключение заместитель наркома иностранных дел отметил, что «экономическое значение парижского решения всецело зависит от искренности намерений и общей политики союзников по отношению к России»³. Общая же политика главных капиталистических держав в «русском вопросе» почти на всем протяжении 1920 г. представляла собой сочетание мирных и военных форм: от переговоров с большевиками до подготовки и поддержки польского наступления на Советскую Россию. Все это, естественно, не могло не отражаться на характере экономических отношений. Их состояние определялось неполной военно-экономической блокадой.

Основными элементами такой блокады по-прежнему были запрещение союзными державами гражданам своих стран вести торговлю с РСФСР, предложение нейтральным государствам следовать той же тактике, установление морской блокады северного, балтийского и черноморского побережий Советской России.

Другой важный элемент блокады — запрещение всем остальным государствам торговать с РСФСР — также

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 245.

² Годовой отчет НКВД к VIII съезду Советов. М., 1921, с. 16.

³ Экономическая жизнь, 1920, 21 января; Правда, 1920, 22 января.

не был устранен в полной мере. Никаких официальных документов, освобождающих эти страны от навязанных им обязательств, принято не было.

На Балтике даже после заключения РСФСР мира с Эстонией британское адмиралтейство сохраняло основной контингент военно-морских сил, участвовавших в блокаде¹. На запрос одного из депутатов палаты общин об инструкциях, которыми руководствуются командиры английских кораблей в отношении торговых судов, направляющихся в Советскую Россию, первый лорд адмиралтейства Крейг ответил 2 июня 1920 г., что «всем судам разрешается свободное следование в балтийские порты и обратно, за исключением тех, которые подозреваются в перевозке оружия или снаряжения для Советского правительства и его агентов. Такие суда обыскиваются и отправляются для детального осмотра в один из портов»². Ясно, что такая инструкция служила основанием для любых насильственных мер против торговых судов и позволяла негласно осуществлять морскую блокаду. В период польско-советского кризиса в 1920 г. британские военно-морские силы были направлены в Гельсингфорс «в качестве предупреждения Советскому правительству, что правительство его величества намерено в определенных контингентах использовать флот против него»³. В этих условиях ни о каком свободном торговом мореплавании в Финском заливе не могло быть и речи, и фактически доступ в Петроградский порт стал открыт лишь глубокой осенью 1920 г., после заключения польско-советского перемирия. Первым иностранным судном, прибывшим в Петроград после почти двухлетней блокады порта, был германский пароход «Рюген», отшвартовавшийся у причала 12 ноября 1920 г.⁴

Еще меньше спешили союзники со снятием морской блокады Черноморского побережья РСФСР. В одном из документов английского министерства иностранных дел, датированном 20 апреля 1920 г., отмечалось, что «союзная политика блокады в отношении Черного моря еще остается в силе»⁵.

Причем враждебные действия французских и британских военно-морских сил на Черном море против совет-

---

¹ DBFP, First Series, vol. 11. London, 1961, p. 224.

² Manchester Guardian, 10. VI 1920.

³ DBFP, First Series, vol. 11, p. 444, 447—448, 463.

⁴ ЦГАНХ, ф. 6956, оп. 1, д. 1, л. 15; оп. 3, д. 79, л. 852.

⁵ DBFP, First Series, vol. 12, p. 702.

ских торговых судов не прекращались и после разгрома Врангеля.

Помимо этих, по существу, военных акций, свидетельствующих о продолжении, хотя и не в полном объеме, политики военно-морской блокады, в 1920 г. действовали в полную силу финансово-правовые санкции, сводившие почти на нет попытки Советского правительства возобновить торговлю с главными капиталистическими странами. К их числу относилась так называемая «золотая блокада», которая проявлялась в отказе западных банков принимать в оплату товаров советское золото.

Фактически был установлен и бойкот советского экспорта в главные капиталистические страны, ибо единственно возможный в то время для Советского государства предмет вывоза — лес и лесоматериалы — столкнулся с «лесной блокадой», суть которой состояла в аресте первых же судов с этими товарами, прибывших в Англию, под предлогом их принадлежности до национализации бывшим русским или иностранным собственникам. Все проявления экономической блокады стали изживаться только после заключения англо-советского торгового договора 16 марта 1921 г.¹

В целом политико-экономические меры, применявшиеся против внешней торговли Советского государства империалистическими державами, по своей сути преследовали те же цели, что и открытая военно-экономическая блокада, и приводили к тем же результатам, что и она. Наркомвнешторг в 1920 г., как и прежде, не имел никаких гарантий против конфискации любой партии экспортных товаров и не мог продавать их там, где для этого существовала наиболее благоприятная конъюнктура. Поэтому в соответствии с указанием СНК он «не выпускал... сколько-нибудь заметных количеств экспортных товаров на внешний рынок»².

Таким образом, факты свидетельствуют, что военно-экономическая блокада против Советского государства применялась империалистическими державами на протяжении всего периода интервенции и гражданской войны в Европейской России.

Империалистическая политика военно-экономической блокады нанесла Советскому государству колоссальный

---

¹ Подробнее об этом см.: *Шшикин В. А.* Советское государство и страны Запада, с. 218—222, 227—229, 254—255.

² См.: Отчет о деятельности Народного комиссариата внешней торговли (с 15 мая по 15 ноября 1920 г.), М., 1920, с. 9.

ущерб. Блокада и одновременно с нею осуществляемые международным империализмом вооруженная интервенция и поддержка сил внутренней контрреволюции привели к разрухе в советской промышленности, упадку сельского хозяйства и в конечном счете явились главными причинами экономического кризиса и голода 1921 г. Трудно и даже вряд ли возможно точно определить, какая именно часть громадных потерь, понесенных народным хозяйством страны в 1918—1920 гг., приходилась на долю военно-экономической блокады. Несомненно одно. Эта террористическая политика империализма, применяемая по отношению к суверенному государству, практически закрывала для него все возможности традиционного взаимовыгодного обмена материальными ценностями с другими странами, разорвала на время живую ткань единого экономического организма, каковым в совокупности являлись все районы бывшей Российской империи, способствовала серьезному разрушению производительных сил страны.

В наши дни всякая политика военно-экономической блокады Советского Союза или других стран социалистического содружества со стороны капиталистических держав абсолютно безнадежна: слишком сильны экономический потенциал и международные позиции мирового социализма, чтобы можно было всерьез рассчитывать на успех, применив это устарелое оружие империализма. Тем не менее правящие круги некоторых государств, в частности США, и поныне от случая к случаю воскрешают отдельные элементы прежней тактики, запрещая экспорт в СССР, освободившиеся или социалистические страны тех или иных товаров, пытаясь использовать торговлю с ними как инструмент политического нажима, прибегают к различным финансово-экономическим «санкциям» против них.

История со всей убедительностью свидетельствует о том, что если военно-экономическая блокада потерпела полный крах в труднейшие первые годы существования Советского государства, то тем обреченнее и бессмысленнее попытки помешать развитию внешней торговли социалистических и освободившихся стран в наше время.

Глава IV

ПОДРЫВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИМПЕРИАЛИЗМА

1. «ОСОБЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ» ДИПЛОМАТОВ

В течение трех-четырех месяцев со времени победы Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде Советская власть прошла триумфальным шествием почти по всей огромной стране, сравнительно легко ломая сопротивление контрреволюционных сил. Реакция всеми мерами старалась сохранить уходящую из ее рук политическую власть, продолжить вместе с другими империалистическими державами грабительскую, кровопролитную войну и задушить революционное движение. Эти устремления правящих классов России находили полное взаимопонимание и поддержку империалистических кругов стран Антанты и США. Их представители, дипломаты и военные агенты, находившиеся в России, сразу же выступили на стороне российской контрреволюции, вдохновляли ее на борьбу против Советской власти, обещая поддержку своих держав, и непосредственно сами участвовали в заговорах и мятежах, диверсиях и террористических актах против революционных сил.

Уже в ночь на 26 октября при их поддержке в Петрограде был создан контрреволюционный «Комитет спасения Родины и революции». Днем 26 октября делегация комитета в составе его председателя эсера Н. Д. Авксентьева, городского головы эсера Г. И. Шрейдера, председателя президиума городской думы меньшевика А. А. Исаева и бывшего управляющего делами Временного правительства кадета В. Д. Набокова посетила английского посла Д. Бьюкенена и заверила его, что Керенский ведет «целый корпус» на подавление революционного Петрограда¹. О необходимости поддержки коми-

¹ См.: *Набоков В. Д.* Временное правительство.— Архив русской революции, т. 1, с. 87—88; *Бьюкенен Д.* Мемуары дипломата, 2-е изд., М., б. г., с. 282—283.

тета и его финансировании Бьюкенен сразу же переговорил с главой французской военной миссии генералом Г. Нисселем¹. В этот же день представители комитета встретились с английским военным атташе генералом А. Ноксом. 28 октября состоялась встреча с американским послом Д. Френсисом. Последний в тот же день направил телеграмму в госдепартамент США с сообщением, что в Петрограде создан антиреволюционный комитет и что А. Керенский находится с войсками в 20 км от города. На следующий день американский посол в Швеции Моррис, через которого нередко шли сообщения американских представителей в Вашингтон, телеграфировал государственному секретарю Р. Лансингу, что «Комитет спасения» ведет борьбу с большевиками и «получает поддержку американского и английского посольств»². Активную помощь заговорщикам оказывали и представители французской миссии.

«Комитет спасения» сосредоточил главное внимание на подготовке вооруженного выступления в Петрограде³. На основе юнкерских училищ и отдельных малочисленных подразделений контрреволюция сформировала ударную группу из 1,5 тыс. офицеров, юнкеров и солдат, которой присвоила громкое название «армии спасения». Ее командующим был назначен полковник-монархист Г. П. Полковников.

По свидетельству известного американского журналиста Д. Рида, английские и французские офицеры не только участвовали в качестве экспертов на заседаниях комитета, но и разъезжали в броневиках, помогая операциям контрреволюционеров, начавшимся 29 октября⁴.

По распоряжению ВРК штаб мятежников, расположившийся в Инженерном замке, военные училища и другие опорные пункты мятежников были окружены революционными воинскими частями, матросами и красногвардейцами. К середине дня 29 октября юнкера сдались.

Но «союзники» всячески стремились помочь «Комитету спасения» и не допустить окончательного провала похода на Петроград. Для переговоров с Керенским о необ-

¹ См.: Васюков В. С. Предыстория интервенции. Февраль 1917 — март 1918. М., 1968, с. 213.

² См.: Минц И. И. Интервенция на Севере в документах, с. 100.

³ Одновременно комитет призвал чиновников всех министерств бывшего Временного правительства к саботажу, заявив, что «передача дел» новой власти является недопустимой (Архив революции 1917 г. Октябрьский переворот, с. 343).

⁴ См.: Рид Д. 10 дней, которые потрясли мир. М., 1957, с. 166.

ходимой помощи в отряд Краснова выезжал глава французской военной миссии генерал Ниссель. Однако на следующий день после подавления мятежа в столице наступавшие под Пулковом казаки генерала Краснова были разбиты.

Замыслы мировой реакции с помощью военного путча остановить биение сердца социалистической революции в России потерпели провал.

В Могилеве главнокомандующий генерал Духонин, подстрекаемый представителями военных миссий при Ставке, попытался сразу же сорвать мирную политику Советского правительства. Получив предписание СНК «обратиться к военным властям неприятельских армий с предложением немедленного приостановления военных действий в целях открытия мирных переговоров»¹, он не только отказался его выполнить, но и всячески стремился воспрепятствовать прекращению военных операций на фронтах и установлению перемирия. Отстраненный от должности генерал нашел активную поддержку в лице союзных представителей.

Борясь за армию, за привлечение солдатских масс на сторону революции, Советское правительство одновременно принимало решительные меры против генеральской контрреволюции. Ставка была ликвидирована, а 2 декабря был подписан договор о перемирии с Германией и ее союзниками, который открыл путь к выходу Советской России из империалистической войны.

После занятия Могилева революционными войсками и ликвидации Ставки представители военных миссий переместились в Киев под защиту Центральной рады, захватившей власть на Украине, а генеральская контрреволюция стала сосредотачиваться на Дону, у поднявшего мятеж атамана Каледина.

Следует заметить, что империалистические державы располагали в России широкой сетью представительств. Только Соединенные Штаты Америки накануне Октябрьской революции имели в Петрограде кроме посольства консульство, в Москве — генконсульство, в Архангельске, Мурманске, Самаре, Тифлисе, Екатеринбурге, Омске, Томске, Чите, Владивостоке — консульства. Помимо них в России находились такие многочисленные американские миссии, как миссии Красного Креста, Ассоциации христианской молодежи, а также другие «представитель-

---

¹ Декреты Советской власти. М., 1957, т. 1, с. 53.

ства», выполнявшие задания спецслужб США. То же самое можно сказать и о Франции, и об Англии.

Кроме того, империалисты США, Англии, Франции активно использовали в подрывной работе против Советского правительства свои военные миссии, которые еще некоторое время после революции продолжали оставаться в России и были довольно многочисленны по своему составу. Только французские военные миссии насчитывали: одна — 80 штабных и пехотных офицеров и 300 солдат, другая — 200 офицеров и 300 солдат, миссия во главе с генералом Бертело, находившаяся на румынском фронте, состояла из 300 офицеров и значительного числа рядовых¹. После Октябрьской революции в числе агентов империалистических держав оказались многие офицеры царской армии, прикомандированные ранее к иностранным военным миссиям или служившие в антантовских подразделениях, которые находились на русском фронте. В декабре 1917 г. английская разведка приступила к вербовке русских офицеров в Петрограде с целью привлечения их для шпионско-диверсионной работы. Один из сотрудников английского посольства в Петрограде, В. Пиэрс, впоследствии отметил в своих мемуарах, что военное министерство Великобритании «имело связи с офицерами русской армии, которые систематически создавали центры сопротивления большевикам»². Подобным образом действовали и французские представители, и американские. Все они устанавливали контакты с подпольными контрреволюционными организациями и лидерами антисоветских партий кадетов, эсеров, меньшевиков, пытаясь активизировать их борьбу против Советского правительства и в центре России, и на ее окраинах. При этом ими предпринималась попытка не только организации широких заговоров, но и применения индивидуального террора против видных деятелей большевистской партии и руководителей Советского государства.

Контрреволюционеры неоднократно замыслили злодейское убийство вождя пролетарской революции. 1 января 1918 г. на Владимира Ильича было совершено покушение, когда он возвращался на машине из Михайловского манежа, где выступал перед первым сводным отрядом Красной Армии, уезжавшим на фронт. Благодаря

---

¹ *Sodoul J.* Notes sur la révolution bolchévique. Paris, 1920, p. 54; *Delmas J.* Une mission militaire française à Petrograd après la Révolution d'Octobre.— *Revue de défense nationale*. Paris, 1966, Juin, p. 1086.

² *Pares B.* My Russian Memoirs. London, 1931, p. 490.

лишь случайности Ленин не пострадал, но был ранен заслонивший его своим телом деятель швейцарского рабочего движения Ф. Платтен¹. Были предприняты и другие подрывные акции. Арестованный в январе 1918 г. агент французской разведки поручик драгунского Казанского полка Н. А. Штыров показал, что по поручению офицеров французской военной миссии Лорана и Вокье он должен был выяснить, где проживают В. И. Ленин и его ближайшие соратники, любыми средствами похитить чемодан с бумагами у возвращавшегося из Стокгольма большевика Я. С. Ганецкого и выполнить ряд других заданий, связанных с подготовкой диверсий на складах, имевших военное значение².

Стремясь к свержению Советской власти любыми средствами, империалисты вынашивали планы установления в России диктаторской власти. Поэтому представители империалистических держав сразу стали оказывать действенную помощь генеральской контрреволюции на Дону. Уже 20 ноября английский военный кабинет постановил «гарантировать Каледину предоставление всей финансовой помощи, в которой он нуждался»³.

Принял решение о предоставлении Каледину тайной финансовой помощи через английские и французские банки президент США Вильсон⁴. 13 декабря 1917 г. по распоряжению президента американскому послу в Лондоне была послана телеграмма, в которой предлагалось немедленно приступить к организации помощи генералу Каледину. Посол должен был уведомить генерала, что его борьба против Советской власти пользуется сочувствием со стороны американского правительства и что ему в этой борьбе будет оказана поддержка США.

Выполняя волю своих правительств и служб, представители Антанты и США активизировали деятельность по сколачиванию сил российской контрреволюции. Генерал Нокс сообщал 16 ноября 1917 г. своему начальству в Лондон об установлении контакта с «надежным русским», прибывшим с Дона, и предлагал послать туда

---

¹ См.: *Бонч-Бруевич В.* Три покушения на В. И. Ленина. М., 1930, с. 4—5.

² См.: *Голиков Д. Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР. Кн. 1. М., 1978, с. 22.

³ *Ulman R.* Intervention and the War. Princeton, 1963, vol. 1, p. 46.

⁴ См.: *Вильямс В.* Американская интервенция в России в 1917—1920 гг.—История СССР, 1964, № 4, с. 177.

английских представителей¹. Было принято решение направить в Новочеркасск капитана Ноэля, находящегося в Тифлисе, и еще одного агента из Ясс. 20 ноября английский посол Бьюкенен в беседе с генералом Нисселем сообщил ему, что он постоянно поддерживает связь с атаманом Калединым и оказывает ему финансовую поддержку².

Французский военный представитель генерал Ниссель неоднократно направлял на Дон офицеров миссии с особыми поручениями. Ниссель считал, что казачьи области «могли бы стать фактором внутреннего порядка и элементом военного сопротивления». Для этого Каледин просил союзников предоставить денежную помощь на формирование двух армейских корпусов³. И посланный Нисселем в Новочеркасск полковник Гюше уведомил генерала Алексеева о решении французского правительства предоставить ему кредит в 100 млн. руб. «с целью восставления порядка в России»⁴.

Совместно с представителями стран Антанты действовали и американские эмиссары. 5 декабря 1917 г. на Дон прибыл по поручению Саммерса американский консул Д. Пуль, который встретился с генералом Алексеевым и атаманом Калединым. Американцы сразу же взялись за оказание прямой помощи контрреволюции в формировании добровольческих частей. Консульство США в Яссах развило бурную деятельность по созданию отряда во главе с генералом Дроздовским. Консульство с разрешения командующего румынским фронтом генерала Д. Г. Щербачева приглашало русских офицеров на американскую службу, а когда те выражали согласие, то им настойчиво предлагалось стать добровольцами белой армии⁵.

Однако дни генеральской контрреволюции на Дону были сочтены. Советское правительство приняло самые решительные меры, направленные на ликвидацию этого заговора. 27 января 1918 г. генерал Алексеев, видя, что положение становится все более угрожающим, направил главе французской военной миссии в Киеве запрос о возможности скорейшей присылки чехословацкого корпуса⁶.

---

¹ *Ulman R. Intervention and the War*, p. 44.

² См.: *Бьюкенен Д. Мемуары дипломата*, с. 294.

³ *Niessel H. Op. cit.*, p. 105, 107, 132, 135, 137.

⁴ *Васюков В. С. Предыстория интервенции*, с. 250.

⁵ См.: *Донская волна, 1919, 21 апреля*, № 17.

⁶ См.: *Документы по истории гражданской войны в СССР*, т. 1, с. 45—47.

Единственное, что еще успели предпринять в связи с этой просьбой французы, так это направить в Новочеркасск капитана Борда для передачи полковнику Гюше 7 млн. франков, предназначенных для белогвардейцев. Однако, когда Борд добрался до места назначения, Добровольческой армии во главе с ее генералами не было уже ни в Новочеркасске, ни в Ростове, а полковник Гюше со своими помощниками сидел под арестом. Борду удалось добиться его освобождения, воспользовавшись лояльным отношением Советской власти к иностранным дипломатам и представителям. После этого он вручил Гюше 3 млн. франков, с которыми тот возвратился в Москву, а сам в соответствии с порученными инструкциями пустился в вояж по Южной России, снабжая деньгами находившихся там французских консулов, которые затем субсидировали ими русских белогвардейцев и националистическую контрреволюцию национальных окраин России¹.

Официальные и неофициальные представители империалистических держав всячески поощряли и провоцировали сепаратистские устремления буржуазных националистов на Украине, в Закавказье и в Средней Азии, а также «автономистов» в Сибири и на Дальнем Востоке.

Союзные военные миссии, закрепленные за Ставкой, в ноябре 1917 г. переехали в Киев. Представители миссий — английский полковник Чарль и французские офицеры Гравье и Перлие — сразу же посетили генеральный секретариат буржуазной Центральной рады². Вскоре состоялись переговоры между начальником французской военной миссии генералом Табуи и английским майором Фитц-Вильямсом, с одной стороны, и генеральным секретарем по иностранным делам А. Шульгиным — с другой. Иностранные представители особо подчеркнули, что «союзники вообще и Франция в особенности наблюдают с огромным сочувствием за политическим и национальным возрождением Украины»³. Буквально через несколько дней Табуи был назначен французским комиссаром на Украине. 9 декабря 1917 г. он вместе с вице-консулом в Киеве Арке и военными атташе Ванье и Дентцем посетили главу генерального секретариата Винниченко, который приветствовал официального представителя Антанты.

¹ См.: Вопросы истории, 1965, № 4, с. 194.

² См.: Документы по истории гражданской войны в СССР, т. 1, с. 52.

³ *Choulguine A. L'Ukraine, la Russie et les puissances de l'Entente*. Bern, 1918, p. 33.

Табуи заявил, «что Франция, которая первая совершила этот решительный шаг, поддержит всеми моральными и материальными средствами усилия, которые будет предпринимать Украинская республика, чтобы идти тем путем, который наметили союзники»¹. Через месяц, в январе 1918 г., такой же шаг предприняла и Англия, назначив консула Д. Багге в Киеве своим официальным представителем.

Франция, Англия, США оказывали поддержку контрреволюционным силам в этом районе и строили планы отделения Украины от России. С этой целью Франция выдала Центральной раде заем в 180 млн. франков². А офицеры французской военной миссии занимались реорганизацией ее армии.

Активную деятельность развили английские и американские представители и агенты в Закавказье. В Тифлисе действовали английский генерал Шор, полковник Пайк и капитан Гольдсмит, связанные с генералом Денстервилем, командующим экспедиционным отрядом на Ближнем Востоке, французский полковник Шардиньи, а также американский консул Смит³. Последний находился в постоянном контакте с одним из лидеров грузинских меньшевиков — Е. П. Гегечкори⁴.

Именно по «совету» Смита закавказский комиссариат, принявший на себя всю полноту власти в пределах края, предпринял провокационную акцию по разоружению солдат, возвращающихся с фронта. 22 января в районе станции Шамхор контрреволюционеры неожиданно напали на эшелон солдат, тысячи которых были убиты и ранены.

Английский план состоял в том, чтобы захватить Энзели на южном побережье Каспийского моря, а потом и Баку, создать там свою базу, а затем, действуя совместно с местной реакцией, сколотить мусульманскую антисоветскую федерацию на Кавказе и в Туркестане. С этой целью развернул провокационную деятельность английский консул в Баку Мак-Дональд. В своих мемуарах он признался, что финансировал белогвардейских офицеров и готовил заговор против Бакинской коммуны⁵. Капитан

¹ Choulguine A. L'Ukraine, la Russie et les puissances de l'Entente. Верн, 1918, р. 50—52.

² См.: Борьба классов, 1931, № 2, с. 18.

³ См.: Денстервиль. Британский империализм в Баку и Персии, 1917—1918 гг. Тифлис, 1925, с. 39—40.

⁴ См.: Минц И. И. Год 1918-й, с. 449.

⁵ См.: Азизбекова П. А. 26 бакинских комиссаров, Баку, 1978, с. 98—99.

английской разведки Тиг Джонс, один из участников зверской расправы с 26 бакинскими комиссарами, приехал к Мак-Дональду для активизации подрывной работы. Секретные донесения направлялись генералу Денстервилю. В феврале 1918 г. генерал предпринял неудачную попытку захватить Баку.

Активизировались английские агенты и в Средней Азии. Руководили ими непосредственно консулы в Кашгаре (Китай) Маккартней и подполковник Эссертон, который работал над созданием английской шпионской организации, «от которой могли бы исходить щупальца с целью получения информации и использования всего, что показалось бы благоприятным»¹.

Приняли самое непосредственное участие иностранные представители и в заговорщической деятельности против Советской власти в Сибири и на Дальнем Востоке. На Транссибирской магистрали сосредоточила большую часть своих кадров техническая миссия Соединенных Штатов во главе со Стивенсом. Во Владивостоке плел шпионские сети американский консул Колдуэл. Он настойчиво советовал госсекретарю Лансингу добиться, насколько это возможно, расширения союзной агентуры в Азиатской России². Французские офицеры участвовали в подготовке и проведении антисоветского мятежа, поднятого юнкерами в Иркутске в декабре 1917 г.³

Представители союзников, получая инструкции и указания от своих правящих кругов, развернули подрывную деятельность с целью добиться отказа Советского правительства от ведения мирных переговоров. В ноябре 1917 г. в Петрограде начальник французской военной миссии Ниссель провел тайное заседание своих сотрудников с английской миссией и военным атташе Соединенных Штатов. Была достигнута договоренность о принятии мер, способствующих срыву мирных переговоров. Ниссель сообщил, что его правительство уже выделило фонды для соответствующей пропаганды⁴. 20 ноября 1917 г. председатель комитета общественной информации США Крил направил своему представителю в России Сиссону

¹ *Esserton P. S. In the Heart of Asia. London, 1925, p. 6.*

² См.: *Минц И. И. История Великого Октября. М., 1979, т. 3, с. 628.*

³ См.: *Борьба за власть Советов в Иркутской губернии (октябрь 1917 г.— июль 1918 г.). Сборник документов. Иркутск, 1957, с. 147—150.*

⁴ *Bullard A. The Russian Pendulum. New York, 1919, p. 111—112.*

телеграмму, в которой, указав на всю «опасность» мирных переговоров, предложил объединить усилия всех американских представителей в Петрограде и Москве и начать кампанию для разъяснения «высоких целей» войны и «верности демократическим идеалам». Крил советовал использовать с этой целью деятелей непролетарских партий, выступающих против мира. Особую роль в этой кампании американский реакционер отводил эсерам. Он указывал Сиссону: «Пусть Брешковская и другие выступят с заявлениями и переводят памфлеты. Нанимайте ораторов, арендуйте залы»¹.

Бурную деятельность развил английский дипломат Р. Локкарт. Незадолго до революции он являлся вице-консулом в Москве и еще тогда установил тесные контакты с различными политическими деятелями буржуазных и мелкобуржуазных партий, а также с представителями российского капитала. Затем он был отозван в Лондон и вновь назначен в Россию в качестве неофициального представителя. Перед отъездом он получил от военного министра лорда Мильнера указание всеми средствами препятствовать мирным переговорам и заключению мира между Советской Россией и Германией².

После переезда Советского правительства из Петрограда в Москву представители стран Антанты и США избрали в качестве центра своей подрывной деятельности Вологду. Тот же Нуланс вспоминал, что он «вместе с другими членами дипломатического корпуса намеревался направиться в какой-нибудь крупный железнодорожный центр на востоке вне досягаемости немцев. Мы избрали Вологду,— признавался посол,— так как из этого города послы могли уехать в том направлении, какое потребовали бы события, и в то же время сохранить связь с русскими элементами, остававшимися верными делу союзников»³. Другими словами — ни в коем случае не лишиться поддержки российской контрреволюцию в собирании сил и в организации заговоров с целью свержения Советской власти.

В Петрограде сохранились остатки контрреволюционных организаций, созданных империалистами и разгромленных в начале 1918 г. ВЧК. Наиболее крупными из них были эсеровские группы, возглавляемые бывшим

---

¹ *Sisson E.* One Hundred Red Pays. New York, 1931, p. 126.

² *Lockhart B.* Memoirs of British Agent. London, 1932, p. 206.

³ *Noulens J.* Mon ambassade en Russie Sovietique, 1917—1919. Paris, 1930, vol. 2, p. 3.

комиссаром Временного правительства в армии генерала Корнилова М. М. Филоненко. Эти группы планировали проведение серии террористических актов против видных деятелей партии большевиков, в частности против В. И. Ленина¹.

Во время пребывания иностранных представительств в Вологде (конец февраля — июль 1918 г.) они, по сути дела, являлись штабами по координации выступлений российской контрреволюции и центрами по организации ее сил против Советского государства. Особой активностью отличались французский Ж. Нуланс, американский — Д. Фрэнсис, английский поверенный в делах Ф. Линдлей, а также сербский представитель Сполайкович, итальянский — де ла Торрето, японский поверенный в делах Марумо и другие. Через Вологду шла переброска групп белогвардейцев и иностранных солдат и офицеров на север, в Архангельск и Мурманск, а также в другие районы, где шла подготовка контрреволюционных выступлений. В самом городе французы, финансируя белогвардейских офицеров, пытались внедрить их в вологодский гарнизон, чтобы затем захватить город.

Советское правительство неоднократно предлагало послам приехать в Москву². Однако, всячески саботируя переговоры с советскими представителями, послы и главы миссий продолжали плести сети заговоров с целью свержения Советского правительства. Создалось беспрецедентное положение, когда иностранные дипломаты, находящиеся в Советской России и пользующиеся дипломатическим иммунитетом, не только активно вели борьбу против существующего правительства в стране, но и представляли государства, открыто начавшие военную интервенцию против Советского государства.

В Вологде сходились многочисленные нити, связывавшие агентов Антанты и США с паутиной контрреволюционного подполья в стране. Его представители систематически наведывались в Вологду. Оттуда шли деньги и указания контрреволюционерам в различные районы и города. Тесная связь поддерживалась с официальными и неофициальными иностранными представителями, находящимися в разных районах страны.

---

¹ См.: Семенов Г. (Васильев). Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917—1918 гг. Берлин, 1922, с. 15—17.

² См.: Документы внешней политики СССР, т. 1, с. 385, 388—389 и др.

Поскольку руководящие центры большинства контрреволюционных организаций находились в Москве, большую роль в поддержании связи с ними и руководстве их деятельностью играли московские консульства и представительства стран Антанты и Соединенных Штатов. По указанию посла Нуланса французское консульство в Москве поддерживало контакты с каждым антисоветским центром, а также с представителями ЦК каждой контрреволюционной партии в отдельности. Французский журналист Р. Маршан, находившийся в 1918 г. при французском генеральном консульстве в Москве, рассказывал впоследствии, что «французская миссия и консульство в Москве по поручению Нуланса имели и поддерживали в 1918 г. связь отдельно и специально с каждой из политических группировок в России. Связь с Савинковым поддерживалась через Готье, связь с монархическими организациями — через графа де Шавиньи, связь с меньшевиками — через бывшего депутата-социалиста Шарля Дюма, связь же с партией с.-р. поддерживалась миссией через Эрлиха... Я знаю, — продолжал далее Маршан, — что французский консул Гренар придавал большое значение связям с эсерами и Савинковым... Партия эсеров получала довольно значительные субсидии от французского консульства через Эрлиха для работы своих боевых дружин...»¹

Разоблачая истинные замыслы иностранных миссий в Советской России, Маршан уточнял, что их деятельность «была исключительно направлена к свержению Советской власти, для какой цели велись переговоры с политическими русскими группами». Это неоднократно признавалось и представителями последних. Так, по признанию члена ЦК партии эсеров Иванова, они вели в мае — июне 1918 г. с этой целью переговоры с союзниками².

Тесные контакты со всеми подпольными группировками — от монархистов до псевдосоциалистов — были установлены английским представителем в Москве Р. Локкартом. В опубликованной много лет спустя «исповеди» он признался в той контрреволюционной работе, которую когда-то вел в Советской России. В частности,

---

¹ Цит. по: *Голиков Д. Л.* Крах антисоветского подполья в СССР. Кн. 1, с. 124—125.

² См.: Обвинительное заключение Центрального Комитета и отдельных членов иных организаций партии социалистов-революционеров, с. 67.

Локкарт отметил, что Хикс, резидент английской разведки, служил посредником между ним и врагами большевиков. Они были представлены в Москве так называемым Центром, имевшим левое и правое крыло, а кроме того, «Лигой спасения России», созданной Савинковым... На протяжении многих недель финансирование их было предоставлено всецело французам. Локкарт принял часть финансирования на себя. Раздобыть наличные деньги было не очень трудно, хотя банки и были закрыты, а девизные операции воспрещены¹. Локкарт организовал поступление денег от ряда крупных российских капиталистов в помощь антисоветскому подполью. Сбор средств у них проводился под прикрытием одной английской фирмы, имевшей отделение в Москве. Операцию непосредственно проводил Хикс, который и заботился о дальнейшем направлении денег по контрреволюционным «адресам». Таким образом, была собрана огромная сумма — 8 млн. 400 тыс. руб., которые были пущены на финансирование подрывной деятельности против Советского государства².

«Мы были центром контрреволюционного движения, — отмечал Локкарт. — Мы постоянно получали указания от генерала Пуля или его штаба о посылке контрреволюционеров на север или финансировании разных лиц. Мы также поддерживали отношения с антибольшевистскими силами по другую сторону Волги, с контрреволюционным генералом Алексеевым»³.

В апреле 1918 г. прибыл в помощь Локкарту и Хиксу специальный агент английской военной разведки лейтенант Сидней Джордж Рейли. Он сразу же установил контакты со многими деятелями российской контрреволюции. Хорошо владея русским языком и выдавая себя то за русского, то за итальянца, действуя в Петрограде под фамилией Массино, а в Москве — Константинова, Рейли активно занимался вербовкой агентуры среди антисоветских элементов и энергично вел подрывную и разведывательную работу против Советской республики. Вместе с французским морским капитаном Вертимомом, руководившим группой подрывников-специалистов по уничтожению железнодорожных мостов, Рейли готовил

¹ См.: Локкарт Р. Буря над Россией. Исповедь английского дипломата. Рига, 1933, с. 282, 307.

² Lockhart R. The ace of spies. London, 1967, p. 74.

³ Цит. по: Волков Ф. Д. Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит, с. 70.

проведение диверсий на объектах, имевших стратегическое назначение.

ВЧК систематически разоблачала агентов союзных военных миссий, разъезжавших по городам Советской республики и занимавшихся под видом наблюдения за эвакуацией военнопленных немцев, чехов, поляков формированием польских и чешских легионов, а заодно и белогвардейских отрядов. Английский разведчик капитан Хилл вспоминал впоследствии, что, когда «Савинков решил с особым отрядом отобранных войск поднять контрреволюционное восстание в городе Ярославле», он постоянно был в курсе всех его планов. «В это время, — указывал шпион, — я жил двойной жизнью. Часть дня, одетый в форму, я разъезжал по своим делам и жил как британский офицер, в остальное время, одетый в штатское, я пешком посещал своих агентов. В предвидении будущего я начал налаживать тайные квартиры»¹. Такими воспоминаниями могли бы поделиться многие представители империалистических государств, находившиеся в то время в Советской России.

Некоторые из них руководили подпольными организациями, занимавшимися вербовкой бывших офицеров, студентов и т. д. в белогвардейские формирования и поставкой этого «пушечного мяса» в районы их сосредоточения. В апреле 1918 г. была раскрыта контрреволюционная организация в Москве, которая финансировалась американским подданным В. А. Бари и занималась вербовкой контрреволюционных офицеров, а затем их отправкой на юг, в Добровольческую армию. Бари действовал при содействии американского генконсульства в Москве, недаром после его ареста консульство не только выступило с протестом, но и представило официальное поручительство, настаивая на его освобождении до суда².

Подобная организация была раскрыта в августе 1918 г. в Петрограде, только руководила ею уже английская разведка, вербовала офицерские кадры она не для Добровольческой армии, а для отправки их в Архангельск, в распоряжение английского генерала Пуля.

После подавления левоэсеровского выступления в Москве и разгрома мятежа в Ярославле, опасаясь разоблачения своей подрывной деятельности, иностранные по-

¹ Хилл А. Иди шпионь в стране. Приключения агента «1-к-8» британской секретной службы. Пер. с англ. М., 1932, с. 5.

² См.: Голіцков Д. Л. Крах антисоветского подполья в СССР, Кн. 1, с. 144.

слы и представители покинули 23 июля 1918 г. Вологду и переехали в Архангельск, под защиту пушек стоящих на рейде там английских кораблей.

Советскому правительству, конечно, было известно о происках иностранных дипломатов и деятельности их тайных агентов. Нити многих раскрытых заговоров и преступлений вели к дверям посольств, консульств и миссий держав Антанты. Тем не менее Советское правительство не нарушало их дипломатической неприкосновенности и не оставляло надежд на их лояльное поведение. Однако вскоре произошли события, показавшие необходимость принятия более решительных мер против подрывной деятельности агентов, прикрывавшихся дипломатическими паспортами.

Провал агентов мировой реакции в Вологде заставил иностранных представителей, остававшихся еще в Москве и Петрограде, искать иных путей и средств борьбы против Советской власти. Во главе нового заговора международного империализма встали британский представитель Локкарт, французский генконсул Гренар, начальник французской военной миссии генерал Лавернь, английский военно-морской атташе капитан Кроми и английский шпион Рейли. Активное участие в заговоре приняли генеральный консул Соединенных Штатов в Москве Пуль и американский посол Фрэнсис, а также посол Нуланс. Заговор иностранных дипломатов, являвшихся агентами мирового синдиката империалистов, ставил целью свержение Советского правительства и провозглашение военной диктатуры, убийство В. И. Ленина, Я. М. Свердлова и других советских руководителей. Заговорщики должны были опубликовать в целях «оправдания» своих действий поддельную переписку и фальшивые договоры между Советским и германским правительствами.

Заговорщики стремились спровоцировать на выступление латышских стрелков. Здесь они серьезно просчитались. Иностранные дипломаты и агенты начали, в частности, усиленную обработку Яна Буйкиса (Шмидхена), Яна Спрогиса, а также командира 1-го дивизиона латышских стрелков Эдуарда Берзиня. С ними неоднократно встречался английский атташе капитан Кроми, неофициальный представитель Англии Локкарт и, наконец, шпион Рейли¹.

---

¹ См. подробнее об этом: *Кравченко В.* Под именем Шмидхена. М., 1970.

Но они не знали, что Буйкис, Спрогис, Берзинь выполняли задание ЧК.

Во время одной из встреч Локкарта с Берзином и Шмидхеном английский представитель обещал финансировать заговор латышей и выдал им удостоверения с официальным гербом и печатью британской миссии с собственноручной подписью. В них было указано: «Британская миссия в Москве 17 августа 1918 г. Всем британским военным властям в России. Предъявитель сего... латышский стрелок направляется с ответственным поручением в британскую штаб-квартиру в России. Обеспечивайте ему свободный проезд и оказывайте всемерное содействие. Р. Локкарт. Британский представитель в Москве». А накануне на совещании Локкарта с французами, с генералом Лавернем и генконсулом Гренаром, было решено связать латышей с генералом Пулем в Архангельске и поручить оперативное руководство ими Сиднею Рейли¹.

Во время первой же встречи Рейли с Берзином английский разведчик предложил ему арестовать Советское правительство во время его заседания в Кремле. Этот план был им подробно разработан на последующих встречах. Сначала арестованное правительство во главе с В. И. Лениным предполагалось отправить в Архангельск. Но затем Рейли изменил план. Опасаясь огромного влияния Ленина на народные массы и не надеясь на конвойных, он предложил расправиться с вождем пролетарской революции сразу же. «Было бы более верным,— утверждал он,— Ленина после ареста немедленно расстрелять»². После ареста правительства и расстрела Ленина мятежники должны были захватить Государственный банк, Центральную телефонную станцию и телеграф, другие важные стратегические объекты.

Для осуществления этого плана Рейли передал Берзиню при первой встрече 700 тыс. руб.; по свидетельству Локкарта, 200 тыс. руб. из этой суммы были предоставлены американцами, а 500 тыс. руб. — французами. Англичане, со своей стороны, передали через Рейли 700 тыс. руб. 23 августа Берзинь получил еще 300 тыс. руб. На этой встрече была достигнута договоренность о совместной поездке Рейли и Берзиня в Петроград для согласования действий с английской военной группой на севере.

---

¹ См.: Локкарт Р. Бурия над Россией. Исповедь английского дипломата, с. 311.

² Известия ВЦИК, 1918, 3 сентября.

На другом совещании, происходившем 29 августа 1918 г. в Петрограде с участием Рейли, Кроми и других представителей иностранных миссий, шло обсуждение вопроса об укреплении связей с антисоветскими силами в Нижнем Новгороде и в Тамбове¹. Таким образом, заговор агентов мировой реакции принимал весьма широкие масштабы.

ВЧК осуществила упреждающие меры, направленные на прекращение контрреволюционных происков дипломатов-заговорщиков. Хотя расследование еще не было доведено до конца, ВЧК произвела 31 августа аресты и обыски в помещении британского посольства в Петрограде, где во время перестрелки был убит разведчик Кроми, а также в английском и французском консульствах и на конспиративной квартире британского представителя в Москве. Локкарта и его помощника капитана Хикса доставили в ВЧК, но затем освободили.

Совет Народных Комиссаров в обращении «Ко всему цивилизованному миру» заклеил позорную деятельность иностранных дипломатов в Советской России. «Неслыханные, чудовищные преступления совершаются на нашей земле,— говорилось в обращении.— Английская и французская буржуазия, кичащаяся своим мнимым демократизмом, взяла на себя задачу восстановления монархии в России... Англо-французскими шпионами кишмя кишат наши родные города. Мешки англо-французского золота употребляются на подкуп различных негодяев... Мы получили совершенно точные данные, что официальные английские представители готовят взрыв железнодорожных мостов около Званки и Череповца для того, чтобы отрезать нас от Перми и Вятки и тем оставить нас совсем без хлеба. Они готовят ряд взрывов наших фабрик и заводов, готовят крушения поездов, подготовили ряд террористических покушений... Мы не можем молчать, когда посольства превращаются в конспиративную квартиру заговорщиков и убийц; когда официальные лица, живя на нашей территории, плетут сеть кровавых интриг и чудовищных преступлений против нашей страны»².

В конце ноября — начале декабря 1918 г. советский суд рассмотрел дело Локкарта и его сообщников. К суду

---

¹ См.: Документы внешней политики СССР, т. 1, с. 725.

² Известия ВЦИК, 1918, 5 сентября.

Верховного революционного трибунала были привлечены 24 обвиняемых (четверо из них судились заочно — Локкарт, Гренар, Рейли и Вертимон). В приговоре Верховного революционного трибунала, вынесенном 3 декабря 1918 г., отмечалось, что «попытка контрреволюционного переворота была сопряжена с циничным нарушением элементарных требований международного права...»¹.

Так действовали иностранные миссии не только в центре страны, но и на ее окраинах, в частности в Закавказье и Средней Азии. Активную подрывную работу в Баку проводил английский вице-консул Мак Донелл. В июне 1918 г. его тайно посетил агент командующего английским отрядом генерала Маллесона капитан Тиг-Джонс, проявивший особый интерес к Каспийской военной флотилии и авиашколе, личный состав которых находился под влиянием эсеров. По мнению разведчика, персонал этих подразделений мог принять участие совместно с дашнакскими формированиями в готовившемся заговоре. В связи с этим Тиг-Джонс сообщил Мак Донеллу, что «новая политика» английского и французского правительств теперь направлена на поддержку всех антибольшевистских сил, которые объединяются по всем концам России, независимо от того, являются ли они монархистами или эсерами².

Английские агенты в Баку поддерживали связь со своими коллегами в Средней Азии, где действовала контрреволюционная «Туркестанская военная организация», находившаяся под их покровительством. Один из ее руководителей, бывший помощник генерал-губернатора Туркестана генерал А. П. Джунковский, бежавший после Октябрьской революции в Мешхед, был «пригрет» находящейся там английской миссией и направлен назад в Ташкент с задачей создания подпольной военной организации. Весной 1918 г. туда выехал английский разведчик майор Редл, а в Кашгар прибыла военная миссия под руководством полковника Р. Бейли.

Летом 1918 г. Джунковский совершил турне во Владикавказ, где получил указания от английского консула Пайка для себя и инструкции от Интеллидженс сервис для передачи Мак Донеллу в Баку. В них предписывалось не допустить использования нефтяных скважин большевиками и в случае необходимости содействовать

---

¹ Известия ВЦИК, 1918, 5 декабря.

² *Mac Donell R. ...And Nothing Long.* London, 1938, p. 216, 233.

их уничтожению. Одновременно сообщалось о предстоящей высадке около Баку отряда английского агента Бичерахова, поступавшего временно на советскую службу¹. Предатель был связан с генералом Денстервилем, с которым заключил соглашение относительно планов «дальнейших совместных действий»².

Заговорщики готовились начать свои выступления с 12 июня 1918 г. В этот день они намеревались устроить грандиозный митинг с участием вооруженных фронтовиков и представителей каспийской флотилии. Однако благодаря своевременно принятым мерам заговор был раскрыт, а его организаторы арестованы, хотя Мак Донеллу и удалось скрыться в Персию.

Тогда в июле 1918 г. английскому консулу в Кашгаре Джорджу Маккартнею было поручено совместно с полковником Р. Бейли и майором Блекером выехать в Ташкент для активизации подрывной работы³. Были установлены тесные контакты между штабом английских войск генерала Маллесона и руководителями «Туркестанской военной организации». Джунковский встречался с генералом, получил кредит в размере 22 млн. руб. и обещание, что в момент восстания контрреволюционеров их поддержит специальный отряд сипаев с пулеметами⁴. Прибывшая в Ташкент миссия в результате переговоров с «Туркестанской военной организацией» взяла на себя обязательство снабжать ее оружием, боеприпасами, деньгами, а в случае необходимости оказать и военную поддержку английскими войсками, находящимися в Персии. Заговорщики обещали, что государство, созданное в Средней Азии, будет существовать на правах английского доминиона, в котором англичане получают концессии на разработку природных богатств⁵.

Особую активность развил член миссии разведчик Бейли. Прибыв в Ташкент, он сразу же связался с консулом США Р. Тредуэллом и в дальнейшем действовал с ним в тесном контакте. Оба они стали готовить план

---

¹ Mac Donell R. „...And Nothing Long, p. 231—234.

² См.: Денстервиль. Британский империализм в Баку и Персии, с. 163.

³ См.: Гафурова К. А. Документы разоблачают.— Вопросы истории, 1970, № 8, с. 30—41.

⁴ См.: История СССР, 1965, № 1, с. 187.

⁵ См.: Зайцев И. М. Из недавнего пережитого.— Соловецкие острова, 1926, № 4, с. 61—62; Алескеров Ю. Интервенция и гражданская война в Средней Азии, Ташкент, 1959, с. 58.

«всеобщего выступления». Однако «Туркестанская военная организация» была разоблачена, а в конце октября Советское правительство, учитывая английское военное вторжение на советскую территорию и действия иностранных представителей во главе с Локкартом в Москве, дало указание интернировать всех подданных бывших «союзных» государств. В связи с этим английской миссии пришлось быстро ретироваться из Туркестана, где определенное время еще тайно пытался действовать полковник Бейли. Не добившись результатов в подрывной работе, он в февралю 1919 г. бежал в Мешхед.

Таким образом, с первых же дней Октябрьской революции самые разные иностранные представители империалистических держав, официальные и неофициальные, дипломаты и тайные агенты представляли вместе активную антиреволюционную силу, подстрекающую и организующую российскую контрреволюцию на сопротивление революционной народной власти. Все они в той или иной мере являлись участниками антисоветских заговоров и мятежей, готовили и проводили террористические акции против деятелей партии большевиков. С каждым месяцем усиливая материальную и финансовую поддержку различных сил внутренней контрреволюции, наводняя страну своими миссиями и агентами, мировая реакция пыталась создать еще один, внутренний фронт борьбы против Советской власти в годы гражданской войны.

2. ПОДПОЛЬНАЯ ГВАРДИЯ ИНТЕРВЕНТОВ

Армии этого фронта формировались прежде всего из представителей свергнутых эксплуататорских классов, испытывавших жгучее чувство классовой ненависти к побеждающему народу. Осиные гнезда контрреволюционного подполья, финансируемые, снабжаемые, руководимые «политическими синдикатами» мирового империализма, плели заговоры, поднимали мятежи, проводили диверсии и террористические акции, стремясь подорвать Советскую власть изнутри. Контрреволюционные заговорщики отличались особо злобным отношением к революционному строю. Во имя его уничтожения они готовы были служить любому иностранному правительству — от США до Германии и Японии.

С марта 1918 г. в Москве начал действовать Правый центр, который объединил представителей развалившегося совещания общественных деятелей, торгово-промыш-

ленного комитета, помещичьего союза земельных собственников и деятелей правого крыла кадетской партии¹. Во главе его стояли бывший царский министр земледелия и кандидат в премьеры А. В. Кривошеин, бывший член Государственного совета В. И. Гурко, кадеты П. И. Новгородцев, Н. И. Астров, С. М. Леонтьев и др. Организация эта намеревалась реставрировать в стране монархию. С этой целью организация готовила восстание в Москве, для чего создавалась специальная военная группа из офицеров во главе с генералом Довгартom. В Центр «входили,— по признанию кадета Н. Н. Щепкина,— представители течений правых и самых крайних правых» кругов российской контрреволюции².

Одна часть их тяготела к Антанте, но большинство высказывалось за ориентацию на кайзеровскую Германию. В конце концов группа, ориентирующаяся на Германию, настояла на том, чтобы Правый центр летом 1918 г. начал переговоры с немецким посольством в Москве. Встречаясь с советником посольства К. Ритцлером, представители Центра обговаривали возможность «оккупации Центральной России, свержения Советской власти и образования дружественного Германии правительства»³. Встречались они и с германским послом графом В. Мирбахом, который пристально следил за перегруппировкой сил в лагере монархистов. 20 июня 1918 г. он в донесении рейхсканцлеру Г. Гартлингу сообщал, в частности, что «многочисленные праздношатающиеся личности, носители древних фамилий и бывших титулов, владельцы крупных фирм или латифундий ежедневно появляются здесь. Они клянутся в своих германофильских чувствах и вымаливают помощь против большевиков»⁴. Один из кадетских лидеров, князь П. Д. Долгоруков, признавал, что реакционеры буквально осаждали германское посольство, выпрашивая у Мирбаха военной помощи для свержения Советского правительства. Некоторые из них как плату за это предлагали Россию «лет на пятьдесят в германскую провинцию»⁵.

---

¹ См.: *Иоффе Г. З.* Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977, с. 100—106, 111.

² См.: Красная книга ВЧК, М., 1922, т. 2, с. 311.

³ Там же, с. 25.

⁴ Документы германского посла в Москве Мирбаха.— Вопросы истории, 1971, № 9, с. 126.

⁵ *Долгоруков П. Д.* Национальная политика и партия народной свободы, Ростов-на-Дону, 1919, с. 8.

Немцы обещали помощь Центру в зависимости от того, как скоро и активно его силы начнут действовать в Москве. Выступление было намечено на июнь 1918 г., в связи с чем наряду с офицерской организацией генерала Довгарта предполагалось использовать германских военнопленных, которые под командованием русских офицеров должны были захватить наиболее важные объекты в Москве и продержаться там до подхода германских войск из Орши. Заговор был сорван ВЧК, да и немцы, со своей стороны, еще не решались на открытую поддержку внутренней контрреволюции и разрыв с Советской Россией. От активных действий в этом направлении Германию удерживало главным образом стремление извлечь побольше выгод из Брестского мира, а также сомнение в реальной силе антисоветского подполья.

Постепенно среди некоторых членов Правого центра усилилась проантантовская линия, в результате после конференции кадетской партии часть кадетов (Н. Н. Щепкин, Н. И. Астров, А. В. Карташев и др.) вышла из его состава и образовала более «левую» организацию, ориентирующуюся на Антанту, — Национальный центр¹. Как и Правый центр, новая организация располагала довольно крупными военными силами в Москве. Во главе так называемой «Добровольческой армии» Московского района стояли генерал Н. Н. Стогов и полковник В. В. Ступин. По свидетельству одного из офицеров этой подпольной «армии», в ней преобладали «убежденные противники принципов Советской власти»².

Наряду с этими контрреволюционными центрами весной — летом 1918 г. действовал в Москве и Петрограде «Союз возрождения России», объединявший кадетов, эсеров, меньшевиков и народных социалистов. К нему примыкали и члены плехановской группы «Единство». Союз, как и вышеназванные центры, готовил свержение Советской власти, но в отличие от их планов установления конституционной монархии намеревался созвать съезд всех местных антисоветских правительств и сформировать на нем директорию.

Для подготовки мятежа союз сформировал военный центр, руководивший создаваемыми офицерскими организациями. Как сообщал один из его лидеров, эсер А. Аргунов, выступление планировалось к моменту «появления

¹ См.: *Иоффе Г. Э.* Крах российской монархической контрреволюции, с. 111—113.

² Красная книга ВЧК, т. 2, с. 293.

более или менее серьезной силы из союзных армий». С целью координации антисоветских действий были установлены связи с иностранными дипломатами. Тот же Аргунов указывал, что «Союз возрождения России» с момента своего возникновения имел частые контакты «с представителями союзных миссий, находившихся в Москве, Петрограде и Вологде, главным образом при посредничестве французского посла г. Нуланса. Представители союзников были подробно ознакомлены с задачами союза и его составом и неоднократно выражали свою готовность всячески ему содействовать»¹. Находились эмиссары союза и за границей, в частности, «возрожденцы» Миллер и Шмурло вели переговоры в мае 1918 г. с американским послом в Италии Пейджем. Деятельность союза вызвала глубокий интерес у госсекретаря Соединенных Штатов Р. Лансинга².

Заинтересованность союзников в существовании союза обеспечила ему и финансирование с их стороны. То, что денежные средства поступали от союзнических миссий, было признано одним из руководителей военной организации союза, существовавшей в Петрограде, генералом А. И. Верховским. Последний встречался с главой французской военной миссии генералом Нисселем, а деньги поступали через кассира штаба организации генерала М. Н. Суворова³. Существование французских источников финансирования было подтверждено и лидером «Союза возрождения России» В. Мякотиным⁴.

Среди всего конгломерата контрреволюционных организаций наибольшую активность развила группировка во главе с бывшим эсеровским боевиком, ставшим наймитом англо-французского империализма, Б. Савинковым. Опасаясь близкого соседства генералов, продолжавших видеть в нем убийцу царских сановников, Савинков покинул в начале 1918 г. Дон и вернулся в Петроград, где сразу же установил контакты с представителями иностранных посольств и военных миссий. Весной 1918 г. Савинков прибыл в Москву для организации контрреволюционного государственного переворота.

---

¹ Аргунов А. Между двумя большевизмами, Париж, 1919, с. 4—7.

² См.: Соловьев О. Ф. Великий Октябрь и его противники, с. 202.

³ См.: Голышков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. Кн. 1, с. 128.

⁴ См.: Мякотин В. Из недалекого прошлого, с. 188—190.

Деятельная поддержка Савинкова со стороны иностранных империалистических кругов позволила ему довольно быстро сколотить контрреволюционную организацию с претенциозным названием «Союз защиты родины и свободы». В основном он состоял из белого офицерства и буржуазного студенчества. В нем объединились и кадеты, и эсеры, и энесы, и даже монархисты. Савинков сам признавал, что «партийная принадлежность была для нас безразлична», а во главе стояли «я, независимый социалист; генерал-лейтенант Рычков, конституционный монархист; полковник Перхуров, конституционный монархист...»¹.

Ближайшими задачами «Союза защиты родины и свободы» провозглашались: свержение Советского правительства, установление единоличной военной диктатуры и продолжение войны с Германией в союзе с державами Антанты².

Особенно тесные отношения у савинковцев установились с французами, от которых Савинков получил около 2,5 млн. руб. «Французы,— признавался Савинков,— знали подробно о всех ресурсах, которыми мы располагали. Переговоры с французами вел Деренталь. Я лично раза два, а может быть, и четыре видел Гренара и Лаверня, военного французского представителя. Деньги французы давали мне в мое распоряжение»³. Был связан Савинков и с английским представителем Б. Локкартом и шпионом С. Рейли. Не отказывал в субсидиях и чехословацкий национальный Совет, находившийся в полной зависимости от Антанты. В начале марта 1918 г. в Москве, в отеле «Националь», состоялась встреча Савинкова с Т. Масариком. После этого в дневнике последнего появилась довольно любопытная запись, вскрывавшая планы мировой реакции в отношении молодого Советского государства. «Имеются организации по городам,— отмечал Масарик.— Будут вести переговоры с Клецандой, Максой»⁴. Далее Масарик перечислил условия помощи: «а) скупать хлеб... б) в случае чего — «хлебный террор», в) политический террор». Здесь же содержалось интересное сравнение, вскрывавшее цель субсидий: «Террор: покушение

---

¹ Савинков Б. В борьбе с большевиками, Варшава, 1920, с. 24—25.

² См.: Красная книга ВЧК, т. 1, с. 16—17.

³ Дело Бориса Савинкова. М., 1924, с. 38.

⁴ Клецанда — секретарь филиала Чехословацкого национального совета в России, Макса — заместитель председателя этого филиала.

на великого князя Сергея стоило всего 7 тыс. рублей, Плеве — 30 тыс. Я могу предоставить некоторые финансовые средства Шипу...»¹ Вскоре Савинков получил от Масарика 200 тыс. руб. Они предназначались, как можно заключить из масариковских аналогий, для проведения террористических актов против членов Советского правительства и видных деятелей большевистской партии.

В мае 1918 г. подготовка к мятежу вступила в заключительную стадию. 26 мая английский представитель Локкарт телеграфировал об этом своему руководству в Лондон. В телеграмме содержались столь важные сведения, что о них было сразу же доложено королю Великобритании и членам ее военного кабинета. Локкарт сообщал: «Сегодня я имел продолжительный разговор с одним из агентов Савинкова. Этот человек — я знаю его в течение многих лет, и ему можно абсолютно доверять — заявил, что контрреволюционные планы Савинкова всецело направлены на осуществление союзной интервенции. Французская миссия полностью поддерживает эти планы и заверяет в том, что решение об интервенции полностью поддерживается. Савинков предлагает убить всех большевистских лидеров в момент высадки союзников и сформировать правительство, которое в действительности будет военной диктатурой»². Далее Локкарт указывал, что, по словам агента, Савинков под нажимом французов считает необходимым проведение «акции» безотлагательно и готов действовать немедленно.

К этому времени агенты Савинкова проникли на работу в некоторые советские и военные учреждения. Савинковцами была проведена предварительная разведка города: выявлено местонахождение различных советских учреждений, размещение воинских частей Красной Армии, воинских и продовольственных складов и т. д. Боевики «Союза» организовали бандитские налеты и грабежи.

Специальная террористическая группа разрабатывала злодейский план покушения на В. И. Ленина. За вождем большевистской партии и руководителями Советского государства была организована слежка с целью подбора места для покушения.

---

¹ Документы об антинародной и антинациональной политике Масарика, с. 20.

² Цит. по: Волков Ф. Д. Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит, с. 58.

Усилия Савинкова в Москве не увенчались успехом. 29 мая ВЧК арестовала штаб одного из «полков» московской организации «Союза», и заговор удалось раскрыть. К вечеру 30 мая в Молочном переулке и на других явках города было арестовано около ста «защитников родины и свободы». Однако членам главного штаба полковнику А. П. Перхурову, А. А. Дикгоф-Деренталю (кстати, раньше бывшему унтер-офицером французской армии), доктору Д. С. Григорьеву (близкому к плехановской группе «Единство»), полковнику Яну Бреде (завербованному «Союзом» командиру советского латышского полка) и некоторым другим удалось скрыться и бежать из Москвы¹.

Методы диверсий и террора использовали и социалисты-революционеры. Состоявшийся в середине мая 1918 г. VIII совет этой партии высказался за интервенцию Антанты, за свержение Советов как органов государственной власти и за созыв нового Учредительного собрания. По сути дела, совет партии эсеров поддержал линию кадетского ЦК, подтвердившего на заседании 26 апреля 1918 г. курс, взятый на разжигание гражданской войны в стране. В передовой статье газеты «Правда» отмечалось в связи с этим, что партия эсеров добивается в блоке с кадетами вмешательства империалистических государств во внутренние дела РСФСР и пытается встать во главе черносотенных мятежей против Советской власти².

Эсеровский ЦК санкционировал создание в Петрограде так называемого центрального боевого отряда, который должен был организовать ряд покушений на деятелей большевистской партии. Первыми жертвами наметили комиссара по делам печати, пропаганды и агитации, члена Президиума ВЦИК В. М. Володарского и председателя Петроградской ЧК М. С. Урицкого. 20 июня 1918 г. эсеровский террорист Сергеев убил Володарского. Затем одна группа террористов стала готовить покушение на Урицкого, другая выехала в Москву, где встретилась с членом ЦК партии эсеров Гоцем, давшим эсеровским боевикам задание осуществить злодейское убийство вождя социалистической революции В. И. Ленина³. Мелкобуржуазные демократы, продолжавшие именовать

---

¹ См.: Красная книга ВЧК, т. I, с. 17—20; Пролетарская революция, 1924, № 10, с. 15—17.

² См.: Правда, 1918, 22 мая.

³ См.: Семенов (Васильев) Г. Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917—1918 гг., с. 31—33, 36.

себя «социалистами-революционерами», превратились в партию убийц подлинных народных революционеров.

Союзники, оказывая контрреволюционному подполью всемерную поддержку, требовали от него решительных выступлений. По свидетельству генерала Деникина, «союзнические миллионы пошли на политическую работу центров, открытие провинциальных отделений и отчасти на образование каждым из них вооруженной силы, преимущественно офицерского состава...»¹.

Французский посол Нуланс всячески пытался активизировать деятельность подпольной гвардии контрреволюции в центре России. Переговоры с белогвардейскими организациями вели представители западных держав Локкарт, Пуль, Лавернь, Гренар.

При содействии представителей держав Антанты Национальный центр и «Союз возрождения России» выработали общую политическую платформу и согласовали ее с «Союзом защиты родины и свободы». Правда, центр усомнился в целесообразности проведения мятежа в данный момент, но Савинков, ссылаясь на союзников, настаивал на его немедленном проведении. «Операция, правда, не совсем подготовлена,— говорил он,— но французы торопят, а действия, раз начавшиеся, могут развиваться стихийно и восполнить пробелы». Через несколько лет, давая показания на суде, Савинков сообщил, что он получил через Лаверня и Гренара указание от посла Нуланса захватить силами его организации города Ярославль, Рыбинск, Кострому и Муром. При этом Нуланс просил «продержаться только 4 дня, после чего они двинут свой десант», который должен был высадиться в Архангельске в начале июля². Для реализации этого указания французы выдали савинковцам 2 млн. руб. Крупные суммы получил также Национальный центр — 1 млн. руб. от Гренара и столько же от Локкарта. Еще раньше центр получил 2,5 млн. руб. от французов³.

Действуя по указке представителей Антанты, савинковский «Союз защиты родины и свободы» совместно с другими белогвардейскими организациями поднял мятеж.

В ночь на 6 июля в Ярославле, 7 июля в Рыбинске и 8 июля в Муроме начались вооруженные антисоветские

---

¹ Деникин А. Очерки русской смуты, т. 3, с. 78.

² См.: Дело Бориса Савинкова, с. 37—39.

³ См.: Борис Савинков перед военной коллегией Верховного суда СССР, Полный отчет по стенограмме суда, М., 1924, с. 146—147.

выступления. Ими руководили избежавшие ареста в Москве главари «Союза защиты родины и свободы». В Ярославле восстание возглавил начальник штаба «Союза» полковник Перхуров, в Рыбинске — начальник отдела разведки Ян Бреде, приезжали в Рыбинск для активизации действий и Савинков с Дикгоф-Деренталем, в Муроме действиями заговорщиков руководили военврач Григорьев и полковник Сахаров. Пытались предпринять активные выступления контрреволюционеры и в других городах (Владимире, Вологде, Арзамасе и т. д.).

В этот момент предательский удар в спину социалистической революции нанесли левые эсеры, вставшие после Брестского мира на путь вооруженной борьбы и террора против Советской власти. «Наша партия,— провозглашала левозеро́вский лидер Спиридонова,— должна взять на себя, товарищи, все бремя восстания, на которое мы будем звать все массы, будем поджигать, подстрекать и организовывать»¹.

6 июля, спустя несколько часов после начала белогвардейского мятежа в Ярославле, воспользовавшись обострением внутреннего положения в стране, левые эсеры подняли мятеж в Москве. В 2 часа дня проникшие в германское посольство левые эсеры Блюмкин, начальник отделения ВЧК по охране посольств, и фотограф секретного отдела ВЧК Андреев убили германского посла графа Мирбаха. Штаб восстания, расположившийся в Трехсвятительском переулке в особняке Морозова, обладал силами примерно в 1800 стрелков и 80 кавалеристов и имел 4 броневика, 48 пулеметов и 8 орудий². Мятежники предприняли обстрел Кремля из орудий, но продвинуться к центру не смогли. Части Красной Армии и срочно вооруженные отряды рабочих преградили дорогу левозеро́вским предателям. Уже к концу следующего дня мятеж был ликвидирован.

В этот же день, 7 июля, В. И. Ленин в беседе с сотру́дниками «Известий ВЦИК» подчеркнул: «Преступный террористический акт и мятеж совершенно и полностью открыли глаза широких масс народа на то, в какую бездну влечет народную Советскую Россию преступная тактика левозеро́вских авантюристов.

И если кто радовался выступлению левых эсеров и злорадно потирал руки, то только белогвардейцы и при-

¹ Цит. по: *Спирин Л. М.* Крах одной авантюры. М., 1971, с. 20.

² См.: *Гусев К. В.* Партия эсеров; от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции, с. 263—264.

служники империалистической буржуазии»¹. И действительно, представитель Антанты, развернувший активную подрывную деятельность в Советской России, Локкарт неоднократно телеграфировал в Лондон о том, что во время левозсеровского мятежа и белогвардейских выступлений в Ярославле и других городах в Москве происходили секретные совещания и встречи с лидерами кадетов и эсеров, бывшими министрами и генералами, офицерами и деятелями контрреволюционного Национального центра. И, по-видимому, не случайно Савинков показал на суде, что убийство Мирбаха «было сделано при известном участии французов»². Оба мятежа являлись звеньями одной антисоветской цепи, которая ковалась мировой реакцией.

Одновременно Советское правительство приложило все усилия к ликвидации белогвардейского мятежа в городах Верхнего Поволжья. Лишь в Ярославле контрреволюционеры продержались 16 дней.

Захватив часть города, мятежники начали беспощадный террор. Везде разыскивались советские и партийные работники, над которыми учинялись зверские расправы. Так погибли комиссар военного округа большевик С. М. Нахимсон, председатель исполкома городского Совета Д. С. Закгейм и многие другие. Более двухсот арестованных коммунистов и советских работников были свезены на «баржу смерти», поставленную на якорь посередине Волги, близ впадения в нее реки Которосли, и обречены на голодную смерть. При попытках узников бежать с баржи их расстреливали с берега. Лишь на тринадцатый день, когда от голода и мучений погибла половина заключенных, оставшимся удалось сняться с якоря и увести баржу в сторону расположения частей Красной Армии.

Террор в Ярославле, развязанный белой гвардией по прямой указке мировой реакции, привел к сотням жертв и нанес жителям огромный ущерб. Мятежники превратили Ярославль из «чистого, уютного и красивейшего волжского города, — как отмечалось в отчете о разрушениях, — в грязный, наполовину уничтоженный город с громадными площадями-кладбищами, покрытыми развалинами и остатками пожарищ»³.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 518—519.

² Дело Бориса Савинкова, с. 40.

³ Клименко В. А. Борьба с контрреволюцией в Москве. 1917—1920 гг., М., 1978, с. 94.

Разгром мятежа в Ярославле, как и пресечение выступлений подпольной гвардии контрреволюции в других городах, в том числе и в Москве, сорвал замыслы мировой реакции соединить в единый антисоветский фронт войска интервентов на севере с мятежным чехословацким корпусом на востоке. Ликвидация «Союза защиты родины и свободы» выбила еще одно звено в общей цепи многочисленных заговоров контрреволюции против Советской власти.

В контрреволюционной войне против Советской России с лета 1918 г. объединились все силы внешней и внутренней реакции. Многочисленные белогвардейские армии совместно с войсками империалистических государств наступали на молодое социалистическое государство со всех границ России. В центре страны действовало антисоветское подполье, стремившееся всеми мерами взорвать изнутри советскую оборону и тем самым открыть путь на Москву и Петроград вооруженным силам объединенной реакции. Ф. Э. Дзержинский отмечал, что это «был период самой острой и беспощадной борьбы с раскрываемыми контрреволюционными организациями... период самой напряженной внутренней борьбы с теми, которые поддерживались и опирались на союзных империалистов»¹.

Группа эсеровских террористов, прибывшая в Москву из Петрограда после убийства Володарского, под руководством боевика Семенова начала слежку за В. И. Лениным. Город был разбит на несколько секторов, в каждый из которых назначался террорист-исполнитель. Среди них была Ф. Каплан, привлеченная к группе Семенова уже в Москве. 30 августа 1918 г., приблизительно в 7 часов вечера, в Замоскворецком районе Москвы, на заводе Михельсона (ныне завод имени Владимира Ильича), Ленин выступал на митинге рабочих с докладом «Две власти (диктатура пролетариата и диктатура буржуазии)». После выступления, когда Ленин, окруженный беседующими с ним рабочими, шел к автомобилю, раздались три выстрела. Двумя пулями был тяжело ранен Владимир Ильич, третья — попала в разговаривавшую с ним участницу собрания М. Г. Попову. Арестованная на месте преступления Каплан созналась в совершенном злодеянии и заявила, что признает лишь власть самарского Комуча (Комитета учредительного

---

¹ Из истории ВЧК, 1917—1921 гг., с. 253.

собрания) и «одобряет действия англичан и французов»¹.

В тот же день, 30 августа, несколькими часами раньше, бывший юнкер Михайловского артиллерийского училища, студент Политехнического института Л. Каннегисер по заданию подпольной группы Филоненко застрелил председателя Петроградской ЧК М. С. Урицкого.

Преступления контрреволюции вызвали огромное возмущение трудящихся масс, требовавших покончить с кровавыми происками реакции. 31 августа в газетах было опубликовано сообщение ВЦИК о покушении на В. И. Ленина. ВЦИК призвал трудящихся усилить борьбу с контрреволюцией и объявил, что «на покушения, направленные против его вождей, рабочий класс ответит еще большим сплочением своих сил, ответит беспощадным массовым террором против всех врагов Революции»².

Советское правительство рассматривало красный террор как временную исключительную акцию в ответ на кровавый террор реакции. Проведенный в начале сентября 1918 г. против контрреволюционного подполья, в дальнейшем он в таком виде никогда больше не применялся. Диктатура пролетариата на деле показывала свою гуманность, несмотря на подчас весьма тяжелую обстановку в стране.

Потеряв значительную часть своих кадров в борьбе против Советской власти, враги не сложили оружие и пытались перегруппироваться и продолжать подрывную деятельность.

Зимой 1918/19 г. Национальный центр, стремившийся к объединению всех сил контрреволюции, вошел в контакт с существовавшей в Москве военной белогвардейской организацией, ранее связанной с Правым центром, так называемым штабом Добровольческой армии Московского района³.

В это же время происходит сближение лидеров Национального центра с руководством «Союза возрождения России» и совета общественных деятелей. В марте 1919 г. Н. Н. Щепкин сообщал своим единомышленникам в Екатеринодар: «Необходимость соглашения назрела во всех политических кругах, борющихся с большевизмом и советской диктатурой. Такое соглашение состоялось между Союзом возрождения, Национальным

¹ Известия, 1918, 1 сентября.

² Декреты Советской власти, т. 3, с. 266.

³ См.: Красная книга ВЧК, т. 2, с. 18.

центром и Советом общественных деятелей, а через него направо с организацией монархистов-конституционалистов»¹. Так возник Тактический центр, представлявший собой координационную комиссию, пытавшуюся направлять деятельность вышеназванных организаций.

Летом 1919 г. Национальный центр через свою петроградскую организацию вступил в контакт с английским разведчиком в России Полем Дюксом. В июне Дюкс тайно посетил Москву, где встречался с главой центра Н. Н. Щепкиным и обещал ему субсидии в размере 500 тыс. руб. ежемесячно. Приезжал в Москву и начальник деникинской разведки полковник Хартулари, который выступал перед лидерами Национального центра.

На поддержание «пятой колонны» в столице Советской Республики белогвардейские главнокомандующие с ведома своих иностранных хозяев тратили большие средства. Расходы контрреволюционного подполья покрывались за счет крупных сумм, доставлявшихся от Колчака (отделения Национального центра в Москве и Петрограде получили от него 25 млн. руб.) и от Деникина (Астров, вернувшийся из-за границы, сообщал в Москву, что «нужные кредиты будут открыты. Пока можете располагать до 100 тыс. руб. в месяц»)².

Основная часть денег шла на подрывную работу и подготовку восстаний, которые должны были начаться во время решающих наступлений белогвардейских армий на Петроград и Москву. Штаб Добровольческой армии Московского района разработал и согласовал с Национальным центром план восстания в столице. «Пятая колонна» надеялась захватить Москву хотя бы на несколько часов, завладеть мощными московскими радиостанциями и телеграфом и оповестить фронты о падении Советского правительства, чем внести замешательство в ряды Красной Армии и открыть войскам Деникина путь на столицу³.

Разрабатывался план восстания и в Петрограде. Готовился он подпольной военной организацией, связанной с петроградским отделением Национального центра и английской резидентурой. Организация распространила свои действия на Кронштадт, Ораниенбаум, форты Красная Горка и Красное Село. Ближайшей задачей контр-

---

¹ Борьба за Россию (Париж), 1927, № 10, с. 5.

² Думова Н. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром, с. 267.

³ См.: Дзержинский Ф. Э. Избранные произведения, 1897—1923 гг., М., 1957, т. 1, с. 282—283.

революционеры ставили подготовку мятежей на важнейших подступах к Петрограду — в Кронштадтской крепости и на фортах Красная Горка, Обручев и др. с целью сдачи их наступавшим белогвардейским войскам. Затем по замыслам заговорщиков мятежники с форта Красной Горки, при поддержке английской эскадры, вошедшей в Неву, должны были ударить на Гатчину, перерезать Николаевскую железную дорогу, связывавшую Петроград с Москвой, и занять совместно с войсками Юденича город¹.

В ночь на 13 июня начался антисоветский мятеж в форте Красная Горка, защищавшем подступы к Петрограду. Командный состав форта во главе с комендантом, бывшим поручиком Неклюдовым, спровоцировал часть гарнизона на мятеж. Одновременно выступили заговорщики в фортах Серая Лошадь и Обручев.

Мятежники на Красной Горке арестовали 350 коммунистов и активных беспартийных, в том числе и председателя Кронштадтского Совета М. М. Мартынова. Коммунистов заперли в бетонированный каземат, а затем часть из них расстреляли.

Мятеж создавал угрожающую ситуацию. Враг стоял на пороге Петрограда. Его надо было защитить любой ценой.

Штаб внутренней обороны города принял решительные меры к разгрому заговорщиков. 12 и 13 июня с 10 часов вечера до 7 часов утра в городе и его окрестностях были произведены массовые обыски в подозреваемых домах, учреждениях, в некоторых посольствах и консульствах. Под руководством заместителя председателя ВЧК Я. Петерса в них наряду с чекистами приняли участие свыше 15 тыс. рабочих, красноармейцев и матросов. Были найдены и изъяты пулеметы, свыше 6,5 тыс. винтовок, почти 142 тыс. патронов, 644 револьвера, бомбы, пироксилиновые шашки, различное военное снаряжение. В помещении румынского посольства даже нашли орудие.

Во время обысков были обнаружены многочисленные документы (донесения, шпионские сводки, письма белогвардейским штабам и т. п.), которые указывали на существование широко разветвленной подпольной контрреволюционной организации, направляемой Национальным центром и иностранными представителями.

---

¹ См.: Правда, 1919, 18 июня.

С середины лета 1919 г. активизировалась «пятая колонна» в Москве. 22 августа Щепкин доносил в денкинскую ставку, что недели через две ими будет предпринята попытка захватить столицу.

В этот же день заместитель начальника Особого отдела ВЧК И. П. Павлуновский представил В. И. Ленину доклад, в котором сообщалось о раскрытии контрреволюционного Национального центра. «В настоящий момент,— подчеркивалось в нем,— мы имеем уже в руках нити центральной организации»¹. На следующий день, 23 августа, Ленин в записке Дзержинскому указал на то, что на ликвидацию контрреволюционного подполья следует обратить «сугубое внимание. Быстро и энергично и пошире надо захватить»²,— подчеркнул он.

Была разработана и проведена операция по обезвреживанию врагов революции. В начале сентября 1919 г. в Москве было введено военное положение, создавались отряды особого назначения, которые использовались ВЧК для проведения облав и ареста контрреволюционеров. ВЧК сообщала, что массовые обыски оздоровили обстановку в городе и позволили изъять значительное количество спрятанного оружия. Тогда же были обнаружены подпольная типография, имевшая четыре плоскопечатные машины, готовый набор номера контрреволюционной газеты и тысячи листовок антисоветского содержания.

В ночь на 19 сентября 1919 г. ВЧК арестовала штаб Добровольческой армии Московского района. Было обезврежено около 700 контрреволюционеров. Заговор удалось ликвидировать.

Нанеся сокрушительные удары по контрреволюционному подполью в Петрограде и Москве, ВЧК в обращении «Ко всем гражданам Советской России!», опубликованном 23 сентября 1919 г., дала убийственную характеристику его руководителям: «Рабочие! Посмотрите на этих людей! Кто собрался вас продать и предать? Тут и кадетские домовладельцы... офицеры и генералы... бывшие князья, бароны и зашудалые правые меньшевики. Князь Андронников, друг Распутина и Николая, обвинявшийся в германском шпионаже, кадет Щепкин, председатель Национального центра, генерал Махов³, барон

¹ В. И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917—1922 гг.). М., 1975, с. 249.

² Ленинский сборник XXXVII, с. 167.

³ Генерал М. М. Махов.

Штремберг и меньшевик Розанов, попавший в засаду на квартире истинно русского шпиона Вильгельма Штейнингера,— все смешалось в отвратительную кучу разбойников, шпионов, предателей, продажных слуг английского банка»¹.

В разгар борьбы с белогвардейским подпольем решили использовать напряженное для Советской власти положение анархистские террористы. Они намеревались осуществить целый ряд террористических актов и один из них — взрыв здания Совета Народных Комиссаров — приурочить ко второй годовщине Октябрьской революции. Для этого они пытались неоднократно проникнуть в Кремль, изучали распорядок дня и места проведения правительственных заседаний. Из Брянска в Москву было доставлено несколько сот килограммов взрывчатки.

25 сентября вечером, около 9 часов, в зал старинного особняка в Леонтьевском переулке, где размещался МК РКП(б) и где шло собрание, на котором должен был присутствовать В. И. Ленин, через окно небольшого балкона анархистами была брошена самодельная бомба. В результате взрыва погибло 12 человек, в том числе и секретарь МК РКП(б) В. М. Загорский, и было ранено 55 человек (среди них Ем. Ярославский, М. С. Ольминский, М. Н. Покровский и другие видные деятели партии).

В октябре 1919 г., когда войска Юденича во второй раз подошли к Петрограду, в советском тылу вновь активизировалось контрреволюционное подполье. Кадеты не оставляли надежды на то, что удастся сорвать оборону города изнутри силами оставшейся на свободе части Национального центра и его подпольной военной организации. В нее входили буржуазные военспецы, служившие в Красной Армии.

Многие из них являлись агентами английской шпионской сети, созданной английским разведчиком П. Дюком. Она состояла из двух групп: одну возглавлял начальник Ораниенбаумского воздушного дивизиона Б. П. Берг, по заданию которого летчики отряда со шпионскими донесениями перелетали в Финляндию, другую — бывший агент царской контрразведки И. Р. Кюрц. Военная организация Национального центра наряду с подрывной работой вела активный сбор разведыватель-

---

¹ Дзержинский Ф. Э. Избранные произведения. 1897—1923, т. 1, с. 283; Известия ВЦИК, 1919, 23 сентября.

ной информации в пользу стран Антанты. Параллельно с Дюксом действовал резидент французской разведки Э. Бажо, агентами которого являлись почти все те же антисоветчики.

Центральной фигурой подпольной военной организации являлся полковник Люндеквист — начальник штаба 7-й Красной Армии.

Однако планы агентов Антанты и контрреволюционеров провалились. 25 ноября 1919 г. «Петроградская правда» опубликовала сообщение ВЧК о раскрытии белогвардейского заговора в Петрограде, в котором принимали участие «крупные сановники царского режима, некоторые генералы, адмиралы, члены партии кадетов, Национального центра, а также лица, близкие к партии эсеров и меньшевиков». В сообщении подчеркивалось, что деятельность контрреволюционеров протекала под бдительным наблюдением агентов Антанты, которые руководили всем делом шпионажа, финансировали заговор и держали в руках все его нити.

3. ТАЙНАЯ ВОЙНА

Потерпев поражение на военных фронтах, империалистические силы не отказались от своих целей и пытались продолжать борьбу против Советского государства. В ход было пущено уже не раз испытанное оружие — заговоры, мятежи, диверсии, террор. В условиях, когда лидеры капиталистических стран начинали мирные переговоры с РСФСР, когда шла речь о расширении политических и экономических контактов, эти лидеры продолжали яростную антисоветскую борьбу.

За рубежом при поддержке империалистических кругов действовали десятки эмигрантских антисоветских организаций, занимавшихся подрывной деятельностью против Советской Республики: «Союз освобождения России», «Административный центр», «Народный союз защиты родины и свободы», «Центр действия» и др. Заручившись помощью западных держав, российская контрреволюция сохраняла на границе с Советской Россией различные воинские формирования. Почти до конца 1921 г. оставались на лагерном положении в Турции остатки армии барона Врангеля, готовые к боевым действиям. В феврале 1921 г. в ее трех корпусах насчитывалось более 48 тыс. человек, причем значительную их часть

составляли офицеры¹. В Польше, Чехословакии, Румынии и Болгарии отряды, подчинявшиеся Петлюре и Савинкову, насчитывали летом 1921 г. приблизительно 75 тыс. человек². Военные соединения сохранялись и на южных границах Советской России: в Западном Китае, в Синьцзянской провинции, граничащей с Туркестаном, собрались в городе Кульдже атаман Дутов, генералы Щербаков и Бакич, несколько дальше расположился знаменитый грабежами и зверствами атаман Анненков. Остатки белых армий насчитывали в этом районе до 5 тыс. казаков и офицеров³. На границе с Монголией действовали барон Унгерн и атаман Семенов.

После разгрома генерала Врангеля мировая реакция продолжала строить планы новых сражений. Многие ее представители полагали, что вновь собранная армия сможет начать наступление на Советскую Россию. Проживший долгие годы в эмиграции Л. Любимов привел в своих воспоминаниях выдержки из письма, которое он, будучи работником консульского отдела русской дипломатической миссии в Софии, написал своему другу в Париж 17 ноября 1920 г.: «Итак, Вандея раздавлена. И нужно поставить на этом крест... Но едва успели пасть перекопские укрепления, как уже всюду стали говорить о Савинкове... О десанте из Одессы и т. д.»⁴.

В конце 1920 г. в белоэмигрантской печати широко освещался план организации совместного немецко-белогвардейского похода против большевиков, предложенный немецкими генералами Э. Людендорфом и М. Гофманом. Последний в «Записке», опубликованной лондонской газетой «Дейли телеграф», предлагал создать объединенную армию численностью 1300 тыс. человек. При этом он подчеркивал, что в целях гарантии реставрации монархии немецкие войска могут остаться в России на длительный срок⁵.

Политическая заостренность представителей бывших эксплуататорских классов ярко проявилась в их безысходной злобе против народных масс России. Широкую известность в эмиграции получило открытое письмо князя Н. Д. Голицина крестьянам бывшего его имения в Калужской губернии. «Грабьте, подлецы,— злобствовал в

---

¹ См.: Коллекция ЦГАОР СССР.

² См.: Правда, 1921, 11 ноября; 1922, 3 марта.

³ См.: Правда, 1921, 4 января.

⁴ Любимов Л. На чужбине. Ташкент, 1965, с. 120.

⁵ См.: Воля России (Прага), 1921, 15 января.

своем бессилии князь,— все мое добро грабьте. Только липовой аллее не трогайте, которая моими предками посажена. На этих липах я вас, мерзавцев, вешать буду, когда вскоре в Россию вернусь»¹. Не кривил душой, как и другие ярые реакционеры, бывший волынский помещик, один из руководителей белого движения — В. В. Шульгин. «Ненавижу толпу,— писал он,— презираю, мечтаю уничтожить, расстрелять всех... Николай I повесил пять декабристов, но если будущий царь расстреляет пятьдесят тысяч «февралистов», то это будет задешево купленное спасение России»². Идея массового террора захлестывала монархистов. Почти год проработавший врачом в Галлиполи, в одном из врангелевских лагерей в Турции, Б. Александровский писал в своих воспоминаниях, что среди монархически настроенных офицеров господствовало убеждение, что главной их ошибкой была мягкость в борьбе с революцией. «Надо было,— доказывали они,— в свое время перевешать и расстрелять всех проклятых слюнявых интеллигентов с Милоковым и Керенским во главе. Не будь их, ничего бы и не было, сидели бы мы сейчас спокойно в Москве и Петербурге»³.

Белая эмиграция всеми силами стремилась к расширению антисоветского повстанческого движения в стране, к организации всеобщего восстания против диктатуры рабочего класса в России. Эти планы были поддержаны империалистическими кругами западноевропейских стран в лице Ллойд Джорджа, Черчилля, Бриана и Сфорца⁴.

Одним из наиболее опасных заговоров мировой реакции в первой половине 1921 г. явился замысел организации мятежа в Северо-Западном районе Советской России. В случае его успеха предполагалось объединение с мятежниками в Западной Сибири и в Тамбовской губернии.

Планы выступления кронштадтского гарнизона против Советской власти вынашивались контрреволюционерами еще с момента неудачного выступления в фортах Красная Горка, Обручев и др. в 1919 г. В 1921 г., еще

¹ Цит. по: *Василевский И. М.* Белые мемуары. Пг.— М., 1923, с. 9.

² Цит. по: *Василевский И. М.* Что они пишут? Л., 1925, с. 134.

³ *Александровский Б.* Из пережитого в чужих краях. М., 1969, с. 34.

⁴ См.: *Правда*, 1921, 3 марта.

задолго до начала волнений в Кронштадте, белоэмигрантская пресса, а за ней и иностранная публиковали призывы к выступлению моряков в Кронштадте и рабочих в Петрограде¹. На это указывал В. И. Ленин на X съезде партии: «За две недели до кронштадтских событий в парижских газетах уже печаталось, что в Кронштадте восстание. Совершенно ясно, что тут работа эсеров и заграничных белогвардейцев»². Листовки, распространяемые в крепости и в Петрограде, печатались в Стокгольме, а затем переправлялись в Россию. Из-за границы шли инструкции антисоветским группам и организациям, присылались агенты и эмиссары для подготовки и проведения тех или иных контрреволюционных акций.

С начала мятежа самые разные эмигрантские организации развернули бурную деятельность в помощь мятежникам. «Все русские эмигрантские течения,— отмечалось в одной из их газет,— без различия направлений, не только начали кричать о необходимости поддержать эту борьбу, но и о том, что эта борьба есть их борьба. Среди них были вчерашние сторонники Деникина, Врангеля, соратники Балаховича, явные и тайные монархисты, только что проклинавшие мартовскую революцию 1917 года, до сих пор мечтающие о том, чтобы вернуть Россию к дореволюционным порядкам...»³

Вокруг Кронштадта объединилась почти вся российская контрреволюция, за спиной которой стояли иностранные империалисты. Страницы их газет — эсеровской «Воли России» и савинковской «Свободы», милюковских «Последних новостей» и правокадетского «Руля», лондонской «Дейли телеграф» и парижской «Тан» — буквально пестрели провокационными слухами о восстаниях в России, бегстве большевиков, о продвижении атамана Семенова на Москву и т. д. Замелькали сообщения о заседаниях и постановлениях кадетов, о встречах монархистов, вырабатывавших «программы и линии поведения на случай свержения Советской власти», об активной помощи эмигрантских и иностранных финансово-промышленных кругов, о направлении ими денежных средств в адрес представителей союза русских финансистов в Фин-

---

¹ См.: Воля России (Прага), 1921, 25 февраля; Последние новости (Париж), 1921, 28 февраля; Руль (Берлин), 1921, 28 февраля, и др.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 24.

³ Воля России (Прага), 1921, 16 марта.

ляндии. Международный банк с В. Н. Коковцевым во главе перевел 5 тыс. фунтов стерлингов, Русский банк в Париже — 225 тыс. франков, Русско-азиатский банк — 200 тыс. франков, Земско-городской комитет — 100 тыс. франков, Никополь-Мариупольское металлургическое общество — 20 тыс. франков и т. д.¹

Деньги предназначались в первую очередь для закупки продовольствия мятежникам. «Обеспечение продовольствием,— писал член ЦК партии эсеров В. М. Зензинов,— сейчас самое важное дело. Если бы мы могли сейчас действительно продвинуть продовольствие в Кронштадт, мы сумели бы разблаговестить об этом по всему миру. А когда Советская Россия узнает, что освободившийся от большевиков Кронштадт немедленно получил из Европы продовольствие,— эта весть будет искрой в бочку пороха»².

В то время как собирались деньги, Комитет представителей русских коммерческих банков на многочленном заседании принял решение об экстренной продовольственной помощи Кронштадту. Его председатель Н. Х. Денисов для этого срочно выехал в Лондон. Союз русских промышленников и финансистов обратился по телеграфу к американскому министру торговли Гуверу с просьбой отправить в Кронштадт транспорт с хлебом. Парламентский комитет просил президента США У. Гардинга предоставить в распоряжение мятежников 6 тыс. т американского продовольствия, находящегося в Финляндии. Об этом же просил представителя американского Красного Креста в Париже бывший председатель Временного правительства князь Г. Е. Львов³.

Тогда же лидер партии эсеров В. М. Чернов срочно прибыл в Ревель. Он готовился в случае восстания в Петрограде провозгласить новое русское правительство⁴. В Ревель и Гельсингфорс прибыли представители Савинкова. Из Берлина в Прибалтику монархистами был делегирован бывший генеральный консул в Гельсингфорсе барон фон Брук. Действовали в Прибалтике агенты Врангеля, Чайковского и других руководителей антисо-

---

¹ См.: Руль (Берлин), 1921, 11 марта; Голос России (Прага), 1921, 11 марта.

² Работа эсеров за границей. По материалам Парижского архива эсеров. М., 1922, с. 63.

³ См.: Руль (Берлин), 1921, 10 марта; Голос России (Берлин), 1921, 11 марта.

⁴ См.: Голос России (Берлин), 1921, 12 марта.

ветских сил за рубежом. «Административный центр» срочно принял решение о создании «народной армии», при комплектовании которой предусматривалось использовать кадры белогвардейских офицеров, прибывших в Ревель. Все это напоминало обстановку, когда готовился поход генерала Юденича на Петроград. Не случайно Чернов планировал в это время формирование из офицеров и солдат бывшей армии Юденича, интернированных в Эстонии, трех отрядов, человек по триста каждый, которые должны были ударить на Ямбург, Псков и Гдов. Одновременно готовились выступления в ряде городов Советской России.

События в Кронштадте активизировали деятельность всех контрреволюционных сил. Мятеж превратился как бы в знамя, под которое реакция попыталась стянуть остатки антисоветского лагеря как внутри страны, так и за рубежом. Еще немного времени — и западные ветры взломали бы лед Финского залива. И тогда в соответствии с планами белоэмигрантских центров, участвовавших в подготовке восстания, на кронштадтском рейде должны были появиться иностранные военные корабли с белогвардейским десантом. А в том, что они неминуемо появятся, сомневаться не приходилось. Нарком иностранных дел Г. В. Чичерин в письме от 9 марта 1921 г. сообщал, что, по имеющимся у него сведениям; «между 2—5 марта эскадра противника вышла из Копенгагена по направлению к Ревелю и Кронштадту. В ее составе имеется 14 военных судов... Установлено присутствие английских миноносцев, крупных английских судов... и французских малых крейсеров». Неизвестно, в чем конкретно состоял план антантовской эскадры, но, без сомнений, она направлялась к советским берегам отнюдь не с визитом вежливости. Чичерин подчеркивал в том же сообщении: «Ввиду того, что крайне вероятно попытка Антанты использовать кронштадтский мятеж для нанесения нам нового удара, считаю безусловно необходимым отнестись самым серьезным образом к угрозе со стороны враждебной эскадры»¹.

Оценивая возможности борьбы антибольшевистских сил против Советского государства весной 1921 г., эсеровский лидер Чернов писал своим коллегам в Прагу: «Были все шансы, что заваруха продвинется очень дале-

---

¹ Цит. по: *Щетинов Ю. А.* Мелкобуржуазные партии в кронштадтском мятеже 1921 г.—Вестник Московского университета, 1974, № 3 (история), с. 32.

ко на восток. А это означало бы расстройство большевистских коммуникаций, которое свело бы на нет их ударную силу под Кронштадтом. Это значило бы, что Кронштадту удалось бы продержаться до того времени, когда лед уже перестал бы быть надежным. А с Кронштадтом, все время как дамоклов меч повисшим над Питером, при общем настроении страны в эту весну с большевизмом было бы все покончено»¹.

Почти вся белая эмиграция, за спиной которой стояли иностранные империалисты, поддержала мятеж в Кронштадте. И если бы Советское правительство не приняло вовремя решительных мер для подавления мятежа, он мог бы принять более угрожающие размеры.

Активную деятельность по подготовке восстания в Петрограде пытались развернуть организации, связанные с врангелевским «Союзом освобождения России». Довольно крупной являлась «Петроградская боевая организация» (ПБО), или, как она еще называлась, «Областной комитет союза освобождения России». Во главе ПБО стоял комитет из трех человек: профессора В. Н. Таганцева, бывшего полковника В. Г. Шведова и бывшего офицера Ю. П. Германа. Организация была связана с врангелевскими центрами в Париже и в Финляндии, которые координировали свои действия с американской, английской и французской разведками и занимались организацией финансовой помощи ПБО, проводили массовые вербовки бежавших в Финляндию участников кронштадтского мятежа, снабжали их оружием, антисоветской литературой и перебрасывали в Петроград. Многие члены организации являлись агентами империалистических разведок.

После неудачной организации восстания в городе во время кронштадтского мятежа выступление было перенесено на осень, для чего ПБО получила от парижского центра около 10 млн. руб. в царской валюте². В это же время планировалось покушение на Л. Б. Красина, чтобы не допустить его поездки за границу и сорвать установление торговых отношений между Советским государством и западными державами. Для активизации подготовки восстания была усилена переброска эмигрантов с территории Финляндии.

Активные действия на советской территории пытался

---

¹ Цит. по: *Щетинов Ю. А.* Сорванный заговор, М., 1978, с. 72—73.

² См.: *Правда*, 1921, 24 июля.

развернуть «Административный центр». 15 февраля 1921 г. «Административный центр» создал «Особый отдел» под руководством полковника Ф. Е. Махина, в который вошли полковник В. Н. Воронович, Е. Ф. Роговский и др. «Особый отдел» представлял собой тайную военно-разведывательную организацию, сотрудники которой объявлялись военными служащими и были обязаны сохранять в тайне как существование отдела, так и его планы, а также беспрекословно исполнять все распоряжения руководства. Непосредственной задачей «Особого отдела» являлась организация мятежей на советской территории. Специальный тактический и технический план восстания был разработан полковником Махиным, который рекомендовал проведение организованного, повсеместного и по возможности одновременного выступления. Махин призывал разрушать средства связи и пути сообщения, нападать на обозы, склады оружия, военное имущество и т. д.

«Центр» вел активную работу на севере и на юге страны. На севере он принял участие в подготовке карельского мятежа совместно с финской буржуазной реакцией. Об этом свидетельствует переписка между руководителями «Административного центра» и деятелями карельского движения. Контрреволюционные отряды состояли преимущественно из финнов, хотя русские белогвардейцы также приняли в них деятельное участие. Командный состав формировался исключительно из финских и русских офицеров.

На Северном Кавказе, в Причерноморье, на Кубани активно действовали эмиссары полковника Вороновича, находившегося с августа 1921 г. в Константинополе.

В 1921 г. «Административный центр» совместно с врангелевскими организациями готовил восстание в Баку с целью лишить Советскую Республику нефтяных промыслов.

За финансовую помощь со стороны французского и чешского правительства «Центр» платил им соответствующей информацией о положении в России.

Деятельность Вороновича не ограничивалась подготовкой восстания на юге страны, он развернул широкий сбор шпионской информации о дислокации и численности Красной Армии на Кавказе. В донесении от 22 ноября 1921 г. Воронович на четырех страницах излагал эти сведения. На донесении имеется пометка секретаря «Административного центра» В. Фабриканта: «Перевести на

французский язык в 3 экземплярах». Таким образом, «Административный центр» не только готовил контрреволюционное восстание в Советской России, но и вел сбор разведывательной информации в интересах империалистических государств. Тем самым «Центр» являлся антисоветской диверсионно-разведывательной организацией, действующей под контролем империалистических государств.

С начала 1921 г. активизировалась деятельность «Русского эвакуационного комитета» Б. Савинкова, переименованного им затем в «Русский политический комитет». В ставшем достоянием гласности секретном документе, poslanном военному министру Франции и правительственным деятелям Англии и Польши, Б. Савинков писал: «Русский эвакуационный комитет пришел к убеждению, что... только массовое восстание под руководством людей на местах, людей, знающих психологию крестьянства, может положить конец большевистской власти». При этом он указывал, что для подготовки такого восстания необходимо выработать политическую программу с учетом психологии крестьянства, установить связи между отдельными повстанческими группами, сформировать отряды из остатков регулярных армий для объединения этих групп и организовать центр для их координации в Польше. Добываясь финансовой помощи западных держав, Б. Савинков сообщал, что для установления связи между повстанческими группами и его «Комитетом» образовано информационное бюро во главе с его братом есаулом В. Савинковым, которое имеет своих агентов в различных городах Советской России¹. Информационное бюро «Русского политического комитета» организовывало разведывательную работу против Советской Республики. Сведения о Красной Армии и о положении в республике передавались польскому генштабу и французской миссии.

Деятельная поддержка со стороны Франции и Польши дала Б. Савинкову возможность в довольно короткий срок создать антисоветскую организацию «Народный союз защиты родины и свободы» (НСЗР и С). Его «Все-российский комитет» в составе братьев Савинковых, известного деятеля бывшего «Союза защиты родины и свободы» А. А. Дикгоф-Деренталя, профессора Д. В. Философова, активного монархиста генерала Г. Е. Эльвенгре-

---

¹ См.: Новый путь (Рига), 1921, 28 марта.

на, председателя Донского казачьего круга полковника М. Гнилорыбова и других подобных «колоритных» личностей обосновался в Варшаве, в гостинице «Брюль». Целью НСЗР и С, как отмечалось в докладе директора департамента полиции Польши от 10 июня 1921 г., являлось «организованное какой угодно ценой восстание в России для свержения большевиков»¹.

Стремясь превратить НСЗР и С во всероссийский антисоветский центр, Б. Савинков заключил договоры о координации действий с петлюровским правительством УНР, белорусскими националистами, с Кубанской радой и Донским казачьим кругом. Кроме того, «Союз» находился в постоянном контакте с берлинскими монархистами, а военный представитель Врангеля в Варшаве генерал М. Махров принимал непосредственное участие в заседаниях «Комитета»². Б. Савинков неоднократно обменивался письмами с Врангелем, в которых оба клялись друг другу в верности и общности их контрреволюционных стремлений.

Как видно из опубликованного 21 декабря 1921 г. в «Дейли геральд» договора между НСЗР и С и правительством УНР, первый, признавая независимость УНР и законность правительства Петлюры, брал на себя посредничество между головным атаманом, с одной стороны, и русскими политическими кругами за границей и представителями западных держав — с другой. Вместе с тем Б. Савинков обязывался устроить Петлюре заем в 30 млн. марок и передать ему боевое снаряжение, которое должно было быть предоставлено Францией для организации восстания на Украине. Со своей стороны Петлюра обещал помощь в формировании «контингентов русской национальной армии под исключительным руководством Б. Савинкова» и ее поддержку всеми средствами, включая финансирование и снабжение оружием и продовольствием³. Этот договор был дополнен тайным соглашением с польским правительством. Секретная переписка Б. Савинкова, похищенная во время ограбления гостиницы «Брюль» и частично попавшая на страницы печати, свидетельствует о том, что это соглашение включало образование самостоятельной Белоруссии под протекторатом Польши и передачу последней западных уез-

---

¹ Коллекция ЦГАОР СССР,

² Там же.

³ См.: *Мухачев Ю. В.* Идейно-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР. М., 1982, с. 136—137.

дов Волынской и Подольской губерний. На предварительном следствии по делу полковника Гнилорыбова было установлено, что предусматривалось также предоставление Польше права пользования Одесским портом, строительства там доков для польского военного флота и войсковых казарм, а также передача ей в эксплуатацию железной дороги Ровно — Шепетовка — Казатин — Одесса.

Таким образом, деятели НСЗР и С за поддержку со стороны реакционных кругов Франции и Польши в организации антисоветской борьбы соглашались на раздел Советской России. Указания и директивы «Союз» получал от французской военной миссии в Варшаве (генерала Ниссея) и второго отдела польского генштаба. Многочисленные данные свидетельствуют о тесных связях Б. Савинкова с политическими лидерами империалистических государств: с военным министром Англии У. Черчиллем, с президентом Польши Ю. Пилсудским и польским военным министром К. Соснковским, с президентом Чехословакии Т. Масариком и чехословацким министром иностранных дел Э. Бенешем и др. Впоследствии на суде Б. Савинков признавал, что «без опоры на иностранцев мы воевать не могли»¹.

После неудачных попыток поднять крестьянство на борьбу против Советской власти весной 1921 г., во время посевной кампании, восстание было перенесено на осень, на время сбора продовольственного налога. Разработка плана восстания и слияние параллельных организаций должны были произойти на «всероссийском» съезде НСЗР и С. Он состоялся 13—16 июня 1921 г. в Варшаве. В его работе участвовали представители различных комитетов НСЗР и С, наблюдатели Петлюры и белорусских буржуазных националистов, а также представители французской, английской, американской и итальянской военных миссий в Варшаве, офицер службы связи министерства иностранных дел и военного министерства Польши — всего 31 человек. В момент начала восстания ударные отряды должны были начать продвижение от польской границы в трех направлениях: на Петроград, на Полоцк — Смоленск — Москву и на Минск — Гомель — Орел. Целью восстания, как и прежде, оставалось свержение Советского правительства. Во время подготовки восстания для дезорганизации жизни

---

¹ Дело Б. Савинкова. М., 1924, с. 39.

в стране было решено широко применять как индивидуальный террор против руководителей большевистской партии, Советского государства и рядовых коммунистов, так и массовый — путем расстрелов активистов и отравления воинских частей. Одновременно были предусмотрены диверсии в народном хозяйстве: порча железнодорожного и других видов транспорта, уничтожение сыпных пунктов и продуктов с целью усиления экономического кризиса и голода. «Мы должны выжечь свободное место, чтобы на нем начать строить сначала» — таков был тезис «Всероссийского комитета» НСЗР и С¹.

Продолжалась переброска через границу ударных групп и отрядов. По соглашению со вторым отделом польского генштаба они снабжались его пропусками и переправлялись в районе Глубокого и Лунинец. Все они после своих рейдов оставляли на советской территории следы чудовищных зверств и погромов и встречали не поддержку, а осуждение и гнев со стороны населения. Действуя в изоляции, не получая помощи от крестьянства и преследуемые частями Красной Армии, остатки их были вынуждены каждый раз скрываться за границу. В конце 1921 — начале 1922 г., придя к убеждению, что ставка на вовлечение крестьянства в антисоветское движение не оправдалась, Б. Савинков усилил подготовку актов террора против руководителей Советского государства. В январе 1922 г. на советской границе был арестован бывший подполковник В. Свежевский, который по заданию «Всероссийского комитета» НСЗР и С пробирался в Москву с целью покушения на В. И. Ленина².

С крахом надежд на организацию восстания в Советской России прекратилось субсидирование НСЗР и С со стороны иностранных государств и их спецслужб. Деятельность «Союза» на советской территории была парализована в результате ликвидации его организаций органами ВЧК. В связи с этим Б. Савинков был вынужден передать свои линии связи на украинской и финской границах в распоряжение контрреволюционной шпионской организации «Центр действия». Созданная в 1921 г. в Париже, эта организация также безуспешно пыталась поднять крестьянство на борьбу против Советской власти. Ее руководство в составе лидера партии народных социалистов Н. В. Чайковского, кадетов А. В. Карташе-

---

¹ См.: Правда, 1921, 24 июля.

² См.: Дело Б. Савинкова, с. 30.

ва, Н. П. Вакара и др. с самого начала своей деятельности в оплату за помощь со стороны Франции и Польши занялось сбором секретных сведений о военном, политическом и экономическом положении Советской Республики. На деньги иностранных разведок Н. П. Вакаром (Зелинский) и представителем «Центра» в Варшаве Б. А. Евреиновым (Гусар) были созданы резидентуры в пограничных городах Корец и Ровно. Для получения информации они использовали вплоть до 1923 г. савинковские линии связи¹.

В широкую антисоветскую подрывную работу включился так называемый «Областной центр Украинской военной организации» (УВО), расположенный в Западной Украине. Здесь готовился основной руководящий актив антисоветского подполья. Только от «Центра» проходила обучение агентура, засылаемая в Советскую Россию для проведения шпионской и диверсионной деятельности. Еще в 1920 г. были засланы десятки групп контрреволюционеров с заданием осесть на территории Советской Украины и организовать антисоветское подполье. В 1921 г. руководитель УВО Е. Коновалец обещал полковнику абвера Гемппу передать свою организацию в распоряжение немецкой разведки. В связи с этим УВО стала ежемесячно получать дотацию в размере 9 тыс. рейхсмарок².

Активную работу по подготовке восстания пытались развернуть организации, связанные с врангелевским «Союзом освобождения России». Они пытались объединить и расширить антисоветские выступления на Северном Кавказе. Находившиеся в Константинополе председатель белого терского казачьего правительства Букановский и бывший терский войсковой атаман генерал Вдовенко посылали на Терек своих агентов для формирования вооруженных отрядов. Начальник константинопольской контрразведки Врангеля Ерарский установил контакт с терской организацией эсеров. Для активизации «зеленого» движения на Северный Кавказ были посланы полковники Серебряков и Зелинский. На поддельных документах обоих имелись визы британской военной миссии в Константинополе. Непосредственной задачей их являлась организация повстанческих отрядов и налажи-

---

¹ См.: Дело Киевского областного центра действия. Харьков, 1927, с. 702.

² См.: *Чередниченко В.* Анатомія зради. Київ, 1978, с. 41, 53.

вание линий связи для передачи информации за границу. Зелинский встал во главе шпионской организации «Комитет центрального действия Пятигорского района», а Серебряков, связавшись с терской организацией эсеров и бандой полковника Лаврова, создал вооруженную группу так называемых Народных войск Северного Кавказа, которая к маю 1921 г. насчитывала уже более четырех полков¹. В это же время в Ейском районе был сформирован отряд под командованием полковника Жукова. Начав боевые действия, контрреволюционные формирования в мае и июле потерпели ряд поражений от Красной Армии. Остатки их были вынуждены укрыться в горах. Полковник Серебряков был арестован. В августе 1921 г. из Константинополя прибыла новая группа офицеров-врангелевцев, которые надеялись объединить повстанческие отряды на Кавказе.

В сентябре 1921 г. на Кубани возникло подпольное Кубанское временное повстанческое правительство в составе полковника Савицкого, бывшего члена Кубанской рады Пилюка и др. Из казачьих отрядов была сформирована так называемая Кубанская повстанческая армия под командованием генерала Марченко (Пржевальского), которая начала предпринимать активные боевые операции.

22 сентября отряды Пржевальского были разбиты у села Белого частями Первой Конной армии. Успешно шла ликвидация и контрреволюционных организаций. С осени 1921 г. на Северном Кавказе действовали лишь мелкие, раздробленные группы, занимавшиеся бандитизмом.

Советское государство решительно пресекало выступления контрреволюционного подполья и в других районах страны. Терпели крах замыслы мировой реакции путем тайной войны свергнуть Советское правительство.

4. БАНДИТСКИЕ ОТРЯДЫ ИЗ-ЗА РУБЕЖА

С начала 1921 г. за границей, особенно на западных рубежах Советской России, белой эмиграцией и империалистическими разведками велась подготовка ударных военных групп, которые после прорыва через границу должны были активизировать антисоветское подполье и кулацкую контрреволюцию. В Польше формировали отряды для

---

¹ См. Правда, 1922, 25 июня.

заброски на советскую территорию Б. Савинков и С. Петлюра. В распоряжении Савинкова находились все лагеря интернированных в Польше белогвардейских частей армий генералов Юденича, Перемыкина, Булак-Балаховича. В январе 1921 г. Савинков создал специальное управление по формированию так называемой «армии вторжения». Сформированные отряды под видом перевода на работы перебрасывались польскими властями к советско-польской границе.

Для засылки контрреволюционных банд на украинскую территорию в Польше были созданы петлюровские штабы, которые располагались недалеко от границы: в Ровно, Дубно, Кременце, Корце. В Ровно сколачивал отряды некий атаман Голубь, в Изяславле — атаман Баких. В Ченстохове при помощи французских и польских инструкторов собирал диверсионные группы атаман Удовиченко, во Владимире-Волынском — атаман Павленко и т. д.

Подобные соединения формировались при поддержке генштаба королевской армии и на румынской территории. В специальных лагерях в Орадя-Маре, Брашове и др. под контролем румынских властей проводились учения петлюровских частей, отрабатывалась тактика партизанской войны.

В Болгарии активно действовали врангелевские организации под руководством полковника Самохвалова и генерала Покровского. В Константинополе готовил террористические группы врангелевский ставленник генерал Улагай.

Банды, переправлявшиеся из-за рубежа, совершали чудовищные зверства и погромы. Вот лишь несколько примеров. Захватив местечко Пуховичи, головорезы офицера Павлова, переброшенные Б. Савинковым из Польши, бросили в котел с кипящей смолой пастуха-старика, зверски замучили двух коммунистов, зарубили 11 заложников. Близ Полоцка бандиты спустили под откос поезд, ограбили пассажиров и расстреляли 15 коммунистов. Еще больше зверствовал ближайший помощник Савинкова С. Э. Павловский, неоднократно совершавший рейды на советскую территорию.

Следует заметить, что эти банды формировались и действовали по указке второго отдела польского генштаба и французской военной миссии во главе с генералом Нисселем, которые были в курсе злодеяний, творимых на советской земле.

На территории Советской Украины наряду с врангелевскими организациями пытался организовать подрывное подполье С. Петлюра. Его «Центральный штаб» действовал во Львове под контролем польских спецслужб. Образованный им в январе 1921 г. «Головной повстанческий комитет» во главе с генералом Ю. Тютюнником направил в различные районы Украины множество офицеров для создания на местах бандитских групп. В Киеве был образован подпольный «Всеукраинский центральный повстанческий комитет» (Цупком). Националистическое подполье насчитывало несколько тысяч человек. Восстание, приуроченное к моменту сбора продналога, планировалось на осень.

Несмотря на то что ВЧК летом ликвидировала Цупком и некоторые другие петлюровские и врангелевские организации, осенью реакционные силы предприняли авантюристические действия. С целью поднять крестьянство на борьбу против Советской власти через границу был переброшен ряд крупных вооруженных отрядов.

В ноте правительства УССР правительству Польши от 30 октября 1921 г. указывалось, что «эпизодические до этого времени налеты на территорию Украины банд, которые формируются и содержатся на территории Польши, приобретают в настоящее время массовый координированный характер с явной целью вызвать восстание против рабоче-крестьянской власти Украины»¹. Материалы, которыми располагало Советское правительство, в достаточной мере свидетельствовали, что подготовка восстания на территории Украины шла полным ходом. 9 августа 1921 г. начальник львовской экспозитуры второго отдела генштаба польской армии майор В. Флерек информировал своего шефа в Варшаве И. Матушевского о том, что им одобрен план восстания, составленный петлюровским повстанческим штабом во главе с генералом Ю. Тютюнником. Для успешного осуществления этого плана Флерек просил оказать помощь деньгами, боеприпасами, снаряжением, обмундированием и продовольствием, а также просил разрешения сообщить петлюровцам, что в случае неудачи выступления «его участники всегда найдут опеку и гостеприимство на территории Польши»².

¹ Документы внешней политики СССР, т. 4, с. 453.

² Документы и материалы по истории советско-польских отношений, т. 4, с. 105.

31 августа 1921 г. на совещании высшего командного состава во главе с атаманом Петлюрой генерал Тютюнник изложил проект предполагаемого восстания. В основном он сводился к тому, что вступившие под его командованием на территорию Украины отряды захватывают Каменец-Подольский, который должен послужить плацдармом для наступления на северную часть Правобережной Украины. Одновременно полковник Гулый-Гуленко с территории Румынии вторгается южнее и овладевает приморским краем с Одессой. После захвата Каменец-Подольского туда должен был прибыть вместе с правительством УНР Петлюра и издать манифест. В дальнейшем по этому плану предусматривалось обращение к Польше и Румынии с просьбой о военной помощи для борьбы против Советской власти¹.

Во время операции, проводимой советскими властями по ликвидации петлюровского подполья, ВЧК арестовала около 500 петлюровских агентов, агитаторов, участников подпольных организаций, готовивших вооруженное выступление на Киевщине и в Подолии. Почти все крупные контрреволюционные соединения, в том числе и махновские, были разбиты и продолжали действовать лишь сравнительно небольшими группами. К середине октября 1921 г. они насчитывали на Украине 830 сабель и 440 штыков. Наиболее крупными из них были банды полковника Карья — 150 человек, Гальчевского — 95 и атамана Заболотного — 60 человек. Таким образом, деятельность националистической контрреволюции была в значительной степени парализована. Однако империалистические разведки требовали решительных действий от петлюровцев.

24—25 сентября 1921 г. во Львове состоялось секретное совещание представителей второго отдела генштаба польской армии и представителей Петлюры по вопросу о планируемых новых вооруженных вторжениях на территории УССР.

Снова увеличилась переброска через границу ударных отрядов, активизировались их действия на советской территории. В ночь с 28 на 29 сентября в районе Корца перешла границу группа в составе 80 кубанских и донских казаков, вооруженных винтовками, саблями и ручными гранатами. Вторая группа в количестве 85 человек, со-

---

¹ См.: Документы и материалы по истории советско-польских отношений, т. 4, с. 105.

стоявшая в основном из петлюровских офицеров и унтер-офицеров, вторглась в районе села Мышакова. Обе банды действовали под руководством атамана Нельговского, отряды которого прорвались на территорию Украины в районе Острога в начале октября. Их задачей было развертывание повстанческого движения в районе Коростеня и захват этого важного железнодорожного узла¹.

Согласно инструкции заграничного петлюровского центра, банды должны были срывать продналоговую кампанию, для чего предписывались нападения на сыпные пункты, обозы с хлебом, мельницы, убийство советских активистов и коммунистов, разгромы сельсоветов, милиции и других советских органов. В сентябре 1921 г. вооруженные отряды и подпольные группы совершили 248 нападений на государственные гражданские и воинские объекты, а в октябре — 285.

В это время за границей шла лихорадочная подготовка к вторжению основных сил. 30 октября из Львова в район Ровно — Сарны прибыл эшелон с тысячным отрядом петлюровцев, с запломбированными вагонами оружия из Варшавы и самим Ю. Тютюнником и его штабом.

Операции начались 25 октября, когда группа в количестве 50 человек совершила нападение на Ляцкорунь. В ночь с 27 на 28 октября переправилась через Збруч и вторглась на советскую территорию бригада под командованием Палия. Учинив зверскую расправу над советскими работниками в районе Гусятина, ударные отряды попытались развить свои действия на юго-востоке и северо-востоке и дошли до села Кожаницы и станции Ярмолинцы, откуда были сразу же выбиты подоспевшими частями Красной Армии. Петлюровцы от имени УНР распространяли среди местного населения приказы о мобилизации и раздавали оружие, но основная масса крестьян не скрывала враждебного отношения к ним. Однако некоторые колеблющиеся, поддавшиеся петлюровской агитации, наряду с бандами кулаков поддержали антисоветскую авантюру.

В ночь с 3 на 4 ноября из Польши на территорию Украины в коростеньском направлении вторглась петлюровская бригада в количестве 400—600 человек при трех пулеметах. 5 ноября юго-западнее Олевска перешла границу так называемая «киевская дивизия» (свыше 1250 человек) под командованием генерала-хорунжего Ю. Тютюнника, надеявшегося поднять восстание на Ук-

¹ См.: Документы внешней политики СССР, т. 4, с. 453.

раине. На рассвете 7 ноября он попытался атаковать Коростень, закрывавший ему путь на Киев, но был отброшен частями Красной Армии.

Одновременно с вторжением ударных отрядов на территорию Советской Украины, как выяснилось из захваченного доклада Тютюнника Петлюре, были даны указания местным подпольным организациям и бандам приступить к разрушению железных дорог и захвату крупных городов: Харькова, Полтавы и Екатеринослава.

На ликвидацию петлюровских отрядов по приказу командующего Киевским военным округом И. Э. Якира была брошена 9-я Крымская кавалерийская дивизия Г. И. Котовского. Столкнувшись с решительными действиями Красной Армии и не найдя поддержки со стороны крестьян, петлюровские формирования бежали за границу. 17 ноября юго-восточнее г. Овруча была наголову разбита «дивизия» Тютюнника, у села Старая Гута разгромлена бригада Паляя, а 19 ноября отброшена за границу группировка атамана Пшенника, переправившаяся по приказу полковника Гулого-Гуленко через Днестр из Бессарабии и пытавшаяся захватить Тирасполь.

Потерпела крах и попытка поднять восстание в Белоруссии. Реввоенсовет Минского района во главе с командующим армией И. П. Уборевичем совместно с ЧК провели несколько операций по ликвидации кулацких мятежей, в результате которых к 20 сентября 1921 г. в Белоруссии продолжали действовать лишь 14 банд общей численностью 275 человек¹. Отсутствие массовых выступлений на территории Белоруссии признавалось и в белоэмигрантских кругах. В статье «На польско-советской границе», напечатанной в сентябре газетой «Последние новости», отмечалось, что повстанческое движение значительно ослабло. Сообщалось, что отряд Галаха численностью 400 всадников распался, причем одна его часть, в 200 человек, сдалась советским властям, другая разбилась на группы в 10—15 человек. Заключение статьи было довольно пессимистическим: «Нужно заметить, что благодаря энергии, которую проявили большевики по борьбе с повстанчеством, применив для этого всевозможные приемы, повстанчество пошло на убыль... Вероятно, к осени «бандитизм» в Белоруссии будет совсем уничтожен»². Прорвавшиеся через границу сформированные Са-

¹ См.: Венцов С. Бандитизм в Белоруссии и организация борьбы с ним.— Красная Армия, 1921, № 9, с. 50.

² Последние новости (Париж), 1921, 21 сентября.

винковым в Польше отряды Жука, Короткевича, Кузнецова и других атаманов, надеявшихся на активную поддержку антисоветского подполья, были быстро уничтожены. К 1 ноября 1921 г. на территории Белоруссии в ходе чекистско-войсковых операций удалось обезвредить более 2 тыс. участников различных белогвардейских и кулацких формирований. Причем активную помощь в борьбе с ними оказали частям Красной Армии крестьяне, которых контрреволюции так и не удалось вовлечь в антисоветские восстания.

Осенью 1921 г. Красная Армия нанесла решительный удар по военным контрреволюционным соединениям Кубано-Черноморской области, к ноябрю были ликвидированы крупные отряды на Дону, в декабре — отряды, орудовавшие в лесах Ставрополя.

Вторжения в РСФСР осуществлялись и с территории Финляндии. В конце сентября — первой половине октября 1921 г. советскую границу перешел ряд белофинских отрядов, в которых находились и белогвардейские офицеры. Ведя антисоветскую пропаганду, они приступили к формированию кулацких отрядов, а 23—24 октября спровоцировали мятеж в Летне-Конецкой волости. В ноябре отряды стали проникать в глубь Карелии: захватили деревни Тикшеозеро, Большое озеро и Чалну..

В захваченных районах белофинны и белогвардейцы разоряли, грабили, убивали местное население. Они уничтожили доставленный советскими органами для голодающих Карелии хлеб, сожгли железнодорожный мост у станции Парандово, взорвали лесопильный завод на берегу Сегозера, громили школы и убивали учителей. В Ругозерской волости интервенты и белобандиты зверски замучили коммунистов, собравшихся на празднование четвертой годовщины Октябрьской революции. В обращении Карельско-Мурманского ревкома указывалось: «Трудящиеся Карелии! Бандитизм, организованный финскими капиталистами, толкнул вас в глубокое несчастье. Белые банды... являются наймитами и подручными финляндских капиталистов. Сами эти господа сидят в Финляндии... нисколько не заботясь о тех бедствиях, которые переживает бедная Карелия по их милости. Если на земле найдется хоть сколько-нибудь правосудия, то эти господа должны быть привлечены к суровой расплате»¹.

---

¹ Разгром белофинских интервентов в Карелии в 1918—1922 гг. Сборник документов. Петрозаводск, 1944, с. 141.

К середине ноября 1921 г. в центральных и северных районах Карелии скопилось до тысячи белофиннов и белогвардейцев. Развернув лихорадочную деятельность, они сформировали в течение ноября — декабря из кулаков, зажиточных и некоторой части средних крестьян так называемую карельскую бригаду общей численностью до 3,2 тыс. человек. В начале декабря 1921 г. на территорию Советской Карелии из Финляндии были переброшены отряды кронштадтских мятежников численностью до 200 человек. В Ругозерской волости под командованием офицера Мартынова действовала банда, сформированная в Выборге.

В захваченных районах мятежники восстанавливали старые порядки, вместо Советов назначали старост, находившихся под контролем финских комендантов, проводили изъятие продовольственных запасов у крестьян, обрекая их на голод, терроризировали население. Опираясь на поддержку крестьянства, части Красной Армии и отряды ВЧК приступили в начале 1922 г. к ликвидации мятежа. Особую роль в борьбе с белофинской и кулацкой контрреволюцией сыграл рейд по вражеским тылам, осуществленный лыжным батальоном курсантов-финнов Интернациональной военной школы, которым командовал известный финский революционер, впоследствии член ЦК Компартии Финляндии Т. Антикайнен. К середине февраля основные силы финских контрреволюционеров и карельских мятежников были разгромлены и отошли за рубеж. Последний лыжный батальон белофиннов бежал 17 февраля 1922 г.

Однако иностранные вдохновители и организаторы мятежников, в том числе и самозванное «карельское правительство», находившееся в Финляндии, продолжали вести подрывную антисоветскую деятельность и разрабатывали планы новых вторжений. В непосредственной близости от советской границы, в деревнях Хюрюнсальми, Путкола, Рисиярви и Каяне, продолжалось формирование диверсионных отрядов из карельских мятежников и белогвардейских элементов. Но улучшение экономического положения в Карелии, идейно-политическая работа среди населения окончательно лишили контрреволюцию какой-либо социальной опоры в Советской Карелии.

В 1921—1922 гг. ряд поражений потерпело и басмачество, подстрекаемое иностранными разведками. Ими была предпринята попытка объединения многочисленных

группировок басмачей во главе с бывшим военным министром Турции Энвер-пашой.

В Афганистане был создан специальный штаб по снабжению басмачей оружием и продовольствием. В конце марта и начале апреля Энвер получил от своих покровителей два каравана с оружием. Кроме винтовок и патронов ему было доставлено шесть пушек. Реакционные круги Афганистана направили в помощь Энверу подразделения регулярных войск: сначала численностью 500 человек, затем — еще 300 человек¹.

Как и прежде, действия басмачей сопровождалось зверскими расправами с коммунистами, красноармейцами, советскими работниками. В районах, захваченных бандитами, был установлен режим террора и насилия. Массовые казни местного населения стали в Восточной Бухаре обычным явлением. Трудящихся силой оружия заставляли выплачивать многочисленные налоги и другие поборы. Многие населенные пункты были полностью уничтожены. За непродолжительный период военных действий, развязанных Энвер-пашой, посевные площади в Бухарской республике сократились на 72%, поголовье скота уменьшилось на две трети.

В первых числах июня 1922 г. Красная Армия развернула наступательные действия на широком фронте.

4 августа 1922 г. у кишлака Оби-Дар основные силы басмачей были разгромлены, а Энвер-паша убит. В последующие годы борьба шла уже с отдельными отрядами басмачей, которые продолжали создаваться мировой реакцией за рубежом и перебрасываться на советскую территорию. От кровавого террора бандитов страдали мирные жители.

Так, к моменту образования Таджикской АССР население Восточной Бухары заметно сократилось. В семи тюменах Кулябского и Гармского вилоятов басмачи, по далеко не полным данным, за период с 1922 г. по июль 1924 г. убили 5528, ранили и искалечили 2912 человек².

В 1922 г. заброска антисоветских групп с целью организации восстаний продолжалась и на западных границах, хотя в гораздо меньшем масштабе. 6 июня 1922 г. с польской территории в районе деревни Слобода, севернее Орехова, перешел границу отряд, сформированный

---

¹ См.: Зевелев А. И., Поляков Ю. А., Чугунов А. И. Басмачество: возникновение, сущность, крах. М., 1981, с. 116—117.

² См. там же, с. 116.

Булак-Балаховичем. Во время своего рейда вдоль границы бандиты, не встречая поддержки крестьян, сжигали села и расправлялись с мирными жителями. В октябре 1922 г. уже упоминавшаяся организация генерала Покровского предприняла безуспешную попытку перебросить с территории Болгарии десант в несколько сот человек для организации восстания на юге Советской России.

В беседе с корреспондентом газеты «Правда» в конце 1922 г. М. В. Фрунзе отмечал, что положение на западных границах стало значительно устойчивее, что через польскую границу иногда еще пытаются переходить небольшие отряды, а через румынскую эти вылазки совсем прекратились. Что «движение стало сходить на нет», признавалось и в самом лагере контрреволюции. В конце 1922 г. провал планов контрреволюции стал неоспоримым фактом. Даже такой ярый враг большевизма, как Б. Савинков, был вынужден признать, что все попытки контрреволюции организовать широкое повстанческое движение против Советского государства потерпели поражение и что русский народ идет за коммунистами.

«Теперь, после подавления крупных восстаний,— отмечалось в передовой статье газеты «Правда»,— белогвардейским и эсеровским заговорщикам остался лишь путь грандиозных планов, больших провалов и террористических укулов в крепкое тело пролетарской диктатуры»¹.

Таким образом, организация мятежей, действия диверсионных отрядов и банд, убийства политических деятелей и рядовых граждан, попытки обострить и использовать внутренние противоречия в стране являлись различными формами международного государственного терроризма, развязанного империализмом против Советской России. Правильная политика партии большевиков, направленная на сплочение революционных сил, консолидацию рабочего класса и укрепление его союза с крестьянством, предотвратила крах замыслов мировой реакции. Решительные меры Советского государства по пресечению деятельности контрреволюции, своевременная ликвидация ее подпольных организаций, активная наступательная коммунистическая пропаганда создавали необходимые условия для укрепления и развития завоеваний социалистической революции в стране.

---

¹ Правда, 1921, 31 августа.

Глава V

ПОЛИТИКА ВОЙНЫ И ВОЕННОГО РАЗБОЯ

1. «НА КАЖДОМ ДОЛЛАРЕ — СЛЕДЫ КРОВИ, НА КАЖДОМ ДОЛЛАРЕ — КОМ ГРЯЗИ»

Такими словами В. И. Ленин характеризовал политику Соединенных Штатов Америки, которые заняли в начале XX в. главенствующую роль в империалистическом мире и выступили активным организатором подавления международного революционного движения и национально-освободительной борьбы.

Организация и участие в вооруженной интервенции против Советского государства составляют самые позорные страницы истории империализма. Это ярчайшим образом демонстрирует его грабительский, хищнический характер, его кровавую политику на мировой арене, его зверство и вандализм по отношению к народам других стран и их культуре.

Хищнический, антинародный характер империализма проявился уже с первых дней Октябрьской революции в его политике затягивания первой мировой войны, в попытках империалистических государств обеспечить свои грабительские интересы за счет крови народов, и прежде всего русского. Германия стремилась как можно больше награть, оккупировав большие территории России, державы Антанты — решить свой спор с германским империализмом на русско-германском фронте. Империалисты США наживали огромные прибыли за счет своих военных поставок России и странам Согласия. Поэтому они все в штыки встретили политику мира, провозглашенную социалистическим государством.

Первым внешнеполитическим шагом Великого Октября был Декрет о мире. Осуждая войну и призывая воюющие народы к заключению справедливого, демократического мира, без аннексий и контрибуций, Совет-

ская власть не раз предлагала всем воюющим странам установить перемирие и начать переговоры о мире. Однако державы Антанты и США не отвечали на эти неоднократные предложения о начале мирных переговоров.

Борясь за революционный выход из империалистической войны, Советское правительство в этой обстановке вынуждено было встать на путь переговоров с Германией и ее союзниками. Тяжелое военно-политическое и экономическое положение кайзеровской Германии вынудило ее, несмотря на ненависть к социалистическому государству, пойти на переговоры о мире. И накануне их открытия, и во время проведения переговоров Народный комиссариат иностранных дел неоднократно обращался к «союзным» правительствам с предложением о превращении сепаратных переговоров во всеобщие. Но «союзные» правительства хранили упорное молчание. В обращении к послам Великобритании, Франции, США, Италии, Китая, Японии, Румынии, Бельгии и Сербии от 23 ноября 1917 г. НКИД, в частности, отмечал, что прошедший месяц является достаточным сроком, «чтобы дать возможность правительствам союзных стран определить свое отношение к мирным переговорам, т. е. свою готовность или свой отказ принять участие в переговорах о перемирии и мире и, в случае отказа, открыто перед лицом всего человечества заявить ясно, точно и определенно, во имя каких целей народы Европы должны истекать кровью в течение четвертого года войны»¹. Но и это обращение, как и предыдущие, осталось без ответа.

Представители союзников, получая инструкции и указания от своих правящих кругов, развернули активную деятельность с целью добиться отказа Советского правительства от ведения мирных переговоров. В Петрограде под руководством начальника французской военной миссии Нисселя прошло тайное заседание его сотрудников с английской миссией и военным атташе Соединенных Штатов. Была достигнута договоренность о принятии мер, способствующих срыву мирных переговоров. Ниссель сообщил, что его правительство уже выделило фонды для соответствующей пропаганды. 20 ноября 1917 г. председатель Комитета общественной информации США Крил направил своему представителю в Россию Сиссону телеграмму, в которой, указав на всю «опасность»

---

¹ Документы внешней политики СССР, т. 1, с. 42.

мирных переговоров, предложил объединить усилия всех американских представителей в Петрограде и Москве и начать кампанию для разъяснения «высоких» целей войны.

В то время, когда в Брест-Литовске шли переговоры о мире, глава американской миссии Красного Креста полковник Р. Робинс, английский представитель Р. Локкарт и капитан французской миссии Ж. Садуль обивали пороги Комиссариата иностранных дел и доказывали необходимость продолжения войны Советской Россией на стороне Антанты. С началом немецкого наступления французский посол Нуланс официально заявил Народному комиссариату иностранных дел, что в случае готовности Советского правительства оказать сопротивление германскому наступлению Франция примет все меры помощи. В действительности ни французские, ни английские, ни американские империалисты и не собирались оказывать какую-либо помощь революционному правительству, тем более в такой критический момент, когда решалась его судьба. Их цель состояла в том, чтобы заставить его воевать и убивать свой народ в империалистической бойне.

Подлинные замыслы представителей Антанты и их пособников из лагеря российской контрреволюции были прозорливо вскрыты В. И. Лениным. «Взгляните на факты относительно поведения англо-французской буржуазии,— указывал он.— Она всячески втягивает нас теперь в войну с Германией, обещает нам миллионы благ, сапоги, картошку, снаряды, паровозы... Она хочет, чтобы мы теперь воевали с Германией.

Понятно, почему она должна хотеть этого: потому, что, во-первых, мы оттянули бы часть германских сил. Потому, во-вторых, что Советская власть могла бы крахнуть легче всего от несвоевременной военной схватки с германским империализмом.

Англо-французская буржуазия ставит нам западню: идите-ка, любезные, воевать *теперь*, мы от этого великолепно выиграем. Германцы вас ограбят, «заработают» на Востоке, дешевле уступят на Западе, а кстати Советская власть полетит...»¹

Следует отметить, что в закрытой дипломатической переписке, не подлежащей публикации, западные политики и не скрывали этого. В частности, американский пре-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 352—353.

зидент Вильсон прямо говорил, что не могло быть и речи о помощи большевикам против Германии¹.

Коммунистическая партия и Советское правительство, используя противоречия в империалистическом лагере, вывели страну из империалистической войны и спасли ее от национальной катастрофы. Брестский мир сорвал замыслы мировой реакции, пытавшейся задушить пролетарскую революцию участием России в войне. Гневно бичуя отказ Антанты от мирных переговоров, В. И. Ленин отмечал позднее, что «именно англо-французская и американская буржуазия не приняла нашего предложения, именно она отказалась даже разговаривать с нами о всеобщем мире! Именно она поступила предательски по отношению к интересам всех народов, именно она затянула империалистическую бойню!»².

Не добившись срыва брестских переговоров и заключения Советской Россией договора с Германией, «союзники» попытались обойти Брестский мир с другой стороны. Они стали настойчиво предлагать Советскому правительству помощь держав Антанты путем введения их войск на советскую территорию. Особенно активно в этом направлении орудовал английский представитель Локкарт.

И когда эсеровско-меньшевистский исполком Совета Мурманска, в порту которого стояла английская эскадра, под давлением союзников запросил Народный комиссариат иностранных дел, руководимый Троцким, о том, «в каких формах может быть приемлема помощь живой и материальной силой от дружественных нам держав»³, и получил от последнего предательскую директиву о содействии союзникам, англичане не замедлили воспользоваться этой ситуацией и вместо поддержки оккупировали Мурманск, а затем и Архангельск.

Истинный смысл замыслов реакции и ее дипломатов был раскрыт представителями самой Антанты. Английский разведчик Уайзман следующим образом выразил надежды своих правящих кругов: «Если бы Троцкий призвал союзных интервентов, то германцы сочли бы это враждебным актом и, вероятно, заставили бы правительство покинуть Москву и Петроград. С потерей этих центров, как можно вполне полагать,— резюмировал пред-

---

¹ См.: Соловьев О. Ф. Великий Октябрь и его противники, с. 108.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 53.

³ История дипломатии. М., 1965, т. 3, с. 120—121.

ставитель Интеллидженс сервис,— большевистское влияние в России было бы полностью разрушено»¹.

Подписав мир с РСФСР, Германия продолжала интервенцию на Украине, в Белоруссии и Прибалтике. Ее войска постоянно переходили демаркационную линию, захватывали новые районы, города и деревни на территории РСФСР.

Советское правительство постоянно обращалось к германским представителям с требованием соблюдать условия мирного договора, разоблачало действия оккупантов на захваченной территории, требовало прекратить террористические акции против РСФСР. В ноте НКВД министерству иностранных дел Германии от 15 апреля 1918 г. указывалось: «В центральные советские учреждения поступают многочисленные сообщения о сожжении германскими войсками русских деревень и об актах насилия, творимых ими над русским населением. В городе Лепеле войска вырезали целую семью, не щадя женщин и маленьких детей... деревню Новоселки Могилевской губернии, Оршанского уезда, 5 апреля германские войска окружили... поставили вокруг нее 6 пулеметов, сожгли ее и расстреляли из пулеметов бегущее оттуда мирное население»².

В телеграмме НКВД полномочному представителю РСФСР в Германии для представления германскому правительству 17 мая 1918 г. сообщалось: «Германская подводная лодка за последние дни потопила несколько наших рыболовных парусных судов у нашего северного побережья. Вчера в 8 часов утра германская подводная лодка около бухты Вайда-губа атаковала без предупреждения пароход мурманского общества «Федор Чижов», совершавший обычный каботажный рейс из Вардо в Александровск с возвращающимися в Россию эмигрантами в качестве пассажиров и с грузом рыбы для Мурманского побережья. Спасавшихся на лодках пассажиров германцы обстреляли шрапнелью...»³

Нота полномочного представителя РСФСР в Германии А. А. Иоффе статс-секретарю министерства иностранных дел Кюльману от 28 марта 1918 г. указывала, что «продвижение германских войск продолжается». Перечислялись факты: «...германские подводные лодки блоки-

¹ Цит. по: Хауз Э. Архив полковника Хауза. М., 1939, т. 3, с. 296—297.

² Документы внешней политики, т. 1, с. 244—245.

³ Там же, с. 305.

руют гавань Новороссийска. В южной части Донского фронта идет наступление; было сражение у Батайска. В Валуйском уезде... возобновлено наступление большими силами... На русском Северо-Западном фронте немецкие войска неоднократно переходят демаркационную линию и совершают нападения на русские войска... В деревне Кожемякино у Себежа немцы увели... все мужское население... Вышеприведенные факты находятся в резком противоречии с постоянными заверениями... что Германия находится в состоянии мира с Россией и торжественно обязуется соблюдать Брестский мирный договор»¹.

Несоблюдением Германией Брестского договора пытались воспользоваться правительства стран Антанты и США, они оказывали не только дипломатическое, но и военное давление на Советскую Россию и пытались втянуть ее вновь в империалистическую войну.

С окончанием первой мировой войны державы Антанты и США, сбросив маску союзников, открыто начали реализацию своих контрреволюционных и захватнических планов. Все новые контингенты их войск прибывали на советскую землю и вместе с белогвардейскими соединениями «огнем и мечом» свержали революционную власть и восстанавливали господство буржуазии и помещиков. Еще в апреле 1918 г. в сообщении Советского правительства о японском десанте на Дальнем Востоке раскрывались истинные замыслы агрессоров: «Империалисты Японии хотят задушить Советскую революцию, отрезать Россию от Тихого океана, захватить богатые пространства Сибири, закабалить сибирских рабочих и крестьян»². Спустя несколько месяцев с начала пребывания интервентов на советской земле V Дальневосточный съезд трудящихся констатировал: «Войска Японии, Соединенных Штатов Америки, Англии и Франции вторглись в пределы Дальнего Востока.

Они разрушают наши села и города, убивают наших жен и дочерей, расстреливают каждого, кто не подчиняется их распоряжениям. Рука об руку со злейшими врагами трудового народа, с изменниками и предателями рабоче-крестьянского дела они губят завоевания нашей революции и топчут в грязь права и свободу трудящихся, нагло издеваясь над рабоче-крестьянским Правительством России и Дальнего Востока. Они вмешиваются в на-

---

¹ Документы внешней политики, т. 1, с. 327—328.

² Там же, с. 225.

ши внутренние дела, уничтожая наши избранные Советы, и навязывают нам продажных авантюристов и царских палачей»¹.

Британский консул в Архангельске Дуглас Янг сделал в свое время признание, за которое поплатился дипломатической карьерой. «Мне довелось видеть в Архангельске, — говорил он, — как английский генерал обращался с русскими людьми в их собственной стране с деспотизмом, присущим разве что царю, и вел себя так же позорно, как те русские старорежимные генералы»². И таких вынужденных признаний можно привести немало. И можно с уверенностью сказать, что вряд ли была большая разница между английским генералом, казнившим сипаев в Индии в 1857 г., привязывая их к жерлам пушек, и английским генералом, спустя шесть десятилетий мучившим и расстреливавшим коммунистов, советских работников на севере Советской республики. Как не было этой разницы между английскими и американскими, французскими и японскими и многими другими интервентами в различных районах Советской России, где они зверски расстреливали, вешали, топили в ледяной воде и сжигали в паровозных топках революционеров России, находившейся за тысячи километров от их собственных государств.

Обобщая опыт первых месяцев террористических действий интервентов на советской земле, В. И. Ленин в августе 1918 г. в обращении «Товарищи-рабочие! Идем в последний, решительный бой!» указывал: «Внешний враг Российской Советской Социалистической Республики, это — в данный момент англо-французский и японо-американский империализм. Этот враг наступает на Россию сейчас, он грабит наши земли, он захватил Архангельск и от Владивостока продвинулся... до Никольска-Уссурийского. Этот враг подкупил генералов и офицеров чехословацкого корпуса. Этот враг наступает на мирную Россию так же зверски и грабительски, как наступали германцы в феврале»³. И тогда же, в августе 1918 г., в письме американским рабочим Ленин отметил, что «именно теперь американские миллиардеры, эти современные рабовладельцы, открыли особенно трагическую страницу в кровавой истории кровавого империализма, дав согла-

¹ Документы внешней политики, т. 1, с. 456.

² Цит. по: *Ротштейн Э.* Когда Англия вторглась в Советскую Россию, с. 17.

³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 38.

сие — все равно, прямое или косвенное, открытое или лицемерно-прикрытое, — на вооруженный поход англо-японских зверей с целью удушения первой социалистической республики»¹. При этом Ленин дал убийственную характеристику международного империализма, показал кровавую, обрекающую трудящихся на смерть, нищету и голод цену его богатства и могущества. «Американские миллиардеры, — писал Ленин, — награбили сотни миллиардов долларов. И на каждом долларе видны следы грязи: грязных тайных договоров между Англией и ее «союзниками», между Германией и ее вассалами, договоров о дележе награбленной добычи, договоров о «помощи» друг другу в угнетении рабочих и преследовании социалистов-интернационалистов. На каждом долларе — ком грязи от «доходных» военных поставок... На каждом долларе следы крови — из того моря крови, которую пролили 10 миллионов убитых и 20 миллионов искалеченных в великой, благородной, освободительной, священной борьбе из-за того, английскому или германскому разбойнику придется больше добычи, английские или германские палачи окажутся первыми из душителей слабых народов всего мира»².

Империалистическая интервенция против Советского государства представляла собой открытое вмешательство во внутренние дела России со стороны Германии, держав Антанты и США с целью удушения социалистической революции. Она являлась продолжением классово-политики империалистической буржуазии, направленной против мирового революционного процесса, на ликвидацию революционного рабочего движения и подавление национально-освободительной борьбы угнетенных народов. В. И. Ленин постоянно подчеркивал классовый характер империалистической интервенции. В частности, ссылаясь на письмо в редакцию американского журнала «Новая Республика» от 25 июня 1919 г., он отметил, что даже либеральный американец «понял, что буржуазия всего мира организует и ведет гражданскую войну против революционного пролетариата, поддерживая для этого Колчака и Деникина в России, Маннергейма в Финляндии, лакеев буржуазии, грузинских меньшевиков, на Кавказе, польских империалистов и польских Керенских в Польше, немецких шейдемановцев в Германии, контр-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 48.

² Там же, с. 50.

революционеров, меньшевиков и капиталистов в Венгрии и так далее и так далее»¹.

Стремясь сокрушить революционные силы в Советской России и других странах, международная реакция использовала богатый арсенал средств классового подавления, накопленный ею за время своего классового господства. В ход были пущены и политические, и военные, и экономические, и идеологические методы борьбы. Как отмечалось в отчете Народного комиссариата иностранных дел РСФСР на VIII съезде Советов, «две системы борьбы против нас были выдвинуты наиболее последовательными из наших врагов, французским правительством, и в частности наиболее ярким проводником враждебной нам политики бывшим премьером Клемансо: система активного вмешательства путем поддержки и снабжения контрреволюционных генералов и окраинных государств, и система голодной и холодной блокады или так называемого экономического окружения. И та и другая были в общей форме выдвинуты Клемансо еще в декабре 1918 г.» И та и другая были поддержаны империалистами всех стран. В различных документах по внешней политике Советского правительства в связи с этим неоднократно отмечалось, что «Носке и Черчилль — эти два столпа международной жандармерии — подали друг другу руку и за спиною своих собственных народов организовали тайный дьявольский союз против мирного пролетариата», что «Америка солидаризировалась с бешеной политикой Клемансо», что все они — палачи свободы народных масс России².

С началом открытой вооруженной интервенции Антанты и США против Страны Советов Советское правительство прилагало усилия к прекращению военных действий, к решению политических вопросов путем переговоров. Оно неоднократно обращалось к правительствам стран Антанты с требованием вывода войск с советской территории, прекращения зверских расправ интервенционистских войск с военнопленными и мирным населением, с предложением мирных переговоров. 24 октября 1918 г. НКИД отправил ноту на имя президента США В. Вильсона. Разоблачая государственный терроризм США, вдохновлявших вооруженную интервенцию против Советской России, Советское правительство потребовало

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 187.

² Документы внешней политики, т. 2, с. 662—663 и др.

ответа, «намерены ли правительства в Америке, Англии и Франции перестать требовать крови русского народа и жизней русских граждан»¹. 25 октября эта нота была опубликована в газете «Известия».

3 ноября 1918 г. в Наркоминдел были приглашены находившиеся в Москве представители нейтральных стран, через них было передано письменное предложение о переговорах. 7 ноября 1918 г. VI съезд Советов сделал империалистическим державам предложение о начале мирных переговоров. Но правящие круги держав Антанты и США ответили усилением военной интервенции и военно-экономической блокадой против Страны Советов.

Превратив страну в военный лагерь, укрепляя его оборону и мобилизуя массы на отпор врагу, Советское правительство продолжало неустанно бороться за мир, за прекращение интервенции и открытие переговоров. «Больше года,— отмечалось в отчете НКИД РСФСР VII съезду Советов в декабре 1919 г.,— Советское правительство делало все, что могло, чтобы добиться прекращения войны и блокады, но до сих пор, однако, мировая реакция в лице держав Антанты и их наемных убийц, царских генералов, напрягает все силы и пускает в ход все средства, пытаясь покончить с воплощением в лице Советской России рабочей революцией»².

Силы международного империализма, как отмечалось в одном из документов НКИД РСФСР, не щадили «ни денег, ни вооружения, ни снаряжения для поддержки самой дикой реакции, самых крайних монархистов, самых варварских поработителей, чтобы только раздавить рабоче-крестьянскую революцию в России»³.

Вскрывая лицемерие правительственных кругов империалистических государств, всю лживость их обещаний, НКИД РСФСР в Обращении к трудящимся стран Антанты, переданном по радио 18 апреля 1919 г. и напечатанном в газете «Известия», указывал: «Вас обманывают, вас хотят уверить, что ваши правительства отказались от мысли о вмешательстве и о подавлении свободы трудящихся масс в России, между тем как в действительности они готовят на нас новые нападения и продолжают напрягать все силы для нашего порабления»⁴.

---

¹ Документы внешней политики, т. 1, с. 538—539.

² Там же, т. 2, с. 599.

³ Там же, с. 139.

⁴ Там же, с. 136.

Показывая демагогический характер пропагандистских кампаний международной реакции, НКВД в том же Обращении раскрывал ее действительные замыслы: «Когда войска Японии и Англии высадились в начале апреля прошлого года во Владивостоке, когда вслед за тем английские и французские войска отказались покинуть Мурманск и им на подмогу была послана новая экспедиция, сейчас же начавшая продвигаться в глубь России, когда затем войска союзных держав заняли Архангельск и пытались оттуда проникнуть в самое сердце России, когда чехословацкие контрреволюционные мятежники были объявлены союзным войском под покровительством держав Согласия и им на помощь поспешили союзные полчища через Сибирь, когда внутри России стали вспыхивать на деньги союзников и с прямым участием союзных офицеров белогвардейские восстания и союзными агентами готовились заговоры против Советской власти,— ваши правители объясняли вам, что все это требуется для того, чтобы перенести на Восток борьбу с Германией... И, однако, нигде в России войска ваших правителей не выступили как враги Германии, ради борьбы с которой они якобы были туда посланы. Наоборот, они выступили как ее настоящие союзники, даже в то время, когда еще происходила между вашими правительствами и центральноевропейскими мировая война»¹.

Политика империалистических государств, направленная на ликвидацию Советского государства, характеризовалась Советским правительством в официальных документах как «злостное, хищное стремление» империализма, ставшего на «кровавый путь» и пытавшегося «потопить Русскую революцию в потоках крови», что правительства Антанты и США «откровенно и ясно написали на своих знаменах лозунг крестового похода против рабоче-крестьянской революции»².

Политика «крестового похода» против рабоче-крестьянской революции, принявшая форму прямого вооруженного нашествия, как и те методы, которыми она осуществлялась (убийства борцов за Советскую власть, массовые расстрелы и истязания военнопленных и участников освободительной борьбы, жестокости в отношении мирного населения), с полным основанием могут быть определены как терроризм мировой реакции, как терро-

¹ Документы внешней политики. М., 1959, т. 3, с. 55, 56, 58, 227 и др.

² Там же, с. 55, 227; т. 2, с. 137.

ристическая политика империалистических государств. «Это был настоящий террор, когда против страны, одной из наиболее отсталых и ослабленных войной, объединились все державы. Даже Германия помогала постоянно Антанте еще с тех времен, когда она, не будучи побеждена, питала Краснова, и до последнего времени, когда та же Германия блокирует нас и оказывает прямое содействие нашим противникам. Этот поход всемирного империализма, этот военный поход против нас, этот подкуп заговорщиков внутри страны — разве это не был террор?.. Из этого вытекает, что обвинение в терроризме, поскольку оно справедливо, падает не на нас, а на буржуазию...»¹ Нашествие мировой реакции на Страну Советов, организацию державами Антанты и США заговоров и восстаний против Советского государства В. И. Ленин называл «основным источником терроризма»². И современная политика империализма неопровержимо доказывает, что массовый, широкомасштабный терроризм — основное военно-политическое орудие империалистической буржуазии.

2. ПОСЛЕДСТВИЯ ИНТЕРВЕНЦИИ

Разорение, нужда, обнищание³ — такими словами В. И. Ленин характеризовал положение Советской страны после разгрома интервентов и белогвардейцев.

Агрессия и террор нанесли огромный ущерб нашей стране. Велики были прямые разрушения в районах, где удалось похозяйничать интервентам и белогвардейцам. На многих маршрутах, насколько хватало глаз, тянулись насыпи со снятыми рельсами — разрушено было более 1700 верст железнодорожных путей⁴. Спленные телеграфные столбы, разбитые вокзалы, взорванные мосты (3672 разрушенных железнодорожных моста!) и портювые причалы дополняли картину разрухи на транспорте. Залитые водой шахты, остовы взорванных домен, скелеты фабричных корпусов, искалеченные нефтяные вышки — так выглядели промышленные районы после отступления врагов.

Но ущерб не исчерпывался непосредственными разрушениями. В городах, куда не ступала нога захватчика,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 354—355.

² Там же, с. 355.

³ См. там же, т. 43, с. 120.

⁴ См.: История КПСС, т. 4, кв. 1, с. 10.

были изношены станки и механизмы — во время войны не было возможности их обновлять, — заводы и фабрики требовали ремонта, осталось ничтожно мало исправных паровозов и вагонов. В сельском хозяйстве ощущалась острая нехватка сельскохозяйственного инвентаря — ведь все запасы металла, топлива, производственные мощности страна была вынуждена направлять на нужды фронта, и было попросту невозможно выпускать сельскохозяйственные машины и самые простые орудия. Нарушились нормальные экономические связи между различными районами страны, между городом и деревней.

Причиненный ущерб трудно определить в цифрах. Предварительная подсчитанная к 1922 году сумма ущерба, нанесенного Советской стране, составляла 39 млрд. золотых рублей, что превышало четвертую часть всего довоенного достояния страны¹. В дальнейшем подсчеты продолжались. Созданное в 1924 г. в СССР Общество содействия жертвам интервенции организовало учет индивидуальных претензий пострадавших от войны граждан. К июлю 1927 г. в Общество поступило 1135 тыс. претензий. «Заявленные в Общество претензии говорят о потерях, которые понесли около 7,5 млн. человек, или 8,8% населения пораженных интервенцией районов», — говорится в изданном в 1929 г. сборнике «К десятилетию интервенции». Иными словами, в оккупированных врагом районах почти каждый десятый житель (включая детей и стариков) был либо убит, либо ранен, либо подвергся насилию, аресту, ограблению! Дальнейшие подсчеты показали, что общая сумма ущерба должна быть дополнена еще несколькими миллиардами рублей.

Промышленное производство сократилось в 1920 г. по сравнению с 1913 г. в 5 раз, добыча угля — в 3 раза, нефти — больше чем в 2 раза, выплавка чугуна — в 33 раза². Хлопчатобумажных тканей фабрики в 1920 г. вырабатывали примерно столько же, сколько в 1857 г.³

В ряду потерь самыми ужасными были безвозвратные утраты населения. Если осенью 1917 г. население страны насчитывало (в границах, существовавших с 1921 по 1939 г.) более 147,6 млн. человек, то в 1922 г. — менее 135 млн. Таким образом, численность населения умень-

---

¹ См.: Любимов Н. Н. Баланс взаимных требований. М.—Л., 1924, с. 17.

² См.: Поляков Ю. А. Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1968, с. 54.

³ См.: История КПСС, т. 4, кн. 1, с. 10.

шилась более чем на 12 млн. Только от эпидемий сыпного, брюшного, возвратного тифа и других остроинфекционных болезней потери превысили 2 млн. человек. Если учесть, что в мирных условиях за эти годы население должно было бы не сократиться, а значительно вырасти, то станет ясно, какой неисчислимый урон был нанесен нашей стране. Резко увеличилось число калек, больных и просто нетрудоспособного населения, города и села заполнили миллионы сирот, ставших беспризорными.

Таковы были гигантские трудности, вызванные агрессией и терроризмом империализма. В. И. Ленин с огромной силой и образностью охарактеризовал положение страны весной 1921 г.: «Россия из войны вышла в таком положении, что ее состояние больше всего похоже на состояние человека, которого избили до полусмерти: семь лет колотили ее, и тут, дай бог, с костылями двигаться! Вот в каком мы положении»¹.

Говоря о колоссальных материальных потерях, понесенных страной в результате интервенции и гражданской войны, надо видеть их многообразие. Причины, вызывавшие эти потери, многочисленны. Прежде всего это разрушения, возникшие непосредственно в ходе боевых действий. Хотя действия авиации в то время были (в плане бомбардировок с воздуха) практически весьма незначительны, а плотность и мощь артиллерии также были относительно невелики (не только по сравнению со второй мировой войной, но и по сравнению с операциями 1914—1918 гг.), жесточенность боев приводила к немалым разрушениям и пожарам жилых домов, фабрично-заводских корпусов, железнодорожных сооружений и т. п. Так, значительные разрушения были причинены Ярославлю во время белогвардейского мятежа летом 1918 г. Отступающие войска противника взрывали железнодорожные пути, вокзалы и мосты. Среди почти 4 тыс. уничтоженных железнодорожных мостов были такие гиганты, как сызранский через Волгу (длиной около 1,5 км).

Взрывались, приводились в негодность угольные шахты, металлургические предприятия, нефтяные шахты, машиностроительные заводы, текстильные фабрики.

Но интервенты не только уничтожали. Они расхищали богатства страны. Это делалось по различным «соглашениям» с марионеточными «правительствами» и без всяких соглашений, богатства делили как «военную добы-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 147.

чу», по торговым сделкам и без всяких сделок, путем элементарного ограбления.

Австро-венгерские и германские оккупанты к осени 1918 г. успели вывезти около 2 млн. пудов сахара, 9132 вагона хлеба, 22 148 вагонов продовольствия (это немецкие данные, поэтому вагоны подсчитаны с такой точностью). В Германию и Австро-Венгрию с Украины отправили более 200 тыс. лошадей и крупного рогатого скота.

Вывезенное интервентами имущество Черноморского флота и портов оценивается в 2 млрд. руб. Кроме ценного промышленного оборудования интервенты ограбили бывшие царские дворцы в Крыму. Из Закавказья немецкие и турецкие интервенты вывозили марганец (31 тыс. т), медь, хлопок, шерсть, овечьи шкуры, табак, чай, фрукты. Каждый день турецкой оккупации из Баку вывозилось не менее 44 цистерн нефти. С Псковщины за девять месяцев оккупации было отправлено в Германию около 2 млн. пудов льноволокна.

Пришедшие на смену Германии, Австро-Венгрии и Турции войска и штатские «представители» Антанты продолжали политику грабежа и разбоя.

На Дальнем Востоке интервенты эксплуатировали угольные копи, золотые прииски, рыбные промыслы, вырубали леса, варварски использовали и расхищали железнодорожный и водный транспорт. Из дальневосточных портов за океан постоянно отправлялись суда с награбленным добром. Только за три месяца 1919 г. интервенты вывезли более 3 млн. шкурок ценной пушнины. Было вывезено большое количество лесоматериалов, миллионы пудов ценной рыбы и т. д.¹

В целях «освоения» Дальневосточного края империалисты держав Антанты и США открыли в различных его городах филиалы своих банков, создали многочисленные представительства, конторы, акционерные торгово-промышленные предприятия.

Интервенты разграбили Владивостокский порт, Дальневосточное морское, Амурское, Байкальское и Ленское пароходства, многие железнодорожные, продовольственные, военные склады, различные предприятия и учреждения, привели в негодность железные дороги. Интервенты помогли белогвардейцам увести из Владивостока в Ма-

---

¹ Данные о вывозе (здесь и далее) приводятся по кн.: Гражданская война и военная интервенция в СССР, Энциклопедия. М., 1983, с. 228—234,

нили корабли Сибирской военной флотилии (восемь миноносцев и шесть подводных лодок).

Орудя в Сибири и на Дальнем Востоке, интервенты присвоили также золотой запас Советского государства, захваченный Колчаком, который в обеспечение поставок и займов передал американским империалистам 2118 пудов золота, английским — 2883 пуда, французским — 1225 пудов, японским — 2672 пуда золота. Немало золота было награблено интервентами непосредственно в различных районах этого края.

За время своего пребывания на юге страны интервенты вывезли из Грузии 26 млн. пудов марганца, из Баку — около 30 млн. пудов нефти, из Абхазии — до 700 тыс. пудов табака высшего качества и т. д. Во время эвакуации из Одессы они отправили 112 судов с награбленным имуществом.

Покидая Крым осенью 1920 г., врангелевцы увели с собой 2 линкора, 2 крейсера, 10 эсминцев, 4 подводные лодки, 8 канонерок, 12 тральщиков, 119 вспомогательных судов, транспортов, буксиров. Флот был доставлен в Бизерту (Тунис), где находилась крупнейшая французская военно-морская база в Северной Африке. В 30-е годы большинство этих кораблей было продано на слом.

В качестве «компенсации» за помощь Врангелю интервенты вывезли из Крыма с февраля по август 1920 г. 3 млн. пудов зерна, 830 тыс. пудов соли, 120 тыс. пудов льна, 120 тыс. пудов табака, 63 тыс. пудов шерсти и т. д. Многие города — Одесса, Николаев, Херсон, Севастополь и др. — были разорены, торговый флот и портовые склады разграблены.

Интервенты разорили и захватили территории на севере Советской России. За время своего пребывания на русском Севере они вывезли леса на сумму свыше 1 млн. фунтов стерлингов, льна около 2 млн. пудов, марганцевой руды 98 тыс. пудов и другие природные богатства на общую сумму около 3,5 млн. фунтов стерлингов. Кроме того, интервенты привели в негодность все промыслы, разрушили заводы и железные дороги.

Советское правительство неоднократно вскрывало грабительский характер действий империалистических государств в отношении Советской России. Так, протестуя против «настоящей попытки Великобритании фактически аннексировать Крымский полуостров», которая скрывалась за поддержкой белогвардейской армии барона Врангеля, засевшего в Крыму, правительство

РСФСР в ноте правительству Англии от 17 июля 1920 г. указывало: «...когда Архангельский и Мурманский край находился по отношению к Великобритании в таком же подчиненном положении, английские власти распоряжались там бесконтрольно и действовали как верховная власть, опустошая весь край, расхищая его природные ресурсы и вывозя в Великобританию все, что было возможно, из богатств этого края»¹. Эта характеристика с полным основанием относилась и к другим империалистическим державам, войска которых хозяйничали в годы интервенции в различных районах нашей страны.

Огромные жертвы и потери, понесенные народами России в результате интервенции, затруднили и затормозили все развитие страны. Мирное социалистическое строительство пришлось начинать в условиях разрухи, опустошения. Страшное разрушение производительных сил обусловило необходимость целого исторического этапа — этапа восстановления народного хозяйства, длившегося более пяти лет.

В своей последней статье «Лучше меньше, да лучше» (2 марта 1923 г.) В. И. Ленин, подводя итоги пройденного пути, писал, что капиталистические державы «сделали все возможное, чтобы отбросить нас назад», добиться «возможно большего разорения страны». Они рассуждали примерно так: «Если мы не опрокинем революционного строя в России, то, во всяком случае, мы затрудним его развитие к социализму... В итоге они получили полурешение своей задачи. Они не свергли нового строя, созданного революцией, но они и не дали ему возможности сделать сейчас же такой шаг вперед»², который позволил бы развить гигантские силы социализма.

На долгие годы были прерваны нормальные внешние экономические связи с другими странами. Страну насильственно лишили возможности пользоваться преимуществами, которые давало участие в мировой системе разделения труда. Это еще больше усилило экономическое отставание России от западных стран, многие из которых, особенно США, наживались на войне с Республикой Советов.

Интервенция самым губительным образом сказалась на внешней торговле РСФСР. По данным профессора Н. Н. Любимова, общий ущерб, понесенный ею, составил

---

¹ Документы внешней политики СССР, т. 3, с. 52.

² Ленин В. И. Полн. собр., т. 45, с. 401—402.

примерно 1,4 млрд. руб. золотом¹. По существу, внешняя торговля страны вследствие блокады в 1919 г. и на протяжении значительной части 1920 г. сводилась к ряду случайных, главным образом импортных, операций, которые, по удачному выражению Б. Е. Штейна, «походили скорее на снабжение провиантом осажденной крепости, нежели на организованную торговлю»².

При этом экспорт в западные страны отсутствовал совершенно и не был зафиксирован таможенной статистикой, а импорт по стоимости едва превышал 500 тыс. руб. в довоенном исчислении³. К этому следует добавить, что регистрация импорта велась по моменту выпуска товаров из таможен, поэтому известное их количество было завезено ранее. Однако и без этой оговорки видно, что в условиях полной военно-экономической блокады Советская Россия в 1919 г. получила менее одной двухтысячной доли тех товаров (в стоимостном выражении), которые завозились в любой из годов предвоенного пятилетия⁴. В 1920 г. оборот внешней торговли РСФСР лишь проявил первые признаки оживления главным образом за счет незначительного импорта, ставшего возможным благодаря заключению мирного договора с Эстонией. Но этот оборот едва достигал одного процента внешнеторгового оборота дореволюционной России. Общее пагубное воздействие военно-экономической блокады на внешнюю торговлю РСФСР может быть проиллюстрировано следующей таблицей (см. на с. 189).

Особо следует остановиться на пиратских действиях империалистических держав в отношении советского торгового флота. За годы интервенции, военно-экономической блокады и гражданской войны национализированный в январе 1918 г. советский торговый флот понес огромный урон. Значительная часть годных к эксплуатации судов, приписанных к портам Белого, Черного, Балтийского морей и Тихоокеанского побережья, была уведена контрреволюционными правителями и интервентами за границу и постепенно либо попадала в руки прежних

---

¹ См.: Любимов Н. Н. Баланс взаимных требований СССР и держав Согласия. М.—Л., 1924, с. 109.

² Штейн Б. Е. Внешняя торговая политика СССР. М.—Л., 1925, с. 3.

³ См.: Внешняя торговля Союза Советских Социалистических Республик за период 1918—1927/28 гг. Статистический обзор. Л.—М., 1931, с. 20—21, 34—35.

⁴ Ср.: Импорт по европейской границе за 1909—1913 гг. Там же, с. XVII.

ВНЕШНЕТОРГОВЫЙ ТОВАРООБОРОТ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

(по довоенным ценам 1913 г., в млн. руб.)¹

Год	Экспорт	Импорт	Оборот
1913	1520	1375	2895
1918	8	105	113
1919	0	3	3
1920	1,4	29	30

частных владельцев, либо была распродана. Советское правительство начиная с 1921 г. и в течение длительного времени вело активную борьбу за возврат этой части своего торгового флота: представителям СССР за рубежом были разосланы циркуляры с приложенными к ним списками судов, на возвращении которых предлагалось настаивать перед соответствующими правительствами; неоднократно делались заявления о недействительности всех сделок на суда торгового флота, осуществленных без согласия Советского правительства; его право на собственность и возврат пароходов было зафиксировано в декларации к торговому договору с Великобританией от 8 августа 1924 г. и в последующих соглашениях с капиталистическими странами; юридические и дипломатические шаги предпринимались в связи с распродажей части флота и отдельных судов во Франции и в Германии².

Однако все эти меры не дали должных результатов. Оставшаяся в распоряжении Советского государства часть прежнего торгового флота, естественно, не могла обеспечить внешнеторговых перевозок страны. Паровые суда советского торгового флота к середине 20-х годов составляли лишь 36% численности и 31% вместимости пароходов, которыми располагала царская Россия на 1 января 1914 г.³

¹ См.: Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг. Статистический обзор. М., 1960, с. 14.

² См.: Документы внешней политики СССР, т. 6, с. 582—591; т. 7, с. 214, 636; т. 8, с. 332—334, 338, 790; т. 9, с. 577—578, 739; т. 11, с. 266—268, 718—719.

³ См.: Контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1927/28 г. М., 1929, с. 176; Внешняя торговля Союза ССР за 10 лет. Сборник материалов. М., 1928, с. 292.

Так империалистическая политика интервенции, представлявшая собой сознательно спланированный и организованный акт международного терроризма, преднамеренно, жестоко и расчетливо не только сталкивала миллионы советских людей в пучину голода, массовых эпидемий, хронической нехватки самых необходимых жизненных товаров, но и подвергала страну ограблению, разорению, подрывая возможность ее наступательного движения.

3. КОСТЛЯВОЙ РУКОЙ ГОЛОДА

Одним из страшных последствий интервенции был голод.

Летом 1921 г. небывалая засуха поразила огромные территории страны, привела к страшному неурожаю. Советская страна, не оправившаяся от хозяйственной разрухи, унаследованной от империалистической и гражданской войн, оказалась перед новым бедствием. К зиме 1922 г. голод охватил территории с населением до 35 млн. человек¹. Более двух десятков миллионов людей не имело куска хлеба. Особенно тяжелым было положение в Поволжье.

Борьба с последствиями неурожая, с голодом стала одной из главных задач Советского государства в то время. Советское правительство принимало чрезвычайные меры. Миллионы трудящихся, работая на заводах, транспорте и полях страны, отчисляли от своего небольшого заработка и полуголодного пайка деньги и продовольствие в помощь голодающим. На призыв В. И. Ленина откликнулся международный пролетариат и прогрессивные деятели науки и культуры за рубежом.

В противовес им активизировались самые различные силы мировой реакции и внутренней контрреволюции, попытавшиеся использовать ухудшение продовольственного положения в стране и задушить социалистическое государство «веревкой голода». Разоблачая планы империалистов, газета «Правда» отмечала, что резкое ухудшение продовольственного положения пытаются использовать в целях свержения Советской власти западные капиталисты, которые стремятся втянуть в активную борьбу против Советского государства не только Польшу и Румынию, но и Прибалтийские страны². На орга-

¹ См.: Поляков Ю. А. 1921-й: победа над голодом, М., 1975, с. 19.

² См.: Правда, 1921, 30 июля.

низации новой интервенции настаивали крайне правые круги белой эмиграции. В середине августа 1921 г. «Русский совет» при Врангеле опубликовал очередное воззвание, в котором, пугая страны Европы грозой стихийного нашествия голодных многомиллионных масс русского крестьянства, рекомендовал западным державам «ультимативно потребовать ухода Советской власти». В воззвании высказывалась просьба к империалистическим странам «обеспечить выполнение этой программы организованной военной силой», способной «оградить избрание и первые шаги новой власти»¹.

Борьба с голодом требовала огромного напряжения всех сил и использования всех средств и возможностей. Советское правительство стремилось привлечь к ликвидации этого бедствия как можно больше общественных деятелей в стране. В июне 1921 г. А. М. Горький предложил учредить Всероссийский комитет помощи голодающим. Это предложение сразу же было использовано представителями буржуазной интеллигенции, входившими ранее в различные буржуазные партии и стремившимися к созданию легальных оппозиционных центров, противостоящих Советской власти. Члены ЦК партии кадетов, бывший министр Временного правительства С. Н. Прокопович и несостоявшийся «диктатор» Петрограда Н. М. Кишкин, бывший царский министр Н. Н. Кутлер и «социалистка» бернштейнианского типа Е. Ф. Кускова и др. образовали инициативную группу по созданию подобного комитета. Один из активных участников этой группы, С. П. Мельгунов, вспоминал впоследствии в эмиграции, что состав буржуазных членов комитета тщательно подбирался на предварительных тайных совещаниях, которые проводились на частных квартирах².

12 июня в Политбюро ЦК РКП(б) состоялось обсуждение вопроса о создании комитета помощи из буржуазных деятелей. В. И. Ленин в записке Н. А. Семашко, протестующему против предоставления легальных возможностей противникам Советской власти, написал: «Директива сегодня в Политбюро: строго обезвредить Кускову. Вы в «ячейке коммунистов» и не зевайте, блюдите сие строго.

От Кусковой возьмем имя, подпись, пару вагонов от тех, кто ей (и таким) сочувствует. Больше ни-че-го»³.

¹ Зарницы (София), № 19, с. 21—23.

² Цит. по: Последние новости (Париж), 1923, 31 мая.

³ Ленинский сборник XXXVI, с. 287.

Цели буржуазных деятелей, стремившихся объединиться под эгидой Всероссийского комитета помощи голодающим, были раскрыты ими уже на предварительном совещании инициативной группы с участием советских представителей. В частности, Н. М. Кишкин пытался изобразить Советскую Россию страной беззакония и анархии и требовал от Советской власти обеспечения всем «работникам по голоду законную защиту их деятельности, скорое продвижение и полную сохранность всех грузов и пожертвований, предназначенных для голодающих»¹.

Это означало выражение открытого недоверия Советской власти. Однако, несмотря на это, Советское правительство, стремясь втянуть в деловое сотрудничество буржуазную интеллигенцию, пошло на создание Всероссийского комитета помощи голодающим (Всероспомгол). 21 июля 1921 г. декретом ВЦИК был утвержден его статут. В комитет вошли представители партии большевиков и известные деятели науки и культуры. Наряду с ними в его состав были включены представители буржуазной интеллигенции. Большинство их составляло оппозицию Советской власти, пыталось саботировать мероприятия государственных органов и проводить антисоветскую политику².

Всероспомгол строил свою деятельность на принципе автономного вхождения в него подобных комитетов других городов — Петрограда, Нижнего Новгорода, Владимира, Казани, Самары, Саратова и др., для которых также было характерно наличие антисоветской оппозиции. Так, в Петроградский филиал комитета входили такие бывшие политические деятели российской буржуазии, как бывший товарищ министра торговли и промышленности Временного правительства П. И. Пальчинский, кадет-публицист А. С. Изгоев, экономист Д. С. Зернов, в прошлом члены государственного совета Е. Л. Зубашев и Д. Д. Протопопов и др.

Поэтому совсем неудивительно, что различные антисоветские силы попытались превратить Всероспомгол в центр сплочения контрреволюции внутри страны и ис-

¹ Известия, 1921, 21 и 22 июня.

² В связи с этим комитет получил в народе ироническое прозвище «Прокуиш» — по начинающим слогам трех первых фамилий его активных членов (С. Н. Прокоповича, Е. Ф. Кусковой и Н. М. Кишкина). В. И. Ленин, вскрывая антисоветскую, антинародную сущность этого комитета, иногда именовал его просто «Кукиш» (см.: В. И. Ленин и ВЧК, 1917—1922 гг., с. 501, 506),

пользовать его в целях буржуазной реставрации. В эмиграции сразу же заговорили о необходимости широкой антисоветской коалиции, о ее успешном «московском начинании», о том, что «нашлись в России социал-демократы, социалисты-революционеры, кадеты и беспартийные социалисты и несоциалисты, которые на деле показали, что коалиция возможна и нужна»¹.

Лидеры партий правых эсеров и меньшевиков вели переговоры с Всероспомголом о введении в него своих официальных представителей. Кадетские же деятели отстаивали мнимую беспартийность комитета. Однако в местных отделениях комитета и кадеты, и эсеры, и меньшевики действовали совместно. Контрреволюция уже видела во Всероспомголе свой политический центр. 20—24 августа в Москве проходил Всероссийский съезд сельхозкооперации, среди делегатов которого имелась довольно сильная антисоветская группа эсеров, возглавляемая С. Масловым. Под их влиянием 23 августа съезд, обсуждая вопросы о помощи голодающим, постановил, что сельхозкооперация должна выполнять задания Всероспомгола². Пытались установить контакты с этим комитетом и руководители кулацких мятежей. Так, арестованные в Москве летом 1921 г. агенты Антонова, главаря тамбовских мятежников, признались, что им было поручено связаться с представителем Всероспомгола и членом ЦК кадетской партии Кишкиным³.

Последний, со своей стороны, уже составил схему переустройства Советской России, которая должна была управляться канцлером, Государственной думой и т. д. А член комитета П. Т. Саламатов подготовил план антисоветского восстания по всей стране, а затем установления буржуазной диктатуры с верховным правителем во главе.

Буржуазные деятели Всероспомгола стремились в антисоветской борьбе широко использовать реакционных представителей церкви. Член комитета С. Н. Прокопович позже признавал в эмиграции, что они обращались к церкви как к организации, имевшей свою сеть на местах и влияние на народные массы. Верхи церкви во главе с патриархом Тихоном активно солидаризировались с их антисоветскими замыслами.

---

¹ Последние новости (Париж), 1921, 10 августа.

² См.: Сельскохозяйственная жизнь, 1921, 23 августа и 13 сентября.

³ См.: Известия, 1921, 8 сентября.

На страницах своего печатного органа «Помощь» комитет старался пропагандировать идею необходимости иностранной помощи, которая якобы и в состоянии только спасти русский народ.

Рассматривая себя как основной канал получения иностранной помощи, комитет требовал, чтобы Советское государство предоставило ему такие условия деятельности, при которых за границей исчезли бы всякие сомнения в свободе его действий. Впоследствии Кускова признавала, что она и ее буржуазные коллеги по комитету с самого начала полагали, что помощь может прийти лишь от империалистических держав, и поэтому требовали от Советского правительства автономии Всероспомгола¹.

Комитет явно ориентировался на иностранные правительства и белую эмиграцию. В обход официальных советских органов быстро были установлены связи между ним и реакционными кругами за рубежом. Буржуазные деятели вместо помощи голодающим занялись сбором информации и ее переправкой за границу в адрес различных белоэмигрантских организаций. Кадетский лидер П. Н. Милюков, находившийся в Париже, подтверждал, что многие сведения о положении дел в Советской России они получали именно через каналы связи с Всероспомголом. Установил комитет связи и непосредственно с представителями иностранных государств. В Москве постоянный контакт поддерживался с руководителем английской торговой делегации Ходжсоном, ставшим вскоре политическим представителем Англии в Советской стране. Английские представители и агенты зачастили в комитет и на квартиры его буржуазных деятелей. А представитель комитета в Париже М. И. Скобелев вел переговоры с французским правительством.

Активизировались зарубежные политические группировки кадетов и псевдосоциалистов, делавшие ставку на буржуазное перерождение советского строя. Срочно стали созываться разного рода совещания, учреждавшие комитеты помощи голодной России. Один из таких комитетов был создан в Лондоне представителями российских кооперативных деятелей и Земского союза. Как отмечали милюковские «Последние новости», первой мыслью его инициаторов, естественно, было установление контактов с московским комитетом². Под председательством

---

¹ См.: Воля России, 1928, № 3, с. 58, 62.

² См.: Последние новости (Париж), 1921, 23 августа.

Н. Д. Авксентьева, одного из руководителей диверсионного Административного центра в Париже, был образован Российский общественный комитет помощи голодающим в России, объединивший 120 деятелей белой эмиграции. Был избран исполнительный комитет в составе 16 человек, в основном кадетов и правых эсеров¹.

Именно на установлении непосредственных контактов белоэмигрантских центров и правящих кругов империалистических держав с Всероспомголом, на возможности координации его деятельности на местах настаивали антисоветские лидеры. Характерны в этом отношении условия помощи голодающим, выдвинутые Милюковым. Кадетский руководитель советов повсеместно создавать отделения комитета, шире вовлекать в них антисоветских деятелей и постепенно забирать власть у Советов. «Мы назвали эти условия деловыми в том смысле,— отмечал Милюков в передовой статье «Власть на местах и голод», опубликованной в «Последних новостях»,— что они не предполагают немедленной ликвидации Советской власти, а считаются с фактом ее существования в России»². Разрабатывая идеи «тихой контрреволюции», кадетский лидер, по сути дела, предлагал подмену советских органов на местах оппозиционными центрами в лице отделений Всероспомгола, а затем и Советского правительства — широкой коалицией антисоветских сил. Подобным образом предлагали действовать и эсеровские политические группировки. Еще 15 июля 1921 г. Центральное бюро партии социалистов-революционеров выпустило воззвание «Голод в России», в котором, призвав «демократию» к свержению власти большевиков, предложило создавать в Поволжье беспартийные общественные организации как центры, оппозиционные советским органам.

Эсеры настаивали на том, чтобы иностранные державы, предоставляя кредиты комитету, требовали политических гарантий от Советской власти, что они будут распределяться по его усмотрению. Одной из таких гарантий по их требованию должна была явиться передача комитету контроля над продовольственным снабжением армии и частей внутренней охраны, что явилось бы «лучшим средством нейтрализации Красной Армии». Реко-

---

¹ См.: Бюллетень Исполнительной комиссии совещания членов Учредительного собрания (Париж), 1921, № 1, с. 13—14.

² Последние новости (Париж), 1921, 23 августа.

мендовалось потребовать и немедленной ликвидации ВЧК¹.

Эта «программа» нашла полную поддержку среди империалистических кругов западных государств. В буржуазной прессе, как и в эмигрантских газетах, печатались статьи с требованием передачи всей политической власти в России Всероссийскому, давались провокационные, подстрекательские инструкции контрреволюционным силам внутри страны. В начале августа передовая статья печатного офицера французской буржуазии возвела требование смены власти в России на уровень условия помощи голодающим. Французский премьер-министр Бриан прямо заявил, что его представители «будут отстаивать необходимость вступить в непосредственные отношения с Всероссийским комитетом»².

12 августа 1921 г. Верховный совет держав Антанты, обсудив вопрос о голоде, решил создать особую комиссию по организации помощи голодающим во главе с Ж. Нулансом — бывшим французским послом в России, одним из организаторов контрреволюции и военной интервенции в 1918 г. Назначение подобных деятелей в комиссию определило и характер ее деятельности. Вместо организации сбора средств в помощь голодающим комиссия предъявляла Советскому правительству разного рода требования: от признания царских долгов до независимости Всероссийского.

Международная реакция, приветствуя создание Всероссийского, считала его основой будущего буржуазного правительства. Французская газета «Тан» (6 августа 1921 г.), английская «Монинг пост» (17 августа 1921 г.) и др. открыто выражали надежды, что в скором времени комитет возьмет в свои руки управление экономикой страны, а затем и всем государством. Газета «Франкфуртер цейтунг», сообщая о встрече Бриана с Керенским, отмечала, что, «быть может, Бриан уже видит в Керенском министра-президента русского коалиционного правительства, возникшего из недр Всероссийского комитета помощи. И надо сказать,— продолжала далее газета,— что ведь повсюду в мире создалось впечатление, что Всероссийский комитет помощи — не что иное как зародыш будущего коалиционного правительства»³. «Послед-

¹ См.: Правда, 1922, 9 августа; Бюллетень Народного комиссариата иностранных дел, 1921, № 5, с. 3—4.

² Le Temps, 1921, 8 août.

³ Цит. по: Исторические записки, т. 77, с. 203.

ние новости» со ссылкой на иностранные источники отмечали, что «циркулируют упорные слухи о том, что «Коммунистическая партия готова сдать власть, передать ее в руки коалиции». Упорно утверждают, что власть будет передана Всероссийскому комитету помощи»¹.

Лорд Эммот, занимавшийся по поручению английского правительства вопросом о голоде в Советской России, указывал, что помощь должна направляться через Всероспомгол с условием, что в нем будут представители иностранных держав. А известный английский капиталист Уркварт предлагал организовать международный синдикат, который через Всероспомгол стал бы продавать сельскохозяйственные машины, одежду, обувь. Советское правительство, как он считал, должно будет пойти на эту уступку².

Однако ни белая эмиграция, ни мировой империализм не предоставили комитету каких-либо средств для помощи голодающим в Советской России. А в это время в некоторых капиталистических странах гнили крупные запасы зерна, которое капиталисты не выбрасывали на рынок, боясь снижения цен на продовольствие. Только в хранилищах Канады имелось в 3 раза больше излишков зерна, чем необходимо было для голодающих Поволжья, огромные запасы хлеба были сосредоточены в Соединенных Штатах Америки, а в Аргентине кукурузу сжигали в качестве топлива³.

Получая поддержку из-за рубежа, подстрекаемые лидерами белой эмиграции и правящими кругами империалистических государств, буржуазные деятели, собравшиеся под эгидой Всероспомгола, попытались развернуть широкую антисоветскую деятельность.

Один из членов комитета, В. Ф. Булгаков, характеризуя его политическую деятельность, с циничной откровенностью признавал: «И мы, и голод — это средство политической борьбы»⁴.

Ввиду явно контрреволюционной деятельности Всероспомгола Советское правительство приняло решение о его ликвидации. 27 августа 1921 г. постановлением Пре-

---

¹ Последние новости (Париж), 1921, 7 августа.

² См.: *Рубинштейн Н. Л.* Советская Россия и капиталистические государства в годы перехода от войны к миру. М., 1948, с. 115—117.

³ См.: Правда, 1921, 25 октября.

⁴ Правда, 1921, 8 сентября.

зидиума ВЦИК Всероссийский комитет помощи голодающим был распущен.

Озлобленные крахом планов свержения Советской власти с использованием Всероспомгола, империалистические государства пошли на обострение отношений с Советской Россией и пытались усилить политическое давление на социалистическое государство. 3 сентября Франция потребовала от Польши разрыва договора с Россией и начала военных действий. 7 сентября министр иностранных дел Англии лорд Керзон выступил с грубой клеветой на Советское правительство, обвинив его в подрывной деятельности против Англии в районе Ближнего и Среднего Востока¹.

В обстановке усиления международной напряженности комиссия Нуланса в ультимативной форме потребовала 4 сентября от Советского правительства допуска в страну 30 экспертов для получения информации на местах. По сути дела, речь шла о легализации подрывной деятельности иностранных представителей. Этого Советское государство ни при каких условиях, разумеется, допустить не могло. Возмущенный подобными требованиями, В. И. Ленин в тот же день заявил: «Нуланс нагл до безобразия»². В проекте постановления Политбюро ЦК РКП(б) Ленин указал: «Поручить Чичерину составить в ответ Нулансу ноту отказа в самых резких выражениях типа прокламации против буржуазии и империализма, особенно подчеркнув контрреволюционную роль самого Нуланса, особо указав издевательски-наглый характер предложения послать до всякого договора комиссию шпииков под названием комиссии экспертов... Особо подчеркнуть, что мы не можем ни секунды верить в желание помочь гг. Нулансов *при таком их подходе к делу*»³.

Руководствуясь данными рекомендациями, народный комиссар по иностранным делам Г. В. Чичерин в ноте правительствам Великобритании, Франции, Италии и Бельгии от 7 сентября 1921 г. указывал: «Комиссия г-на Нуланса заменила помощь голодающим собиранием сведений о внутреннем состоянии Советской России. Она выставила обширную программу расследования, требую-

---

¹ См.: Документы внешней политики СССР, т. 4, с. 679; Анти-советские подлоги. История фальшивок, факсимиле и комментарии, М., 1926, с. 29—36.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 116.

³ Там же.

щую для своего выполнения продолжительного времени и сводящуюся к установлению ресурсов и средств Советской России в области земледелия, транспорта, скотоводства и т. д., причем это должно делаться под руководством тех людей, которые уже занимались этим изучением в ничем не прикрытых целях устройства мятежей и облегчения продвижения иностранных армий на территории Советской Республики. Голод и страдания трудящихся России оказались поводом для этой комиссии, чтобы попытаться узнать, какими силами и средствами располагает Советское правительство». И далее, отказываясь удовлетворить домогательства господина Нуланса, НКВД отмечал, что Советское правительство вместе с тем «пойдет в полной мере навстречу всякой другой организации, раз оно увидит, что эта организация действительно хочет заняться помощью голодающим»¹.

В августе 1921 г. Советское правительство вело переговоры с Американской администрацией помощи (АРА), которую возглавлял министр торговли Соединенных Штатов Америки Г. Гувер. АРА являлась ассоциацией нескольких благотворительных, религиозных и националистических организаций, действующих под управлением единой администрации. Под прикрытием оказания продовольственной и иной помощи пострадавшим от войны европейским народам АРА проводила американскую политику империалистического проникновения в разные страны и оказания на них политического давления. Подобным образом она пыталась действовать и против Советского государства.

Гувер предложил помощь голодающему Поволжью, но выдвинул длинный список требований, имевших целью подрыв Советской власти. Он требовал полной свободы действий своих сотрудников на советской территории, их непрременной экстерриториальности, права им организовывать местные комитеты помощи и т. д., всего было предъявлено 26 условий². На практике бы все это означало неприкрытое вмешательство во внутренние дела Советского государства.

Ознакомившись с предложениями Г. Гувера и европейского директора АРА Ч. Брауна, В. И. Ленин указал, что надо поставить условием недопущение «ни малейшей тени вмешательства не только политического, но и адми-

---

¹ Документы внешней политики СССР, т. 4, с. 309—311.

² Там же, с. 276—278.

нистративного»¹. Критикуя подлых американских торгашей, он писал: «Тут игра архисложная идет. Подлость Америки, Гувера и Совета Лиги наций сугубая... Гувер и Браун наглецы и лгуны»².

19 августа Советская комиссия помощи голодающим при ВЦИК выступила с заявлением, в котором отметила, что представители АРА стремятся навязать Советскому правительству требования, абсолютно неприемлемые для независимого государства, и преследуют цели, «грозящие подрывом самих устоев нынешнего социального строя России и даже ее независимости»³.

В результате переговоров, которые проходили в Риге, АРА сняла часть своих ультимативных требований, и 20 августа 1921 г. было подписано соглашение об условиях оказания помощи голодающим детям. Немногим более чем за год было ввезено 28 млн. пудов продовольствия.

Но, оказывая помощь, АРА пыталась вести и подрывную деятельность. Среди почти 300 ее американских сотрудников на советской территории немало было кадровых разведчиков. Директором АРА в Советской России являлся полковник У. Н. Хаскель, его секретарем — бывший американский консул в Петрограде, разведчик Д. А. Лерс, а его помощником — разведчик М. Филипп. Разведчиками также были представитель АРА на юго-востоке России М. А. Дрисколь, уполномоченный в Казани Д. Г. Бойд, на Украине — полковник В. Р. Гров, в Белоруссии — армейский разведчик Гарди и многие другие. Кроме распределения продовольствия и руководства питательными пунктами американские «филантропы» немало времени уделяли разведывательной и антисоветской деятельности. Сотрудники АРА довольно часто совершали поездки по стране, пытались проникнуть даже в те районы, где совсем не было питательных пунктов, занимаясь вербовкой агентов и сколачиванием антисоветских групп, собирали сведения о состоянии промышленности, сельского хозяйства и военном потенциале Советского государства.

Американские сотрудники АРА пытались всеми силами сплотить на территории Советской России антисоветские группы, объединить все враждебные Советской власти элементы. Характерно, что именно антисоветски

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 53, с. 115.

² Там же, с. 110—111.

³ Документы внешней политики СССР, М., 1961, т. 5, с. 717.

настроенных людей сотрудники АРА прежде всего стремились оформить к себе на работу. Так, должность заместителя директора Саранского уездного комитета АРА занимал эсер И. Козлов, который во время чехословацкого мятежа в 1918 г. являлся председателем кулацко-эсеровского съезда, объявившего себя «верховным хозяином» уезда. Членами этого комитета АРА были также эсеры П. Буданов, Я. Наровчатский и др. Включали американцы в состав комитетов АРА представителей бывших правящих классов, кулаков и реакционного духовенства.

Состав комитета АРА Самарской губернии американцы подобрали в основном из враждебно настроенных к Советской власти лиц.

На Украине АРА нередко организовывала свои пункты в местах, где еще продолжали орудовать кулацкие банды. В мае 1922 г. полковник Гров заявил, что его отдел предполагает охватить «продовольственным снабжением» юго-западную часть Донбасса, Киевскую, Волинскую, Подольскую, Харьковскую, Полтавскую и Кременчугскую губернии. Г. Гувер требовал активизации подрывной работы АРА в этих районах, хотя по соглашению с правительством УССР они не входили в сферу ее деятельности. А плоды этой деятельности нередко не имели ничего общего с помощью голодающим. Так, в ночь с 17 на 18 апреля 1923 г. агентурой АРА был подожжен элеватор в Николаевском порту¹.

В Белоруссии представители АРА обратили свое внимание на пограничные районы — Дриссенский, Лепельский и Полоцкий. Здесь они стремились оживить не только внутреннюю контрреволюцию, но и всячески содействовать вооруженным провокациям против Советского государства со стороны панской Польши. В связи с этими действиями американцев штаб западной армии сообщал: «Находящееся в Барановичах объединение Американского Красного Креста по оказанию помощи голодающим во главе с капитаном Штальцем снабжает прибывающих с советской территории бандитов обмундированием, продовольствием и якобы полученным из Варшавы оружием и направляет их на Украину»².

В условиях подрывной деятельности АРА против Советской власти пытались активизировать свои действия кулацко-белогвардейские элементы. Они грабили продо-

---

¹ См.: Правда, 1923, 20 апреля.

² Вопросы истории, 1968, № 12, с. 54.

вольственные склады, убивали советских продработников и коммунистов. В одном только Самарском уезде с декабря 1921 г. по октябрь 1922 г. за антисоветские выступления, связанные с американской помощью, было привлечено к ответственности 44 кулака. Осенью 1921 г. лишь в Пугачевском уезде Самарской губернии кулацкие бандиты разграбили около 17 тыс. пудов хлеба, принадлежащего комиссии помощи голодающим¹.

Активное использование голода контрреволюционными силами в борьбе против Советской власти неоднократно отмечалось партийными органами на местах. В октябре 1921 г. Царицынский губком партии отмечал, что «на голоде играют белогвардейские организации, что ведет к усилению бандитизма». В конце 1921 г. Ставропольский губком также указывал, что «эсеровская контрреволюционная агитация ведется главным образом на почве голода»².

В мае 1922 г. Витебский и Гомельский губкомы партии, отмечая подрывную деятельность АРА, характеризовали ее как «скрыто-военную организацию», преследующую враждебные РСФСР цели³. В обзоре ВЧК о деятельности иностранных и контрреволюционных организаций на территории страны (январь 1922 г.) АРА называлась «весьма значительным центром шпионских организаций». При этом особо подчеркивалось, что АРА «всячески старается принимать к себе на службу бывших белогвардейских офицеров и других лиц с установившейся контрреволюционной репутацией»...

В этих условиях Советское государство в ряде районов страны иногда приостанавливало работу объединений АРА. К лету 1923 г. деятельность АРА на территории нашей страны была вообще прекращена.

Таким образом, мировая реакция всеми силами стремилась использовать голод с целью подрыва Советской власти. Используя помощь голодающим, империалисты намеревались активизировать и сплотить внутреннюю контрреволюцию. Но и эти антисоветские замыслы были сорваны. Огромные усилия молодого социалистического государства, помощь международного пролетариата привели к ликвидации тяжелого положения в стране. Порвалась контрреволюционная петля из «веревки голода».

---

¹ См.: *Стрельцов И. Т.* В центре голода 1921—1922 гг. М.—Самара, 1931, с. 25.

² Исторические записки, т. 77, с. 191.

³ См.: Вопросы истории, 1968, № 12, с. 56—57.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы рассмотрели под углом зрения проявлений зловещей триады — экспорта контрреволюции, международного государственного терроризма, антисоветской интервенции — действия империализма в борьбе против Республики Советов в 1917—1922 гг.

Современный капитализм во многом отличается от того, каким он был в начале и даже середине XX в. Однако это все еще сильный и опасный противник, хотя и прошел точку своего наивысшего подъема. Не изменилась и агрессивная природа империализма, не изменился антигуманный характер всех его действий. Более того, теряя одну позицию за другой, мировой империализм во главе с США стал еще более нетерпимым к социализму. Не случайно в Программе КПСС разоблачается политика экспорта контрреволюции, социального реванша, осуществляемая империалистами.

Середина XX в. и его вторая половина ознаменовались нарастанием революционного движения во всех концах мира, крушением колониальной системы империализма, рождением и укреплением мировой системы социализма. Уже один факт осуществления победоносных социалистических революций в таких различных странах, удаленных друг от друга на многие тысячи километров, как Чехословакия и Куба, Болгария и Вьетнам, Венгрия и Лаос, со всей убедительностью говорит об основной тенденции развития человечества. Эта тенденция — переход от капитализма к социализму. С тем большим ожесточением международный империализм борется против каждого прогрессивного движения в каждой стране.

Мы помним, как в 20-е и 30-е годы империалистические круги пытались организовать дипломатическую изоляцию СССР (США, как известно, признали Республику Советов только в 1933 г.), провоцировали вооруженные столкновения на советских границах, всячески поддерживали бандитские формирования.

После разгрома германского фашизма и японского милитаризма международные империалисты по-прежнему

му главные усилия прилагали для подрыва крупнейшей социалистической державы — Советского Союза. Они делали это, размахивая атомной бомбой, размечая на карте советские города, предназначенные для бомбовых ударов, разжигая войну психологическую и сгущая потемки «войны холодной», нагромождая горы лжи о советской военной угрозе.

В своей антисоветской политике администрация США ставит своей целью, как и прежде, изменение строя в СССР. Об этом откровенно заявил, в частности, государственный секретарь США Джордж Шульц. Он сказал в 1983 г. на заседании сенатской комиссии по иностранным делам: «Мы считаем своей обязанностью... способствовать постепенной эволюции советского строя в направлении более плюралистической политической и экономической системы».

В условиях коренного изменения с середины XX в. соотношения сил в мире международный империализм активизировал свою политику экспорта контрреволюции. Американские правящие круги развязали в 60-е годы широкомасштабную — с участием сотен тысяч солдат и невиданного количества современной техники — войну против социалистического Вьетнама, войну, получившую во всем мире название грязной и позорной. США приложили все усилия, закончившиеся, как и во Вьетнаме, полным провалом, чтобы не допустить победы народа в Лаосе и Кампучии.

Все послевоенные годы ведется подрывная деятельность империалистов против Польши, Чехословакии, Венгрии, ГДР и других социалистических стран Европы. Упор делается на активизацию внутренних контрреволюционных сил, которым оказывается всемерная материальная и идеологическая поддержка.

Как только трудовой люд Афганистана осуществил в 1978 г. Апрельскую революцию, направленную на искоренение пережитков феодализма, преодоление отсталости и невежества, правящие круги капиталистических стран, и прежде всего США, поднялись на защиту афганской реакции. С тех пор не прекращается необъявленная война против афганского народа.

Американский империализм ожесточенно борется против революционного движения в Западном полушарии.

Какие только меры — от высадки интервенционистских десантов до покушений на жизнь кубинских лиде-

ров, от засылки диверсантов до разнузданных пропагандистских кампаний, от блокады до бактериологической войны и бесчисленных провокаций — не предпринимались против революционной Кубы!

Тысячи документальных свидетельств неопровержимо доказывают, что ЦРУ организовало контрреволюционный переворот в Чили, приведший к власти Пиночета.

Вызовом всему мировому сообществу, осуждающему экспорт контрреволюции, явилось американское нападение на Гренаду осенью 1983 г. Могущественная держава не устыдилась бросить свой флот, авиацию, солдат против крошечного государства, которое осмелилось осуществлять революционные преобразования.

США всемерно поддерживают карателей Сальвадора, сосредоточили силы для борьбы против революционной Никарагуа. ЦРУ снабжает и вооружает — вплоть до самолетов и военно-морских судов — отряды бежавших ранее из страны приверженцев свергнутого диктатора Сомосы, руководит их засылкой на территорию Никарагуа.

Циничнейшим проявлением государственного терроризма стала бомбардировка флотом и авиацией США ливийских городов в апреле 1986 г. США и их союзники не прекращают попыток осуществить экспорт контрреволюции в другие страны Ближнего Востока, отстаивающие право на независимое развитие.

Характерной чертой экспорта контрреволюции является его дестабилизирующий, разрушительный характер. Упадок экономики, обострение нищеты трудящихся, загнивание идеологии и морали — вот что пытаются использовать в качестве оружия борьбы против революции реакционные силы.

Эти антигуманные действия вскрывают хищнический, своекорыстный характер действий организаторов империалистической интервенции. Поддерживая реакцию или готовя свержение прогрессивных, революционных режимов, они стремятся извлечь для себя побольше выгод — захватить рынки сбыта, источники сырья, расширить сферу применения капитала. Чем больше они тратят средств на посылку бронированных армд, диверсионные операции, вооружение наемников, тем сильнее их стремление возместить убытки. Расплата происходит за счет народных масс, и внутренняя контрреволюция в случае своего успеха проявляет необыкновенное рвение, чтобы переложить на плечи народа бремя погашения долгов за «помощь» империалистов.

Экспорт контрреволюции готовится и осуществляется под мощным пропагандистским прикрытием. Лидеры капиталистических стран словно соревнуются в побитии рекордов лжи и лицемерия. Приводя к власти кровавых диктаторов и подавляя гражданские свободы, клянутся в любви к правам человека.

Афганские душманы — изуверы, поборники средневековья, бандиты, беспощадно расправляющиеся с женщинами и детьми, сжигающие школы, объявляются носителями свободы и демократии. Бандитское нападение на суверенную Гренаду называют «спасительной миссией».

Пропагандистское «прикрытие» приняло такой агрессивный характер, такой невиданный размах, что оно превратилось, по существу, в самостоятельную форму экспорта контрреволюции, в психологическую войну империализма против прогрессивных сил во всем мире.

Особую угрозу для человечества представляет то, что интервенция возведена империалистами в ранг государственной политики.

Политика экспорта контрреволюции и государственного терроризма в ряде случаев приносила успех международной реакции. Можно насчитать немало стран, где иностранное вмешательство позволило удержаться у власти диктаторам, заклейменным историей и проклинаемым собственным народом, где империалистам удавалось затормозить демократические преобразования, подорвать прогрессивные движения, потопить в крови революционные выступления трудящихся. Но с точки зрения дальнейшего развития человечества экспорт контрреволюции, агрессия и государственный терроризм, широко используемые империалистами, бесперспективны, как бесперспективны любые попытки повернуть вспять колесо истории. На основных направлениях мирового развития эта политика неизменно терпела и терпит неудачу. В Программе КПСС отмечается: «Чем сильнее ход исторического развития подтачивает позиции империализма, тем более враждебной интересам народов становится политика его наиболее реакционных сил. Империализм оказывает ожесточенное сопротивление общественному прогрессу, предпринимает попытки остановить ход истории, подорвать позиции социализма, взять социальный реванш во всемирном масштабе»¹.

---

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 132.

Первые попытки повернуть вспять колесо истории, уничтожить только что возникший очаг социализма, взять социальный реванш и были предприняты в ходе Октябрьской революции и сразу после нее.

Империализм тогда потерпел жестокое поражение. Республика Советов сумела отстоять свое существование, советский народ под руководством Коммунистической партии защитил завоевания революции и сорвал империалистические планы.

Трудящиеся Советской страны, засучив рукава, взялись за восстановление разрушенного и строительство нового. Ленин, партия вооружили их четкой и ясной программой построения социализма.

«Завоевание политической власти, победы на фронтах гражданской войны, разгром иностранной военной интервенции, открывшиеся перспективы строительства новой жизни вызвали мощный прилив сил и революционной энергии трудящихся»¹. Было восстановлено народное хозяйство, укреплен союз рабочего класса и крестьянства, дружба советских народов.

Развернулась индустриализация страны, превратившая СССР в могучую промышленную державу. Коллективизация сельского хозяйства создала основы для всестороннего развития производительных сил в деревне. Культурная революция открыла простор для развития творческих сил, духовного расцвета человека труда.

Общность интересов рабочего класса, колхозного крестьянства, народной интеллигенции, трудящихся всех национальностей создала нерушимую базу социально-политического и идейного единства советского общества. Ко второй половине 30-х годов в СССР был в основном построен социализм, продолжавший развиваться и совершенствоваться.

Империализму не удалось сорвать социалистическое преобразование общества. Интервенция, террор, насилие причинили немало страданий народам, но не остановили их поступательного движения. Не остановят они его и впредь.

«При всей неравномерности, сложности и противоречивости,— говорится в Программе КПСС,— движение человечества к социализму и коммунизму неодолимо»².

---

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 125.

² Там же, с. 137.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава I. ВООРУЖЕННАЯ АГРЕССИЯ	13
1. ДИПЛОМАТИЯ ИНТЕРВЕНЦИИ	—
2. АВСТРО-ГЕРМАНСКИЕ ОККУПАНТЫ НА СОВЕТСКОЙ ЗЕМЛЕ	22
3. ВТОРЖЕНИЕ ИМПЕРИАЛИСТОВ АНТАНТЫ	29
Глава II. ПОРАЖЕНИЕ ИНТЕРВЕНТОВ	44
1. РАСШИРЕНИЕ МАСШТАБОВ НЕОБЪЯВЛЕННОЙ ВОЙНЫ	—
2. БЕЛОГВАРДЕЙСКИЕ АРМИИ — НАЕМНИКИ ИМПЕРИАЛИЗМА	51
3. ИЗГНАНИЕ ИНТЕРВЕНТОВ	69
Глава III. ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЛОКАДА	78
1. ЖЕЛЕЗНОЕ КОЛЬЦО	—
2. НА МОРЕ И НА СУШЕ	84
3. БЛОКАДНАЯ ДИПЛОМАТИЯ	93
4. НОВЫЕ ПОЗИЦИИ, СТАРЫЕ ЦЕЛИ	102
Глава IV. ПОДРЫВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИМПЕРИАЛИЗМА	113
1. «ОСОБЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ» ДИПЛОМАТОВ	—
2. ПОДПОЛЬНАЯ ГВАРДИЯ ИНТЕРВЕНТОВ	132
3. ТАЙНАЯ ВОЙНА	148
4. БАНДИТСКИЕ ОТРЯДЫ ИЗ-ЗА РУБЕЖА	161
Глава V. ПОЛИТИКА ВОЙНЫ И ВОЕННОГО РАЗБОЯ	171
1. «НА КАЖДОМ ДОЛЛАРЕ — СЛЕДЫ КРОВИ, НА КАЖДОМ ДОЛЛАРЕ — КОМ ГРЯЗИ»	—
2. ПОСЛЕДСТВИЯ ИНТЕРВЕНЦИИ	182
3. КОСТЛЯВОЙ РУКОЙ ГОЛОДА	190
Заключение	203

АНТИСОВЕТСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ И ЕЕ КРАХ 1917—1922

Заведующий редакцией *А. И. Когеленец*
Редактор *Л. И. Стебакова*
Младший редактор *Т. А. Ходакова*
Художник *Л. Рябыкина*
Художественный редактор *О. Н. Зайцева*
Технический редактор *Г. М. Короткова*

ИБ № 4786

Сдано в набор 22.07.86. Подписано в печать 28.11.86. А00209. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 10,92. Усл. кр.-отт. 11,34. Уч.-изд. л. 12,04. Тираж 100 000 экз. Заказ № 6852. Цена 70 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Трудового Красного Знамени типография изд-ва «Звезда», 614600, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34.

